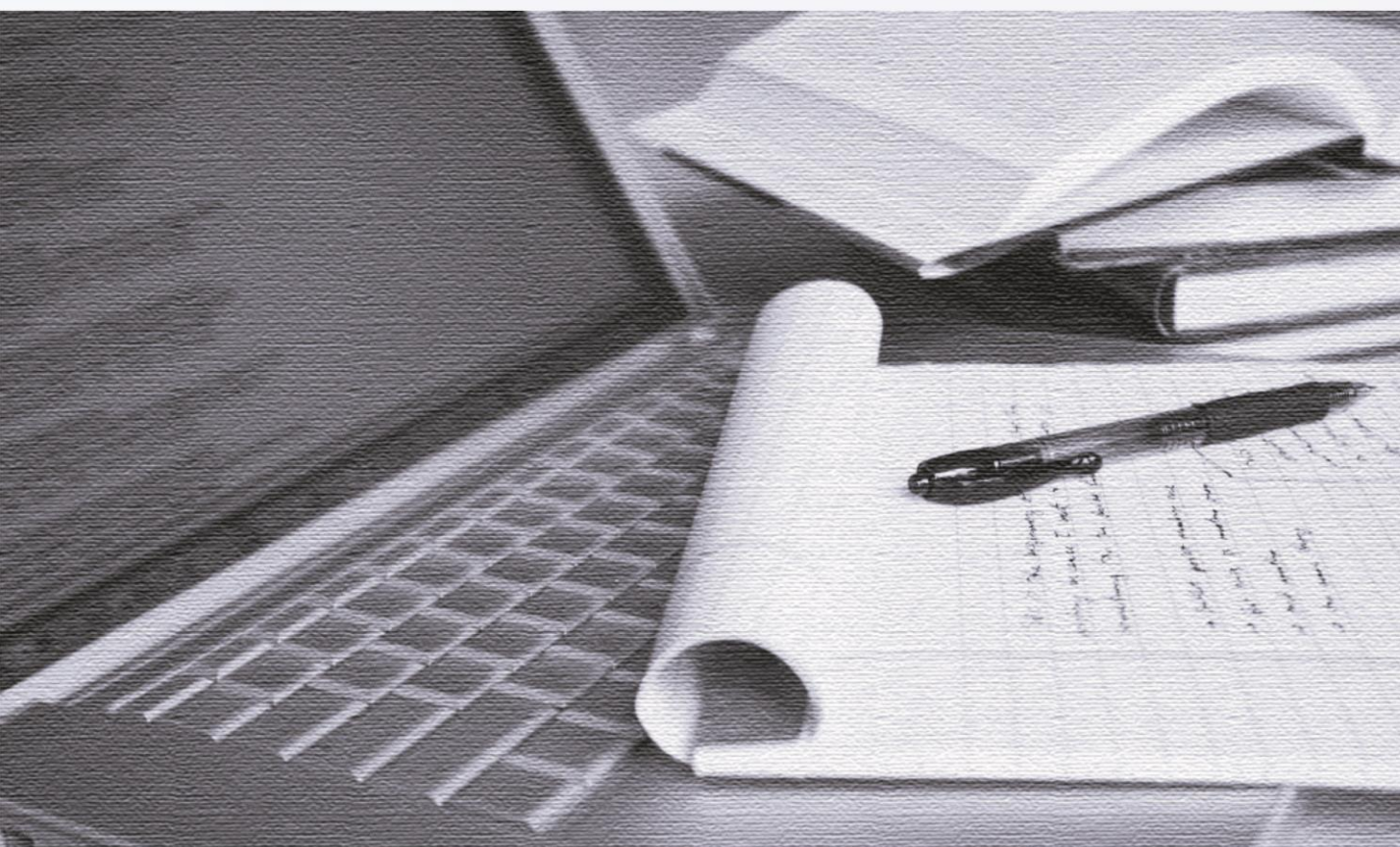

16+

НИЖНЕВАРТОВСКИЙ ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК

ISSN 2500-1795

№2 / 2023

НИЖНЕВАРТОВСКИЙ ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК №2

ISSN 2500-1795

16+

Учредитель: ФГБОУ ВО «Нижневартровский государственный университет»

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор). Свидетельство о регистрации ЭЛ №ФС 77 – 80962 от 30.04.2021.

<https://doi.org/10.36906/2500-1795/23-2>

Периодичность издания: 2 раза в год (1 раз в полгода).

Форма распространения: сетевое издание

Территория распространения: Российская Федерация, зарубежные страны

Языки: русский, английский

Индексируется и размещается: Российский индекс научного цитирования (РИНЦ),
НЭБ КиберЛенинка (CyberLeninka), ЭБС IPRbooks, ЭБС «Лань».

Главный редактор: О.М. Култышева

Редакционная коллегия: Л.Ф. Алексеева, А.Н. Безруков, М.Р. Галиева, Е.В. Киричук, Л.В. Кушнина,
Л.А. Нефёдова, Д. Мэтякубов, Н.С. Саньярова.

Адрес редакции: Россия, 628609, Ханты-Мансийский автономный округ – Югра, г. Нижневартовск, ул.
Мира, д. 3 Б, каб. 305.

Адрес издательства: Россия, 628616, Ханты-Мансийский автономный округ – Югра,
г. Нижневартовск, ул. Маршала Жукова, д. 4. Тел./факс: (3466) 24-50-51, E-mail: izdatelstvo@nvsu.ru

Тип лицензии CC, поддерживаемый журналом: Attribution 4.0 International (CC BY 4.0).

Подготовлено в издательстве НВГУ.

Подписано в печать 15.11.2023

Гарнитура Times. Объем 2,55 МБ, 6,83 п.л.

Заказ 2292. Цена: «Бесплатно»

© Нижневартровский государственный университет, 2023

NIZHNEVARTOVSK PHILOLOGICAL BULLETIN

№2

ISSN 2500-1795

16 +

Founder: FGBOU VO “Nizhnevartovsk State University”

The Journal is Registered by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media (Roskomnadzor). Registration certificate
EL No. FS 77 – 80962 dated 04/30/2021.

<https://doi.org/10.36906/2500-1795/23-2>

Frequency of publication: 2 issues per year.
Distribution form: online edition
Distribution territory: Russian Federation, foreign countries
Languages: Russian, English

Indexed and placed: Russian Science Citation Index (RSCI),
Electronic and library system IPRbooks, the Electronic and library system Lanbook, CyberLeninka.

Editor-in-chief: O. M. Kultysheva.

Editorial Board: L.F. Alekseeva, A.N. Bezrukov, M.R. Galieva, E.V. Kirichuk, L.V. Kushnina,
L.A. Nefedova, D. Matyakubov, N.S. Sanyarova.

Editorial office address: Russia, 628609, Khanty-Mansi Autonomous Okrug – Yugra, Nizhnevartovsk,
st. Mira, 3 B, office. 305.

Publisher's address: Russia, 628616, Khanty-Mansiysk Autonomous Okrug – Yugra,
Nizhnevartovsk, st. Marshal Zhukov, 4. Tel./fax: (3466) 24-50-51, E-mail: izdatelstvo@nvsu.ru

CC license type supported by the journal: Attribution 4.0 International (CC BY 4.0).

Prepared by the publishing house NVGU.
Signed to print: 15.11.2023
Times typeface. Volume 2.55 MB, 6.83 pp
Order 2292. Price: “Free”

© Нижневартровский государственный университет, 2023

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ФИЛОЛОГИЯ И МЕТОДИКА ПРЕПОДАВАНИЯ

<i>Безруков А.Н.</i> НЕДЕТСКАЯ ПОЭЗИЯ СЕРГЕЯ МИХАЛКОВА: ОТ СТРОГОЙ ФОРМАЛЬНОСТИ К СМЫСЛОВОМУ РИГОРИЗМУ	6
<i>Култышева О.М., Малютина А.Д.</i> ИНТЕГРАЦИЯ МУЗЫКИ И ЛИТЕРАТУРЫ В СИСТЕМЕ ОБРАЗОВАНИЯ: МЕЖПРЕДМЕТНЫЕ СВЯЗИ	19
<i>Митрофанов В.В.</i> «ОДНО ИЗ МНЕНИЙ О ПОЭЗИИ НЕКРАСОВА»: РЕЦЕНЗИЯ С.Ф. ПЛАТОНОВА	26
<i>Саньярова Н.С.</i> КРАТКИЙ ОБЗОР-ЦИТАТНИК МНЕНИЙ ЛИНГВИСТОВ О ПРИСОЕДИНИТЕЛЬНЫХ СЛОЖНОСОЧИНЕННЫХ КОНСТРУКЦИЯХ РУССКОГО ЯЗЫКА	37
<i>Себелева А.В., Булка О.С.</i> МИФОЛОГИЧЕСКАЯ КАРТИНА МИРА СЛАВЯН В ПОВЕСТИ Н.В. ГОГОЛЯ «ВИЙ»	71
<i>Фанова В.Г.</i> ПРОГРАММА «СТРАНА АЙПИНА» (УРОКИ ВНЕКЛАССНОГО ЧТЕНИЯ, 5–7 КЛАСС)	82
<i>Шелухин Ф.В.</i> ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА В КИНО: ПЬЕСА В.С. РОЗОВА «ВЕЧНО ЖИВЫЕ» И ФИЛЬМ М.К. КАЛАТОЗОВА «ЛЕТЯТ ЖУРАВЛИ»	89

ИНОСТРАННАЯ ФИЛОЛОГИЯ И МЕТОДИКА ПРЕПОДАВАНИЯ

<i>Галиева М.Р.</i> НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНАЯ СПЕЦИФИКА БИБЛЕИЗМОВ	99
<i>Горишнов Ю.В.</i> ЛИТЕРАТУРНЫЕ АССОЦИАЦИИ РИФМОВАННОГО СЛЕНГА: ЧАРЛЬЗ ДИККЕНС И ЕГО ПЕРСОНАЖИ В РИФМОВАННОМ СЛЕНГЕ	111
<i>Кудрицкая М.И.</i> ИССЛЕДОВАНИЕ ПОНЯТИЙ ПОДЛИННОСТИ И СМЫСЛА В ИСКУССТВЕ: АНАЛИЗ ВЫРАЗИТЕЛЬНЫХ СРЕДСТВ И СТИЛИСТИЧЕСКИХ ПРИЁМОВ В РОМАНЕ «HEADLONG» МАЙКЛА ФРЕЙНА	120
<i>Мельникова Л.А.</i> ОБРАЗЫ ГЕРОЕВ-ДЕТЕКТИВОВ В РОМАНЕ Ф. ШОЙНЕМАНН «ЗАГАДКА СБЕЖАВШЕГО СЕЙФА»	133
<i>Фоменко Е.А.</i> ЭКОЛИНГВИСТИКА, ЭКОЛОГИЯ ПЕРЕВОДА, ЭКОТРАНСЛАТОЛОГИЯ: СООТНОШЕНИЕ ПОНЯТИЙ В СВЕТЕ СОВРЕМЕННОЙ ДИСКУРСИВНОЙ ПРАКТИКИ	141
<i>Чащина Е.И., Киричук Е.В.</i> СИМВОЛИКА В ТВОРЧЕСТВЕ СЕСТЕР БРОНТЕ (НА МАТЕРИАЛЕ РОМАНОВ «ДЖЕЙН ЭЙР» И «ГРОЗОВОЙ ПЕРЕВАЛ»)	149
<i>Ярцева С.В.</i> АНАЛИЗ ФОНЕТИЧЕСКОЙ ИНТЕРФЕРЕНЦИИ НА ПРИМЕРЕ «СПАНГЛИША»	160

CONTENT

DOMESTIC PHILOLOGY AND TEACHING METHODS

<i>A.N. Bezrukov</i> NON-CHILDREN'S POETRY BY SERGEY MIKHALKOV: FROM STRICT FORMALITY TO SENSIBLE RIGORISM	6
<i>O.M. Kultysheva, A.D. Malyutina</i> INTEGRATION OF MUSIC AND LITERATURE IN THE EDUCATION SYSTEM: INTER-SUBJECT RELATIONS	19
<i>V.V. Mitrofanov</i> «ONE OF THE OPINIONS ABOUT NEKRASOV'S POETRY»: S.F. PLATONOV'S REVIEW	26
<i>N.S. Sanjyarova</i> BRIEF REVIEW OF QUOTATIONS OF LINGUISTS' OPINIONS ABOUT CONNECTIVE COMPOUNDS CONSTRUCTIONS OF THE RUSSIAN LANGUAGE	36
<i>A.V. Sebeleva, O.S. Bulka</i> THE MYTHOLOGICAL PICTURE OF THE WORLD OF THE SLAVS IN N.V.GOGOL'S NOVELLA «VIY»	72
<i>V.G. Fanova</i> PROGRAM "COUNTRY OF AIPIN" (OUT-OF-CLASS READING LESSONS, GRADES 5–7).....	83
<i>F.V. Shelukhin</i> INTERPRETATION OF A LITERARY TEXT IN THE CINEMA: V.S. ROZOV'S PLAY "FOREVER ALIVE" AND M. K. KALATOZOV'S FILM "CRANES ARE FLYING"	91

FOREIGN PHILOLOGY AND TEACHING METHODS

<i>M.R. Galieva</i> NATIONAL-CULTURAL SPECIFICITY OF BIBLICAL IDIOMS	101
<i>Yu.V. Gorshunov</i> LITERARY ASSOCIATIONS IN RHYME SLANG: CHARLES DICKENS AND HIS CHARACTERS IN RHYME SLANG	113
<i>M.I. Kudritskaya</i> EXPLORING AUTHENTICITY AND MEANING IN ART: AN ANALYSIS OF EXPRESSIVE MEANS AND STYLISTIC DEVICES IN "HEADLONG", NOVEL BY MICHAEL FRAYN	134
<i>L.A. Melnikova</i> IMAGES OF DETECTIVE HEROES IN F. SCHEUNEMANN'S NOVEL "THE MYSTERY OF THE RUNNING SAFE"	147
<i>E.A. Fomenko</i> ECOLINGUISTICS, ECOTRANSLATOLOGY, ECOLOGY OF TRANSLATION: CORRELATION OF CONCEPTS IN THE LIGHT OF MODERN DISCOURSE PRACTICE	155
<i>E.I. Tchaschina, E.V. Kirichuk</i> THE ROLE OF THE SYMBOL IN THE WORK OF THE BRONTE SISTERS (BASED ON THE NOVELS «JANE EYRE» AND «WUTHERING HEIGHTS»)	122
<i>S.V. Yartseva</i> THE ANALYSIS OF THE PHONETIC INTERFERENCE ON THE SAMPLE OF "SPANGLISH"	163

**ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ФИЛОЛОГИЯ И МЕТОДИКА ПРЕПОДАВАНИЯ /
DOMESTIC PHILOLOGY AND TEACHING METHODS**

УДК 82.93

<https://doi.org/10.36906/2500-1795/23-2/01>*Безруков А.Н.***НЕДЕТСКАЯ ПОЭЗИЯ СЕРГЕЯ МИХАЛКОВА:
ОТ СТРОГОЙ ФОРМАЛЬНОСТИ К СМЫСЛОВОМУ РИГОРИЗМУ**

Аннотация. Лирика Сергея Владимировича Михалкова традиционно рассматривается с позиций манифестации в ней номинативно детской тематики, проблематики взросления ребенка, постижения последним разнообразных граней жизни. Однако это не совсем так, ибо творчество С.В. Михалкова вмещает и более сложную тематическую грань – тему войны. В 2023 году вышел в свет сборник «Военные стихи», который содержит тексты, написанные во время Великой Отечественной войны, когда С.В. Михалков был военным писателем-корреспондентом газеты «Во славу Родины», издания «Сталинский сокол» и других периодических формаций. Для поэта главной задачей была, вероятно, направленность на поднятие духа солдат, конкретизация военных событий, описание подвигов, осуждение трусости и предательства. Сергей Михалков смело, а самое главное, открыто разбирает правду жизни, ориентированную на 1941–1945 годы. Актуальность стихов в сборнике для сегодняшнего дня необычайно высока. Современный читатель многое может почерпнуть из метко сказанных фраз Сергея Михалкова, представить и пережить эмоционально столь страшный опыт России, да и всего мира. Методология исследования ориентирована на герменевтические принципы, варианты рецептивного прочтения текстов. Думается, что «Военные стихи» Сергея Михалкова это не только наносное привлечение внимания к собственной фигуре, но обращение к солдатам, офицерам, труженикам тыла, угнанным в плен, матерям, женам, детям бойцов. Особое место в сборнике занимает образ народа, который выстоял в столь страшной и беспощадной войне. Автор верит, что победа будет достигнута любой ценой, чтобы ни мешало солдатам. Реалии стихотворений поднимали в годы Великой Отечественной войны дух защитников Родины, действительно влияют тексты и на современного читателя вне зависимости от возраста. Военная лирика Сергея Михалкова проста, доступна, порой свободна от серьезной смысловой наполненности, однако она искренна, чувственна, натуральна. Таким образом, в данной статье осуществлена попытка затронуть малоисследованный пласт наследия Сергея Михалкова, а также разобраться в специфике понимания поэтом сложной ситуации – войны, точно обратиться к анализу лирических форм. Материал целесообразно использовать в рамках изучения курсов по истории русской литературы XX века, творчества Сергея Михалкова.

Ключевые слова: Сергей Михалков; «Военные стихи»; лирика; автор; русская литература XX века; реализм; читатель.

Сведения об авторе: Безруков Андрей Николаевич, кандидат филологических наук, доцент кафедры филологии Уфимского университета науки и технологий (Бирский филиал).

Контактная информация: 452450, Россия, Республика Башкортостан, г. Бирск, ул. Интернациональная, 10; тел.: 8 (34784) 4-04-70; e-mail: in_text@mail.ru

A.N. Bezrukov

NON-CHILDREN'S POETRY BY SERGEY MIKHALKOV: FROM STRICT FORMALITY TO SENSIBLE RIGORISM

Abstract. Sergei Mikhalkov's lyrics are traditionally viewed from the standpoint of the manifestation of nominative children's themes, the problems of a child growing up, and the latter's comprehension of various facets of life. However, this is not entirely true, because the work of S.V. Mikhalkov also includes a more complex thematic facet – the theme of war. In 2023, the collection “War Poems” was published, which contains texts written during the Great Patriotic War, when S.V. Mikhalkov was a war writer-correspondent for the newspaper “For the Glory of the Motherland”, the publication “Stalinsky Falcon” and other periodicals. For the poet, the main task was probably to raise the spirit of soldiers, concretize military events, describe exploits, and condemn cowardice and betrayal. Sergei Mikhalkov boldly, and most importantly, openly examines the truth of life, focused on the years 1941–1945. The relevance of the poems in the collection for today is extremely high. The modern reader can learn a lot from the aptly spoken phrases of Sergei Mikhalkov, see effectively and experience such a terrible experience in Russia, and the whole world. The research methodology is focused on hermeneutic principles and options for receptive reading of texts. It seems that “War Poems” by Sergei Mikhalkov is not only a superficial drawing of attention to one's own figure, but an appeal to soldiers, officers, home front workers, captured, mothers, wives, and children of soldiers. A special place in the collection is occupied by the image of the people who survived such a terrible and merciless situation. The author believes that victory will be achieved at any cost, so as not to interfere with the soldiers. The realities of the poems raised the spirit of the defenders of the Motherland during the Great Patriotic War; the texts effectively influence the modern reader, regardless of age. Sergei Mikhalkov's military lyrics are simple, accessible, sometimes free from serious semantic content, but they are sincere, sensual, and natural. Thus, this article makes an attempt to touch upon a little-studied layer of Sergei Mikhalkov's legacy, as well as to understand the specifics of the poet's understanding of a difficult situation – war, and specifically turn to the analysis of lyrical forms. It is advisable to use the material as part of the study of courses on the history of Russian literature of the twentieth century, the work of Sergei Mikhalkov.

Keywords: Sergey Mikhalkov; “War Poems”; lyrics; author; Russian literature; realism; reader.

About the author: Bezrukov Andrei Nikolaevich¹, Candidate of Philology, Associate Professor, Ufa University of Science and Technology (Branch in Birk).

Contact information: 452450, Russia, Republic of Bashkortostan, Birk, st.International, 10; tel.: 8 (34784) 4-04-70; e-mail: in_text@mail.ru

Безруков А.Н. Недетская поэзия Сергея Михалкова: от строгой формальности к смысловому ригоризму // Нижневартровский филологический вестник. 2023. №2. С. 6-18. <https://doi.org/10.36906/2500-1795/23-2/01>

Bezrukov, A.N. (2023). Non-Children's Poetry by Sergey Mikhalkov: From Strict Formality to Sensible Rigorism. *Nizhnevartovsk Philological Bulletin*, (2), 6-18. (in Russian). <https://doi.org/10.36906/2500-1795/23-2/01>

Сергей Михалков для большинства читателей, а это практически весь Советский Союз, зарубежье, теперь и современная Россия, ассоциируется с «Дядей Стёпой». Именно этот текст мы вспоминаем, когда касаемся имени, образа, некоего художественного взгляда Сергея Владимировича Михалкова. И это вполне правомерно растиражировано, редуцировано в ряде доступных критических (Языкова 2003) и не только источников. Именно он, точнее его лирика, дает нам еще в детстве импульс на расширение жизненных ориентиров, учит так называемой правде жизни, формирует сложный базис истинных ценностей. Поэзия С.В. Михалкова откровенна и доступна для многократного прочтения, и его тексты не перестают удивлять, радовать, облагораживать.

Судьба С.В. Михалкова, не так проста, как кажется, хотя династия, дворянский род (Гореславская 2009), имеют несомненное влияние на прогнозирование ряда событий. Многие в жизни пришлось преодолеть этому человеку: здесь и 20–30 годы XX века, и Великая Отечественная война, и оборона Севастополя, и работа на ткацкой фабрике, и вхождение в мир искусства, и выработка собственного почерка, стиля. При этом достаточно рано поэт обретает статус всенародного любимца, детского писателя, автора незаурядной лирики, тяготеющей, на первый взгляд, к формальности, но при внимательном чтении высвечивающей строгий ригоризм.

Первое, что привлекает у Сергея Михалкова – умение убедительно сказать о действительности, сформировать устойчивый образец жизни, может быть в какой-то мере и идеалистический. Но само время требовало от писателей, художников слова именно такой направленности. Скрывать, выдумывать, фантазировать было просто нельзя. Можно предположить, что реалистические методы в искусстве XX века маркировали акцент на доподлинность, истинность, эстетическую валидность. Даже за формой или жанром

приоритетно подразумевался настрой на точность. В качестве примера можно привести увлеченность Сергея Михалкова баснями (Варварский 2013), драматургией, литературной критикой, публицистикой. Во всех текстах наблюдается строгая «зависимость» от настоящего, фактического. Пожалуй, этим и отличается С.В. Михалков от других поэтов, этим он и вызывал гнев критиков, укорявших автора в конъюнктуре, сиюминутности, стремлении угодить власти. Отчасти, в этом, видимо есть доля правды, но сами тексты С. Михалкова поистине вековечны. Заметим, что в них фальшивого, неискреннего все же нет.

Талант Сергея Михалкова в его откровенной морализации, настаивании на непререкаемом манифесте благородности, человечности, любви к ближнему. Не любой писатель, тем более поэт может гордиться подобным авторитетом у детей (Михалков 1972), подростков, взрослых и серьезных читателей (Басинский 2014). Аудитория, к которой обращался писатель, была многомиллионной, при этом серьезной рекламы можно было и не делать. Новые тексты производили впечатление практически сразу после публикации. Да, книги Сергея Михалкова тиражировали, массово распространяли (Михалков 1976), но качество его произведений было на должном поэтическом / художественном уровне. Не стоит сравнивать его тексты с выверенной, образцовой литературной классикой XIX века, он не Пушкин, не Лермонтов, не Фет, потому что он Михалков. У поэта сложилась своя манера речи, свой взгляд на мир был выработан с подачи мировой культуры, литературы. Констатируем – самобытен автор по определению.

Стоит отметить, что текстовое поле С. Михалкова зашкаливает (Михалков 1981), это огромный метатекст, сформированный в рамках классической русской поэзии, в пределах особого эстетического корпуса. Автор не допускает в своих т.н. «детских» текстах фальши, обмана, провокации. Мастерство Сергея Михалкова сокрыто в простоте, сам автор это прекрасно понимал, ввиду этого, вероятно, и некая повторяемость стандартных языковых моделей в его текстах.

В 1935 году выходит первое известное произведение С.В. Михалкова – «Дядя Стёпа», с 1937 – он член Союза писателей СССР, в 1939 Сергей Михалков получил первый орден Ленина. Популярность данного поэта практически не снижалась до конца жизни (Михалков 2007), стоит напомнить, что Сергей Михалков является автором слов трех государственных гимнов для трех эпох нашей страны – двух советских и одного российского, «причем все три раза на конкурсной основе», он автор слов на Могиле Неизвестного Солдата у кремлевской стены. Таким образом, его сочинения жанрово вариативны, тематически разнообразны, в ряде моментов типичны, характерны, но определенный образец оценки реалий автор конфигурирует и делает это весьма достойно и качественно. Не столько эксперимент (Безруков 2020) допускает Сергей Михалков в лирике, сколько совершает программное обобщение эстетических колебаний.

Для советской литературы тексты Сергея Михалкова идеальны, ибо они просты, доступны, реалистичны. Заметим, что соцреализм был удобен в годы Великой Отечественной войны, так как пропаганда и манифестация были основными векторами

литературы этого периода. Читатель нуждался в таких откровенно громких темах как патриотизм, мужество, гражданственность, отвага, подвиг. И на передовой, и в тылу читали стихи Анны Ахматовой, Константина Ваншенкина, Евгения Винокурова, Семёна Гудзенко, Юлии Друниной, Павла Когана, Бориса Пастернака, Давида Самойлова, Константина Симонова, Алексея Суркова, Александра Твардовского, Павла Шубина. Малая форма, малый жанр в годы Великой Отечественной войны был востребован чаще, его легче было написать, выучить, озвучить, пропеть, записать. При этом, художественные особенности, поэтические извороты тщательным образом продумывались и шлифовались. Язык военной лирики был строг, сух, немногосложен, но оценочен и объективен. Не нарушает этих принципов Сергей Михалков, находясь в актуальном контексте.

Тема войны, не столь типичная для всего наследия С.В. Михалкова, достаточно конструктивно и верифицировано звучит в сборнике, который был издан в 2023 году издательством «АСТ» («Военные стихи»). Книга представляет собой структурированный свод поэтических текстов, написанных поэтом, как в годы Великой Отечественной войны, так и позднее. В ряде интервью Сергей Михалков отмечал, что самое важное в его жизни это то, что «он смог пройти войну и выжить», «остаться в живых», «война продолжает сниться». Бойцам, воинам, защитникам Отечества всегда приходилось пережить этот момент индивидуально, при этом страшные события, увиденные воочию, никогда их не покинуть. Напоминанием о трудностях военных событий, о тяготах перенесенных народом, о должном подвиге советских солдат, о мужестве на войне, о трагедии самого высшего порядка и проговаривается в «Военных стихах» С.В. Михалкова.

Сборник необычайно крепок композиционно, его основной идейный стержень заключается в вариантном рассмотрении указанной проблемы. Думается, что для Сергея Михалкова, как собственно и для современных писателей, правда прозаиков (Соколова 2021), например, Андрея Геласимова, Вячеслава Дёгтева, Сергея Дышева, Олега Ермакова, Александра Карасева, Игоря Николаева, Александра Пелевина, Захара Прилепина, Александра Проханова, Геннадия Сазонова, Александра Терехова, Андрея Тургенева, Олега Хандуся, Алексея Щербакова война это особый срез жизни, некое преодоление непреодолимого, выработка в себе умения сдерживать эмоционально-экспрессивный тон, находить выход из порой, безвыходного положения. Трудности, как видим, закаляют, но и человек становится сложнее, серьезнее в мыслях, если не сказать жестче, собственно этот предел невозможно не отобразить в творчестве. Художники-фронтовики, иллюстраторы (Дмитренко, Бахтияров 2022), музыканты, композиторы, актеры, писатели, все, кто прошел маховик военных событий, ни на минуту не забывали этого страшного испытания. Для себя и для родных, конечно же, нужно было отпустить подобный опыт, но имманентно он остался неизбежным.

Эстетический взгляд Сергея Михалкова направлен на особое, свое отношение к жизни. Большая часть его лирики субъективна по определению. Хотя и тривиальный тон несколько затемняет, собственно личное прописано фактурно. На наш взгляд, умение синтезировать

частный случай и типически характерное для времени, эпохи и есть талант, дар. Отличались подобным достижением цели Александр Блок, Владимир Маяковский, Анна Ахматова, Марина Цветаева, Андрей Вознесенский, Евгений Евтушенко и многие другие. И все же для Сергея Михалкова было важным преодолеть сиюминутное состояние, высветить наиболее важные составляющие человеческого бытия. Не случайно он начинает с этапа, который маркируется как детство, далее движется в сторону юности, потом молодости. Отметим, что позиция поэта становится объективно понятной в ходе целостного восприятия творчества, итогового достижения читателем полимодальной картины художественной реальности.

Тема войны в сборнике С.В. Михалкова раскрывается ступенчато. Если в 1941 году в таких текстах как «Народ богатырский мой», «Три товарища», «Горнист», «Я не хочу», «Фашист», «Останови, отбрось и разгромай!», «Пионерская посылка», «Это – наше!» и ряде других поэт прямо, сдержано, формализовано, нарочито воссоздает события Великой Отечественной, стремясь акцентировать внимание на внешних обстоятельствах, то в 1942-ом тональность его стихов меняется принципиально. Думается, что наработанный стиль движется к некоему совершенству, а форма, скорее всего, уходит на второй план. Искренность, правдивость, особая эмоциональность, жизненная доброта высвечиваются как доминанты содержания. Лирика Сергея Михалкова становится в большинстве своем сюжетной (Безруков 2019), а это говорит об умелой типизации и обобщении. Например, явно трагедийно звучит начало стихотворения 1942 года «Фотография»:

В бумажнике фашистского солдата,
Насильника, бандита, подлеца,
Ее нашли.
Перед расстрелом сняты
Два наших русских раненых бойца (Михалков 2023: 82).

Жестокость реальности, определенное предчувствие исхода поэт произносит во второй строфе стихотворения, тем самым вновь усложняя разговор с читателем:

Минуту смерти гордо презирая,
Они, непобежденные, стоят
На фоне подожженного сарая
Спиной к огню, лицом на аппарат (Михалков 2023: 82).

Стихотворение выстраивается в режиме раскадровки, даже без учета, что фотография есть статическое искусство. Сергей Михалков мастерски сводит две крайние точки противостояния: это «фашистские солдаты» и «непобежденные герои». Думается, эффект контраста, выведенный за основу стихотворения позволяет допустить некое мерцание, реверсив перехода взгляда от одних к другим и наоборот.

А возле них, нацелив автоматы,
Убийство в развлеченье превратив,
Позируют фашистские солдаты,
Стараясь не уйти за объектив (Михалков 2023: 82).

Документальность представленных событий позволяет реализовать эмоционально-чувственный уровень текста еще сложнее. Стоит заметить, что обычно в лирике внешнее является лишь импульсом для воссоздания внутреннего, в данном случае так и происходит. Лексический состав стихотворения «Фотография» прост, неизящен, но за счет глаголов движение / импульс перерастает в хронику:

Рука фотографа-убийцы
Не дрогнула, запечатлев момент,
И фотография легла в бумажник фрица,
И снимок превратился в документ (Михалков 2023: 83).

Сергей Михалков как военный корреспондент прекрасно понимал, что фактография должна быть на первом месте, правдоподобие не скроет фальши и лжи. Герои этого стихотворения максимально настоящие, они визуализированы и автором, и читателем. Не исключены в тексте и пространственные параметры, которые также объективируются по ходу развития лирической наррации.

Возьми его и рассмотри поближе!
Он снят бездушным и тупым врагом,
Снимавшим так в Варшаве, и в Париже,
И в Таганроге нашем дорогом (Михалков 2023: 83).

Масштаб катастрофы войны в тексте показан отчетливо, причем весь этот ужас, как-то неосознанно, а может и сознательно, с чувством некоего удовлетворения, снимается фашистом с разных точек, разных ракурсов, тем самым оживая в сознании читателей. Поэт дает возможность таким образом нам пережить, испытать, прочувствовать полновесно боль событий, горькое молчание, при этом внутреннюю силу и веру в то, что жизнь отдана ради спасения других.

Для освещения поджигая хаты,
Задерживая казнь на пять минут,
Своим немецким фотоаппаратом
Он с разных точек щелкал там и тут (Михалков 2023: 83).

Тоталитарно звучат два последних катрена этого стихотворения. Они обобщают сказанное, стягивают рамки исторического времени, и насколько актуально их воспроизводить именно сейчас:

Когда-нибудь в музее преступлений,
В отделе гитлеризма, под стеклом,
Экскурсовод, не в силах скрыть волнения,
Покажет нам объемистый альбом.

И мы увидим на одной странице,
Поблекшую от времени слегка,
Ту фотографию, что мы нашли у фрица –
Фельдфебеля германского полка (Михалков 2023: 83).

Несомненный, безапелляционный приговор выносится поэтом: жизнь расставляет все по своим местам и ужасы войны, бесчинство, злость, ненависть, страшные преступления подвергаются осуждению. Для Сергея Михалкова, как и для большинства поэтов периода Великой Отечественной войны – например, Константина Симонова, Александра Твардовского, Алексея Суркова, Давида Самойлова, Павла Когана и других – «преступное начало, оставленное под стеклом», есть напоминание; собственно контраст и завершает органику композиции стихотворения «Фотография». Сложно не согласиться с автором, странно не принять его точку зрения. Думается, что этот текст, конечно же, не формальный отчет для периодического издания, не угоднический жест в адрес государственного аппарата, а настоящая русская художественная литература.

Мотивы родного дома, семьи, родной земли, родного края расширяют военнотематический пласт лирики Сергея Михалкова. Заметим, что Родина явление многоликое, причем данное слово / концепт (Безруков 2021), вероятно, было основным для поэтов-фронтовиков, основным является для читателей и сейчас. Разверстка иного порядка, иной сюжетной вариации происходит в стихотворении «Фронтвик домой приехал». Многими фактически отмечается, что война неизбежно меняет отношение человека к жизни, события войны не отпускают солдат до конца, это факт. Многогранно смешивается в сознании, памяти мирный план и план военных событий, ригоризмом обладает смысл сказанного о тех страшных годах. Сергей Михалков улавливает это чисто по-человечески, естественно, далее же сводит размышления в единый крепкий лирический текст:

Фронтвик домой приехал.
С фронта. В отпуск. На семь дней.
Больше года он не видел

Ни жены и ни детей.
Фронтовик домой приехал.
Снял шинель и сапоги,
Потемневшую портянку
Снял с натоптанной ноги (Михалков 2023: 97).

Сон как форма помогает поэту совместить память, явь / действительное, а также реализовать желание выполнить свой долг перед Родиной – защитить ее любой ценой, преодолевая как буквальные, так и условные границы. Тревога о доме, семье, детях все это не пустые слова для Сергея Михалкова, это человеческие принципы, гуманистический настрой автора.

И ему приснилось ночью,
Что на поле боя он,
Что опять во фланг фашистам
Вышел третий батальон,
И опять его товарищ –
Неразлучный автомат –
Бьет по выцветшим шинелям
Наступающих солдат (Михалков 2023: 97).

Главная мысль стихотворения «Фронтовик домой приехал» сориентирована на то, что без победы нет будущего, не останется ничего родного, любимого, милого, значимого – не будет и жизни. Безусловно, с фашистскими лозунгами, с патетикой ненависти к человеку никак это не совмещается. В рамках указанного сюжета стоит вспомнить особый тон стихотворения Константина Симонова «Родина», которое написано в 1941 году:

Но в час, когда последняя граната
Уже занесена в твоей руке
И в краткий миг припомнить разом надо
Все, что у нас осталось вдалеке... (Симонов 1979: 90).

По-настоящему, с глубокой уверенностью в Победе завершает стихотворение К. Симонов. Финал звучит призывом защищать свой родной край, свою землю, свое Отечество:

Да, можно выжить в зной, в грозу, в морозы,
Да, можно голодать и холодать,
Идти на смерть... Но эти три березы
При жизни никому нельзя отдать (Симонов 1979: 90).

Насколько точно совпадают взгляды Константина Симонова и Сергея Михалкова. В данном случае для Михалкова продуктивность (Безруков 2023) военной темы в векторном изображении событий, в отличие от его т.н. «детской» поэзии. Для Симонова же проекция важнее, исторический пласт срабатывает наиболее выразительно, читатель расширительно воспринимает координаты жизни. Разлука с родным домом окрашена в стихотворении «Фронтовик домой приехал» тяжестью неизбежности. Субъективная оценка реалий соотносится с альтернативной точкой зрения. И это не только сам факт преодоления Великой Отечественной войны, но и уничтожение злой силы, нанесшей человечеству непоправимый оборот мирной жизни. Значимость строк Сергея Михалкова должна быть растиражирована, ибо поступки людей, солдат решают многое.

Смысловый градиент указанных конструкций точно консолидирован в стихотворении «Встреча с предком». Заголовок уже ориентирует на историческую память, исторический фон, некий исход уже давно произошедших событий. Стягивается в точку невозврата идейная составляющая лирического манифеста, имеющего подзаголовок «К 700-летию Ледового побоища»:

Скажи, потомок, неужели
Германцы, родичи мои,
За семь веков не поумнели
И с русскими ведут бои?

Меня на льду славяне били,
Теперь тебя славяне бьют.
Вы что, историю забыли?
Теперь ее не признают? (Михалков 2023: 105).

Объективность нарочито обозначается Сергеем Михалковым. Стойкость, патриотизм, героизм, веру нельзя сломать у русского воина, офицера, солдата. Нет никакой уверенности в победе противника, сомнение высказывается даже неприятелем:

Был глухо слышен голос фрица,
Уже идущего под лед:
– Нам у истории учиться
Безумный фюрер не дает (Михалков 2023: 106).

В стихотворении «Встреча с предком» диалог с читателем поддерживается с помощью риторических вопросов, для поэта данный прием является не номинативным, но продуктивным. Отвечает на него и сам автор, и лирический герой, и читатель. Таким образом, манера письма Сергея Михалкова вновь может быть скорректирована принципом

расширительного порядка. Не исключается эта установка в таких стихах, как «Связист», «Не быть России покоренной», «Разведчик», «Последнее слово», «Письмо домой», «Три ордена».

Сборник «Военные стихи» С.В. Михалкова включает также текст особого смыслового порядка, это стихотворение «Откуда ты?». Композиция данного лирического конструкта построена на фиксации диалога между т.н. «корреспондентом» и «солдатами». Чередование голосов происходит по модели «вопрос – ответ». Первая, третья, пятая, седьмая, девятая строфы заканчиваются фразой: «Скажи, боец, откуда родом ты?» (Михалков 2023: 128-129). Вторая, четвертая, шестая и т. д. есть комментарий-ответ, включающий тоpos рождения бойца. Максимально расширена география, этнический состав участников войны – это и казахи, и узбеки, и грузины, и сибиряки, и москвичи. Всех объединила, сплотила, вывела на путь защиты Отечества страшная трагедия 1941–1945 годов. Сергей Михалков старается показать в данном стихотворении единство солдат, если по этническому, культурному принципам они и разнятся, то исторически они представляют собой единое целое. Завершается текст объемной формулой связности людей:

Войди в блиндаж, пройди по батареям,
Везде они, бойцы моей страны.
Мы вместе спим и вместе воду греем
И друг для друга жизни не жалеем –
В одну семью Отчизной сплочены (Михалков 2023: 130).

Сергей Михалков, являясь непосредственным участником Великой Отечественной войны, видя ужасы, трагедию, страх людей, кровь и смерть, конечно же, не мог говорить об этом фальшиво. Чувственно-эмоциональный тон стихов этой книги позиционен; поэт порой не может сдержать слез, буквально, естественно, не говоря об этом. Настрой должен был быть иным, этого требовала ситуация. Искреннее желание дойти до Победы охватывает всю книгу, данный вектор надежды передается и читателям.

Таким образом, подводя итог, можно отметить, что тема войны, казалось бы, не свойственная творчеству Сергея Михалкова, раскрывается им приватно, не как заказ, не по стандарту. Поэт высказывает столь необходимый и важный свод мыслей, ориентирует на неизбежный вывод. Особенностью «Военных стихов» является их диалогическая природа, история не забыта, она оппозицией магистральям соцреализма введена в текстовую ткань. Насколько современно звучат строчки С.В. Михалкова в наши дни, объяснять не надо, они будут актуальны и далее. Тон всех стихов сборника надрывен, сложен эмоционально, тяжел, но в них нет страха, нет безысходности. Поэт выражает твердую уверенность в силе и вере русского солдата в Победу, это поддерживается как на уровне формы, так и содержания. Следовательно, лирика Сергея Михалкова в крайности указанной темы тяготеет к объективности, достоверности, правде.

ЛИТЕРАТУРА

Басинский П.В. Скрипач не нужен. Москва: АСТ : Редакция Елены Шубиной, 2014.

Безруков А.Н. Концептология современной детской литературы // Нижневартровский филологический вестник. 2021. № 1. С. 4-14.

Безруков А.Н. Поэтика парадокса в системе литературных экспериментов Игоря Губермана // Вестник Государственного гуманитарно-технологического университета. 2020. № 2. С. 15-21.

Безруков А.Н. Рецепция художественного текста: функциональный подход. 2-е издание, дополненное. Санкт-Петербург: Гиперион, 2023.

Безруков А.Н. Сюжетология поэтических конструкторов // *Studia Humanitatis*. 2019. № 3. С. 24.

Варварский И.В. С.В. Михалков – баснописец советской эпохи. К 100-летию со дня рождения // Бюллетень медицинских интернет-конференций. 2013. Т. 3, № 2. С. 92.

Гореславская Н.Б. Михалковы. Семейный клан. Москва: ЭКСМО, 2009.

Дмитренко А.Ф., Бахтияров Р.А. А музы не молчат... Великая Отечественная война в художественной культуре СССР и России 1941-2020 годы. Санкт-Петербург: Центр научно-информационных технологий «Астерион», 2022.

Михалков С.В. Военные стихи / худ. Е. Рачев, С. Зорина. Москва: Издательство АСТ, 2023.

Михалков С.В. Все начинается с детства. Москва: Педагогика, 1972.

Михалков С.В. Вчера, сегодня, завтра. Избранные стихи. 1935-1965. Москва: Художественная литература, 1976.

Михалков С.В. Собрание сочинений в 6 т. Т.1. Москва: Художественная литература, 1981.

Михалков С.В. Что такое счастье. М.: Эксмо, 2007.

Симонов К.М. Собрание сочинений: в 10-ти т. Т.1. Стихотворения. Поэмы. Вольные переводы. Москва: Художественная литература, 1979.

Соколова И.В. Современная военная проза в русской литературе: учебное пособие. Владивосток: Издательство Дальневосточного федерального университета, 2021.

Языкова Е.В. О творчестве Сергея Михалкова. 2-е изд. Москва: Просвещение, 2003.

REFERENCES

Basinskiy, P.V. (2014). *Skipach ne nuzhen*. Moskva: AST : Redakciya Eleny` Shubinoj.

Bezrukov, A.N. (2021). *Konceptologiya sovremennoj detskoj literatury`*. *Nizhnevartovskij filologicheskij vestnik*. № 1. S. 4-14.

Bezrukov, A.N. (2020). *Poe`tika paradoksa v sisteme literaturny`x e`ksperimentov Igorya Gubermana*. *Vestnik Gosudarstvennogo gumanitarno-texnologicheskogo universiteta*. № 2. S. 15-21.

Bezrukov, A.N. (2023). *Receptiya xudozhestvennogo teksta: funkcional'nyj podxod*. 2-e izdanie, dopolnennoe. Sankt-Peterburg: Giperion.

Bezrukov, A.N. (2019). Syuzhetologiya poe'ticheskix konstruktov. *StudiaHumanitatis*. № 3. S. 24.

Varvarskij, I.V. (2013). S.V. Mixalkov – basnopisecz sovetskoj e'poxi. K 100-letiyu so dnya rozhdeniya. *Byulleten' medicinskix internet-konferencij*. T. 3, № 2. S. 92.

Goreslavskaya, N.B. (2009). Mixalkovy'. Semejnyj klan. Moskva: E'KSMO.

Dmitrenko, A.F., & Baxtiyarov, R.A. (2022). A muzy` ne molchat... Velikaya Otechestvennaya vojna v xudozhestvennoj kul'ture SSSR i Rossii 1941-2020 gody`. Sankt-Peterburg: Centr nauchno-informacionny`x texnologij «Asterion».

Mixalkov, S.V. (2023). Voenny'e stixi / xud. E. Rachev, S. Zorina. Moskva: Izdatel'stvo AST.

Mixalkov, S.V. (1972). Vse nachinaetsya s detstva. Moskva: Pedagogika.

Mixalkov, S.V. (1976). Vchera, segodnya, zavtra. Izbranny'e stixi. 1935-1965. Moskva: Xudozhestvennaya literatura.

Mixalkov, S.V. (1981). Sobranie sochinenij v 6 t. T.1. Moskva: Xudozhestvennaya literatura.

Mixalkov, S.V. (2007). Chto takoe schast'e. M.: E'ksmo.

Simonov, K.M. (1979). Sobranie sochinenij: v 10-ti t. T.1. Stixotvoreniya. Poe'my`. Vol'ny'e perevody`. Moskva: Xudozhestvennaya literatura.

Sokolova, I.V. (2021). Sovremennaya voennaya proza v russkoj literature: uchebnoe posobie. Vladivostok: Izdatel'stvo Dal'nevostochnogo federal'nogo universiteta.

Yazykova, E.V. (2003). O tvorchestve Sergeya Mixalkova. 2-e izd. Moskva: Prosveshhenie,

© Безруков А.Н., 2023

УДК 821.121.1

<https://doi.org/10.36906/2500-1795/23-2/02>*Култышева О.М., Малютина А.Д.*

ИНТЕГРАЦИЯ МУЗЫКИ И ЛИТЕРАТУРЫ В СИСТЕМЕ ОБРАЗОВАНИЯ: МЕЖПРЕДМЕТНЫЕ СВЯЗИ

Аннотация. В современной системе среднего общего образования существует запрос на совершенствование межпредметных связей культурных сфер в процессе обучения, причем особенно ощутимо эта потребность проявляется в изучении литературы – предмета, на котором тяжело отделить учебный материал от исторического и культурного контекста. В нынешних реалиях современные учителя крайне заинтересованы вопросом дополнительных форм обучения. Одним из них являются музыкальные аудиозаписи – размещенные в свободном доступе, они просты для поиска и элементарного использования на занятиях, что делает учебный процесс более насыщенным и интересным. Даже если найденный материал недостаточно соответствует поставленным школьной программой целям, всегда есть возможность его адаптации посредством применения современных технологий. Данная статья имеет целью теоретическое обоснование принципа междисциплинарных взаимодействий музыки и литературы в рамках образовательного процесса. К задачам относятся: анализ существующих между литературой и музыкой связей; предположение способов применения музыки во время изучения литературы в школе. При этом авторы статьи исходят из того, что музыка (музыкальное сопровождение к произведениям литературы) – это еще одна специальная форма художественного текста (в одном ряду с художественным чтением, живописными иллюстрациями к произведениям, сценическими и кинематографическими интерпретациями литературных произведений). С каждой новой формой возникает новое в интерпретации любого произведения. Появляется новое содержание, поэтому о художественном произведении нельзя судить только по его специальным формам (нельзя прочтение произведения заменять, например, прослушиванием его музыкальной интерпретации).

Ключевые слова: литература; музыка; общеобразовательная школа; взаимосвязь; интеграция.

Сведения об авторах: Култышева Ольга Михайловна, доктор филологических наук, профессор кафедры филологии, лингводидактики и перевода Нижневартковского государственного университета; ORCID 0000-0002-3916-9896; Малютина Анастасия Дмитриевна, Нижневартковский государственный университет.

Контактная информация: 628609, Россия, г. Нижневартовск, ул. Мира, д. 36, ауд. 305; тел. 8(3466)273510; e-mail: kultisheva@inbox.ru; senreet2@gmail.com

O.M. Kultysheva, A.D. Malyutina**INTEGRATION OF MUSIC AND LITERATURE IN THE EDUCATION SYSTEM:
INTER-SUBJECT RELATIONS**

Abstract. In the modern system of secondary general education, there is a demand for improving interdisciplinary connections between cultural spheres in the learning process, and this need is especially noticeable in the study of literature – a subject in which it is difficult to separate educational material from the historical and cultural context. In the current realities, modern teachers are extremely interested in the issue of additional forms of education. One of them is musical audio recordings – placed in the public domain, they are easy to find and use in the classroom, which makes the learning process more rich and interesting. Even if the found material does not sufficiently correspond to the goals set by the school curriculum, there is always the possibility of adapting it through the use of modern technologies. This article aims to theoretically substantiate the principle of interdisciplinary interactions between music and literature within the educational process. The tasks include: analysis of the connections existing between literature and music; suggesting ways to use music while studying literature at school. At the same time, the authors of the article proceed from the fact that music (musical accompaniment to works of literature) is another special form of artistic text (along with literary reading, pictorial illustrations for works, stage and cinematic interpretations of literary works). With each new form, a new interpretation of any work arises. New content appears, so a work of art cannot be judged only by its special forms (reading a work cannot be replaced, for example, by listening to its musical interpretation).

Keywords: literature; music; comprehensive school; relationship; integration.

About the authors: Olga Mikhailovna Kultysheva, Doctor of Philology, Professor of the Department of Philology, Linguodidactics and Translation, Nizhnevartovsk State University; ORCID 0000-0002-3916-9896; Malyutina Anastasia Dmitrievna, Nizhnevartovsk State University.

Contact information: 628609, Russia, Nizhnevartovsk, st. Mira, 3b, room. 305; tel. 8(3466)273510; e-mail: kultisheva@inbox.ru; senreet2@gmail.com.

Кулышева О.М., Мalyutina А.Д. Интеграция музыки и литературы в системе образования: межпредметные связи // Нижегородский филологический вестник. 2023. №2. С. 19-25. <https://doi.org/10.36906/2500-1795/23-2/02>

Kultysheva, O.M. & Malyutina, A.D. (2023). Integration of Music and Literature in the Education System: Inter-Subject Relations. *Nizhnevartovsk Philological Bulletin*, (2), 19-25. (in Russian). <https://doi.org/10.36906/2500-1795/23-2/02>

К безусловной пользе применения музыки при изучении литературы можно отнести следующее:

- Нестандартный урок более интересен ученикам: благодаря ему они запоминают больший объем информации, нежели во время традиционного чтения учебника или рассказа учителя. Более того, подобные занятия повышают эрудированность воспитанников и расширяют их общеэстетический кругозор.
- Применение инновационных технологий приводит к ревалоризации учебного процесса. Ученики становятся мотивированнее, стремятся самостоятельно узнать новую информацию, выходящую за пределы школьной программы, и впоследствии поделиться новыми знаниями с педагогом и сверстниками, создать собственные архивы аудиоматериалов.
- Обсуждение проведенного нестандартного урока и его результатов развивает способности коммуникации, умение отстаивать собственную позицию и четко излагать мысли.

Взаимосвязь между музыкой и литературой безусловна. Так, ее можно проследить в произведениях литературы, содержащих в основе тему музыки: таковы маленькая трагедия А. С. Пушкина «Моцарт и Сальери», цикл «Арфы и скрипки» и поэма «Двенадцать» А. А. Блока, повесть А.И. Куприна «Гранатовый браслет» и т. п.

Стоит также заметить, что художественное слово насыщается наибольшим поэтизмом и музыкальностью в лирических произведениях, где передается вся буря движения чувств за счет более сильной ритмической организованности. Известный критик В.Г. Белинский полагал: «Лирическое произведение не есть одно и то же с музыкальным произведением, но в их основной сущности есть нечто общее» (Белинский 1954: 15). Тем не менее, и через прозу можно передать музыкальность посредством ритма и внутренней создаваемой мелодии, но «услышать» ее не так легко: чаще всего она прослеживается подспудно, а спектр музыкальных ощущений раскрывается мимолетно средствами слова, не передающими всю многогранность звуковых ассоциаций. Однако есть и отдельный вид мастеров слова, способных даже в тишине воплотить наивысший уровень мелодичности, как это сделал А.И. Куприн в своем цикле очерков «Листригоны».

Конечно, затрагивая тему музыкальности прозы, нельзя не вспомнить и И.С. Тургенева, который ощущал музыкальные наслаждения как высшие. Пожалуй, в Яшке-Турке из рассказа «Певцы» И.С. Тургенев показал своего рода апогей музыкальности, передаваемой искусством слова через раскрытие не только тонкостей мелодичности голоса героя, но и через глубокое образное описание психологизма персонажей: «...редко слыхивал подобный голос: он был слегка разбит и звенел, как надтреснутый; он даже сначала отзывался чем-то болезненным; но в нём была и неподдельная глубокая страсть... русская, правдивая, горячая душа звучала и дышала в нём и так и хватала вас за сердце, хватала прямо за его русские струны» (Тургенев).

Безусловно, в литературном произведении читатель ощущает музыку при помощи слова и создаваемого им художественного образа.

Итак, мы разобрались в тесноте взаимосвязи литературы и музыки, но для полноты понимания подобной корреляции стоит точнее обозначить виды их взаимосвязи. С.П. Шер приводит 3 вида:

1. Симбиоз музыки и литературы (вокальная музыка)
2. Литература и музыка (программная музыка)
3. Музыка в литературе (Цит. по: Брузгене 2009: 94)

Под симбиозом двух обсуждаемых нами видов искусств подразумевается вокальная музыка, однако здесь возникают нетривиальные вопросы относительно главенства мелодии или слова, а также различных видов взаимодействия художественного образа и звучания в их единстве. Тем не менее, вне зависимости от характера взаимосвязи литературы и музыки в контексте их симбиоза чаще всего под вокальным творчеством подразумевается именно наделенное сознательными словесными элементами музыкальное искусство, не поэтическое. Однако отметим, что исчезновение слов в композиции приводит к потере содержательной стороны, из-за чего вся музыка, созданная для пения (речь идет о попури, романсах, кантатах и т. д.) приняла бы вид вокализма (Иванов, Тарасенко, Чунихин).

А вот литература в музыке – это уже переложение классических литературных произведений (как русских, так и зарубежных) в музыкальные версии. Однако здесь возникают некоторые трудности в поиске фактологического материала относительно особенностей интерпретации художественных текстов композиторами, поскольку они, как правило, подвергают музыкальные произведения существенным изменениям. Например, опера М.И. Глинки «Руслан и Людмила», где композитор полностью ликвидирует «игривость» и легкую пикантность, которые лейтмотивом пронизывают поэму А.С. Пушкина. А вот в пушкинском «Евгении Онегине» энциклопедическая широта П.И. Чайковским почти не раскрывается, поскольку композитор выводит на первый план любовную линию, акцентируя внимание на чувствах героев и их эмоциях.

Если речь идет о музыке в литературе, то под ней, как правило, подразумеваются композиции, упомянутые в литературных произведениях, которые изучаются в рамках школьной программы. Материалом исследования здесь предстает непосредственно литература, поскольку различные опосредованные приближения к мелодии воспроизводятся исключительно за счет литературной техники и использования различных языковых средств со стороны автора произведения. Если рассматривать этот вид взаимодействия музыки и литературы в рамках образовательного процесса, то естественно, при таком раскладе урок литературы обогатят подходящие аудиоиллюстрации, поскольку учащиеся, услышав определенные музыкальные фрагменты и комментарии к ним, будут иметь возможность глубже воспринять и интерпретировать содержание данных им художественных текстов.

Итак, резюмируем. Оба рассматриваемых нами вида искусства находят свое продолжение и завершение друг в друге. Два этих культурных пласта гармонично

сосуществуют, взаимообогащая друг друга, а использование их связи в контексте образовательного процесса способно привести к динамичному совершенствованию художественного восприятия, а также к «аранжировке» малопонятных, но необходимых ученику механизмов, отражая образность коммуникации и конкретизацию. «Укрепление межпредметных связей» (Култышева 2023: 55) может способствовать лучшему пониманию художественного произведения на уроке литературы.

Поговорим о некоторых методах использования музыкальных композиций:

1. Использование музыки для создания атмосферы изучаемой на уроке эпохи, что способствует более углубленному пониманию эмоций, мыслей и чувств персонажей, связанных с текущим историческим контекстом – в качестве примера возьмем уже упомянутую выше оперу П.И. Чайковского «Евгений Онегин».

2. Мелодекламация. Иными словами, включение музыки в качестве фона для сопровождения лирических и прозаических произведений мелодией, помогающей в качественном эмоционально-чувственном восприятии создаваемых автором образов и художественного текста в целом. Для этого метода подходящей будет комбинация стихотворений Ф.И. Тютчева и фортепианный цикл П.И. Чайковского «Времена года».

3. Применение музыкальных произведений в процессе проведения обзорных лекций биографического характера. Здесь в качестве примера можно взять творческую историю А.С. Грибоедова, стоявшего у самых истоков зарождения русской классической музыки. Писатель занимался не только литературной, но и музыкальной деятельностью, оставив в своем наследии два дошедших до нас вальса: «Вальс ми минор» и «Вальс ля бемоль мажор».

4. Проведение сравнительного анализа литературных и музыкальных образов, локальное исследование разницы их интерпретации в классическом восприятии художественного произведения и его трактовка со стороны композитора. Этот метод корректнее всего использовать на заключительных этапах изучения произведения. Например, в завершение изучения пушкинской повести «Метель» имеет смысл прослушать одноименную музыкальную иллюстрацию Г.В. Свиридова.

5. Использование различных написанных на стихи определенных поэтов песен и романсов. Здесь стоит отметить, что интересным будет использование не только классических музыкальных композиций, но и современной музыки, в том числе и кавер-версий, написанных на лирические произведения. Например, песня группы «Сплин» «Маяк», вдохновленная посланием В.В. Маяковского «Лиличка! Вместо письма».

Помимо всего вышеперечисленного, следует подчеркнуть, что существует ряд уроков, где без использования музыки априори не обойтись: начиная от установленных по УНТ уроков, посвященных исторической и лирической песне, и заканчивая занятиями, где необходимо применение мультимедиа для обучающего образовательного эффекта в виде усиления наглядности.

Функции музыки на уроках литературы в школе разнообразны, и зависят они от того, к какому литературному роду принадлежит изучаемое произведение:

- При изучении эпоса музыкальные композиции помогают «обнаружить авторский подтекст и создает возможность контакта ученика с авторским сознанием и замыслом» (Свирина 1993: 249).

- При изучении драмы музыка «способствует пробуждению работы воображения ученика» (Свирина 1993: 249).

- При изучении лирики использование музыки направлено на создание определенной эмоционально-психологической атмосферы посредством используемой музыкальной интерпретации художественного текста. По словам Н.М. Свириной, в таком случае «природа поэзии раскроется в своем истинном, музыкально-гармоническом звучании» (Свирина 1993: 249).

Таким образом, можно заключить, что совместное использование на уроках литературы в общеобразовательной школе музыки и литературы реализует следующие педагогические задачи: создание благоприятной для качественного восприятия атмосферы, экспансия эстетической апперцепции, многогранный анализ произведения и его художественных образов. Все это повышает эффективность подачи материала на уроке литературы и формирования УУД.

ЛИТЕРАТУРА

Белинский В.Г. Полное собрание сочинений: В 13 т. Т. 5. М.: Издательство академии наук СССР, 1954. 863 с.

Брузгене Р. Литература и музыка: о классификациях взаимодействия // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2009. №6. С. 93-99.

Иванов И.С., Тарасенко В.Б., Чунихин И.В. Взаимосвязь музыки и литературы // Старт в науке. URL: <https://school-science.ru/1/10/27795> (Дата обращения: 20.10.2023).

Колокольцева Е.Н., Дановский А.В., Дмитриева М.А. Межпредметные связи при изучении литературы в школе. М.: Просвещение, 1990. 221 с. (Библиотека учителя русского языка и литературы).

Култышева О.М. Современное филологическое образование в школе: проблемы и перспективы // Научные исследования и разработки 2023: гуманитарные и социальные науки: сборник материалов XVIII-ой международной очно-заочной научно-практической конференции, 8 февраля, 2023. Москва: Издательство НИЦ «Империя», 2023. С. 55-58.

Свирина Н.М. Музыка как средство образной конкретизации и образного обобщения на уроках литературы в 10 кл. Дис. к. пед. н. СПб., 1993. 265 с.

Тургенев И.С. Певцы. URL: <https://clck.ru/32juD2> (Дата обращения: 20.10. 2023).

REFERENCES

Belinskij, V.G. (1954). Polnoe sobranie sochinenij: V 13 t. T. 5. M.: Izdatel'stvo akademii nauk SSSR, 863 s.

Bruzgene, R. (2009). Literatura i muzyka: o klassifikaciyax vzaimodejstviya. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossijskaya i zarubezhnaya filologiya*. №6. S. 93-99.

Ivanov I.S., Tarasenko V.B., Chunixin I.V. Vzaimosvyaz muzyki i literatury. *Start v nauke*. URL: <https://school-science.ru/1/10/27795> (Data obrashheniya: 20.10.2023).

Kolokol'ceva, E.N., Danovskij, A.V., & Dmitrieva, M.A. (1990). Mezhpredmetny'e svyazi pri izuchenii literatury v shkole. M.: Prosveshhenie, 221 s. (Biblioteka uchitelya russkogo yazyka i literatury).

Kulty'sheva, O.M. (2023). Sovremennoe filologicheskoe obrazovanie v shkole: problemy i perspektivy. Nauchny'e issledovaniya i razrabotki 2023: gumanitarny'e i social'ny'e nauki: sbornik materialov XVIII-oj mezhdunarodnoj ochno-zaochnoj nauchno-prakticheskoy konferencii, 8 fevralya, 2023. Moskva: Izdatel'stvo NICz «Imperiya», S. 55-58.

Svirina, N.M. (1993). Muzyka kak sredstvo obraznoj konkretizacii i obraznogo obobshheniya na urokax literatury v 10 kl. Dis. k. ped. n. SPb., 265 s.

Turgenev, I.S. Pevcy. URL: <https://clck.ru/32juD2> (Data obrashheniya: 20.10. 2023).

© Култышева О.М., Малютина А.Д., 2023

УДК 372. 811. 161. 1

<https://doi.org/10.36906/2500-1795/23-2/03>*Митрофанов В.В.*

**«ОДНО ИЗ МНЕНИЙ О ПОЭЗИИ НЕКРАСОВА»:
РЕЦЕНЗИЯ С.Ф. ПЛАТОНОВА**

Аннотация. Биография и научное творчество выдающегося отечественного историка С.Ф. Платонова продолжает вызывать закономерный интерес современных исследователей. Но годы его юности, период, когда шел процесс складывания мировоззренческих установок, профессиональных предпочтений, юношеских увлечений остаются мало разработанными. При этом время, начиная с 13 лет и до поступления в университет, как оказывается, наполнено многочисленными поэтическими, прозаическими, драматургическими, даже научными опытами. Они позволяют говорить о больших литературных задатках, которые находили выражение в конкретных произведениях, часть из них получали высокие оценки, но остаются неизвестными. Публикуется критическая рецензия на статью, посвященную творчеству Н.А. Некрасова, в которой прослеживается формирующееся мастерство написания подобных исследований, отношение прогрессивной молодёжи к творчеству великого поэта России. Появление рукописи были следствием знакомства юного рецензента с вышедшим сборником, где были собраны отклики на смерть поэта, главным образом, опубликованных в провинциальной периодике. Это обстоятельство указывает на факт интереса С. Платонова к новинкам критических изданий. Он смело, с патриотическим запалом выступил на защиту выдающегося поэта-демократа. Его глубоко тронула односторонняя, а поэтому и несправедливая оценка его творчества. Не всегда с необходимым мастерством, но аргументированно, рецензент, привлекая свои, как ему казалось, неопровержимые факты, отвергает необоснованную, как ему казалось, оценку анонимного автора. Уже в этом проявилась его боязнь перед читающей публикой. Можно констатировать, что рецензия, как первый опыт подобного творчества, получилась удачной и вполне заслуживает внимания специалистов.

Ключевые слова: Н.А. Некрасов; С.Ф. Платонов; рецензия; архивный документ; мемориальный сборник; провинциальная газета.

Сведения об авторе. Митрофанов Виктор Владимирович, д-р ист. наук, профессор кафедры государственно-правовых дисциплин Университета при Межпарламентской Ассамблее ЕврАзЭС; ORCID: 0000-0003-2094-6883.

Контактная информация: Россия, г. Санкт-Петербург, Россия, e-mail: viktor-n1962l@mail.ru

V.V. Mitrofanov

**«ONE OF THE OPINIONS ABOUT NEKRASOV'S POETRY»:
S.F. PLATONOV'S REVIEW**

Abstract. The biography and scientific work of the outstanding Russian historian S.F. Platonov continues to arouse the natural interest of modern researchers. But the years of his youth, the period when there was a process of folding ideological attitudes, professional preferences, youthful hobbies remain little developed. At the same time, the time, starting from the age of 13 and before entering the university, as it turns out, is filled with numerous poetic, prose, dramatic, even scientific experiments. They allow us to talk about great literary inclinations that found expression in specific works, some of them received high marks, but remain unknown. A critical review of an article dedicated to the work of N.A. Nekrasov is published, which traces the emerging mastery of writing such studies, the attitude of progressive youth to the work of the great poet of Russia. The appearance of the manuscript was the result of the acquaintance of the young reviewer with the published collection, where responses to the poet's death were collected, mainly published in provincial periodicals. This circumstance indicates the fact of S. Platonov's interest in the novelties of critical publications. He boldly, with patriotic fervor, defended the outstanding poet-democrat. He was deeply touched by the one-sided, and therefore unfair assessment of his work. Not always with the necessary skill, but argumentatively, the reviewer, drawing on his, as it seemed to him, irrefutable facts, rejects the unreasonable, as it seemed to him, assessment of the anonymous author. Already in this his fear of the reading public was manifested. It can be stated that the review, as the first experience of such creativity, turned out to be successful and well deserves the attention of specialists.

Keywords: N.A. Nekrasov, S.F. Platonov, review, archival document, memorial collection, provincial newspaper.

About the author. Mitrofanov Viktor Vladimirovich, Dr. habil., Professor of the Department of State and Legal Disciplines of the University at the Inter-Parliamentary Assembly of the EurAsEC; ORCID: 0000-0003-2094-6883.

Contact information: Russia, Saint Petersburg, viktor-n1962l@mail.ru

Митрофанов В.В. «Одно из мнений о поэзии Некрасова»: рецензия С.Ф. Платонова // Нижневартковский филологический вестник. 2023. №2. С. 26-36. <https://doi.org/10.36906/2500-1795/23-2/03>

Mitrofanov, V.V. (2023). «One of the Opinions About Nekrasov's Poetry»: S.F. Platonov's Review. *Nizhnevartovsk Philological Bulletin*, (2), 26-36. (in Russian). <https://doi.org/10.36906/2500-1795/23-2/03>

Еще при жизни Н.А. Некрасова его творчество вызывало противоречивые оценки. На его уход в мир иной откликнулись многочисленными мемориальными публикациями. Ограниченным тиражом вышел специальный сборник (На память... 1878), собравший под одной обложкой некрологи, статьи и воспоминания, посвященные великому русскому поэту из журналов («Пчела» (3 публикации), «Неделя», «Будильник»); газет («Новое время» (4 статьи), «Рижского вестника», «Киевского листка» (2), «Киевлянина», «Правды», издававшейся в Одессе, тифлисском «Обзоре», «Одесском вестнике», «Елисаветградского вестника»); сборников («Русские современные деятели»). Здесь же помещены 4 работы Ф. М. Достоевского и «Письмо к издателю» «Одного из бывших на похоронах». При удачной реализации небольшой по объему книжки издатели (С. Глазенап, А. Покровский, Н. Соловьёв-Несмелов) намеривались опубликовать еще 2 выпуска: биографию поэта (№2) и критический разбор его произведений (№3). Однако, эти планы не осуществились.

Первый выпуск был в коленкоровом переплете, с золотым тиснением, на титульной странице издатели сочли нужным заявить, что «Прибыль с этого издания назначается на образование стипендии имени поэта при С.-Петербургском Университете».

Этот сборник привлёк внимание юного С. Платонова, будущего академика, главы петербургской исторической школы, директора Пушкинского Дома (1925–1929). И это было неслучайно. Поэзией он начал заниматься с 13 лет, о чем известно из его беседы с В.Ф. Кеневичем – известным филологом и педагогом, исследователем творчества баснописца И. А. Крылова (Кеневич 1868), бывшего учителем гимназии Ф.Ф. Бычкова, в которой учился юный поэт. Результатом их знакомства и взаимного интереса следует считать и первую около научную, реферативного плана, с элементами анализа работу С. Платонова (Платонов 2022: 74-75).

В.Ф. Кеневич называл своего ученика «Талант!» (Митрофанов 2022: 214). Разговор с ним был записан С. Платоновым в дневнике 25 мая 1878 г. «“Зачем же Вы от меня скрывались?! Вы были чересчур скромны. Простите, дайте Вас обнять”. И он обнял и поцеловал меня. “У Вас есть талант; не зарывайте его, работайте над собой, учитесь по-немецки... У вас гётовский стих, постановка мысли гётовская. Стих не деланный, лучше некрасовского, а главное есть содержание... Я счастлив, что мои дети музыканты, но они исполнители только, а не творцы. А вы творите...”. Я прочел ему “На свете черной клевете”... Он сказал: “Хорошо, еще одно слово прибавить и кончено: стихотворение пропало. Не сказать ничего лишнего – это признак таланта. У вас нет картинности. Вы в изящной форме излагаете мысли и поэтому Вы, если разовьёте свой дар, будете драматиком.

Бог сподобил меня открыть третий талант. Я занимался с Кутузовым, и он не раскаялся, что поработал со мной...” (ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Ч. 1. Д. 1218. Л. 16 об. -17).

И далее в этой же записи появилась лаконичная строчка: «Я талант!.. Можно ли положиться на компетентность Кеневича?» (ОР РНБ. Ф. 585. Оп.1. Ч.1. Д. 1218. Л.18). Дневниковые записи позволяют ответить на этот вопрос. 2 мая 1878 г. об учителе записано: «Он знает литературу, знаток древностей, знает историю, понимает искусство, музыку,

владеет франц[узским], немец[ким] и английским языком, путешествовал. ... Я не знаю, чего он не знает... и кого он не знает. Это человек, каких мало, человек с душою, понимающий людей, словом, недюжинный человек...» (Митрофанов 2022: 212), а 23 октября текст, сделанный в день смерти В.Ф. Кеневича, напоминает некролог, недавно опубликованный (Митрофанов 2022: 217-218).

Большое место в переписке С. Платонова (активная фаза датируется 1877–1885 гг.) с Е.Н. Калайдович (в замужестве Беркут) – внучкой Н.С. Селивановского – известного литературного и театрального критика, отводилось обсуждению прочитанных книг. Во время субботних вечеров у деда собирались представители разночинной интеллигенции: В.П. Андросов, В.П. Боткин, А.Е. Варламов, А.Ф. Вельтман, А.Д. Галахов, А.В. Кольцов, Н.Х. Кетчер, Ф.А. Кони, П.А. Мочалов, К.А. и Н.А. Полевые, М.С. Щепкин, П.М. Строев, М.П. Погодин и др. Постоянным посетителем кружка был в 1834-38 гг. В.Г. Белинский (Оксман 1963: 185-219).

Вторым дедом был выдающийся историк, археограф и филолог К.Ф. Калайдович, сын которого Николай, окончивший Училище правоведения и был отцом Евгении. В. В. Стасов в своих воспоминаниях дал ему оригинальную оценку как, «горячему, пылкому, одаренному даром слова, умному, честному и светлому головою» (Стасов 1881: 254-255). Дочь наследовала многие качества своего отца и дедов, она увлекалась поэзией, литературой, театром, творчеством европейских философов, языками, занималась самообразованием. Среди отечественных писателей её восхищал И. С. Тургенев, которому посвятила несколько статей (К[алайдович] 1883: 36-45), из поэтов был близок Алексей Толстой.

Немало страниц в переписке отведено поэтическим увлечениям юного Платонова, которые он охотно посылал московской знакомой. Его стихи ей «очень нравились», при этом делались замечания. Е.Н. Калайдович выступала против подражания юношей даже великому Лермонтову. Рецензент, в роли которого выступала Евгения Николаевна, дает добрый совет работать над слогом, устранять «неточности в размере» стиха.

Упоминается в письмах и имя поэта-демократа. 30 июля 1877 г. выражалась благодарность: «Через вас я получила две вещи, которые давно себе желала: белого котенка и Некрасова; вам суждено приносить мне и утешение, и радость» (Митрофанов 2020: 126). 7 марта 1878 г. она писала: «Подарил мне недавно А. А. Мартынов иллюстрации к Некрасову, чем премного утешил меня; вы верно видели в Петербурге эти картинки» (Митрофанов 2021а: 94). 30 марта 1879 г. сетует: «Как я не хлопочу, а все читаю мало; книги же у меня прекрасные: на днях купила себе Бокля и получила в подарок сказки Андерсена и Некрасова» (Митрофанов 2021б: 142).

Образцы поэтических проб С.Ф. Платонова приводит В.С. Брачев (Брачев 2010: 33-34. А.А. Чернобаев указывает «на первые литературно-художественные опыты» юного Платонова, относящиеся к 1874–1877 гг., при этом называет сборник «Остатки моих детских стихотворений», повесть «Сон», рассказы и фельетоны (Чернобаев 2001б: 378-379).

В кругу гимназистов, близких С. Платонову увлекались танцами, шахматами, разговорами на актуальные темы, в том числе о роли литературы в обществе. Они писали стихи, рассказы, фельетоны и публиковали их в самодельном журнале, пьесы, которые сами и разыгрывали.

Вот одна из дневниковых записей С Платонова от 28 января 1878 г.: «Далее говорили о литературе и о значении искусства, причём, я говорил, что схожусь с Базаровым, что Рафаэль гроша медного не стоит... Ах да... ну, потом... гроша медного не стоит, но что я могу им, не противореча самому себе, любоваться, пожалуй, даже восхищаться. Объяснил, почему. Пушкина ценил в грош, Некрасова в рубль» (ОР РНБ. Ф. 585. Оп.1. Ч.1. Д. 1217. Л. 10).

Следовательно, молодой С. Платонов много читавший, сам пробовавший себя в разных жанрах литературы, был готов высказать своё мнение о писателе, произведениях, героях.

В названном сборнике была сделана перепечатка статьи из газеты «Правда» «Некрасов, как поэт». Автор был указан под псевдонимом S.S., текст помещен в двух выпусках (S.S. 1878: 1-2; 1-2).

Следует попытаться установить настоящую фамилию автора. Обратившись к словарю И.Ф. Масанова, находим, что под таким сокращением публиковались несколько авторов: А.М. Герсон, С. С. Шашков, С. Свириденко, В. Северский. Двое последних не подходят по годам жизни.

Наиболее вероятно им могли быть или Александр Максимович Герсон (1851–1888) – русский писатель, журналист, переводчик и актёр, выступал и под другими псевдонимами или Серафим Серафимович Шашков (1841–1882) – российский публицист и этнограф, являлся знатоком русской истории и литературы, печатался в «Отечественных Записках» (Масанов 1958: 334).

Но здесь встает справедливый вопрос – почему публикация, столь известного автором, помещена в провинции, далекой от интеллектуальных и литературных кругов. Возможно, наше предположение ошибочно. Кстати, большая часть перепечаток в сборнике взята именно из провинциальных, малоизвестных для столичного читателя газет. Но это важный факт для доказательства, что творчество Н.А. Некрасова было действительно любимо народом.

Эпиграфом к публикации S.S. взял слова Н.А. Некрасова: «За каплю крови, общую с народом, Мои грехи, о родина, прости! ...».

Автор статьи, выражая свое мнение о сущности поэзии Н.А. Некрасова, подчеркивает, что крепостное право, которое «одушевляло музу Некрасова», «исчезло уже давно», но справедливости ради отметим, что S.S. признавал его «поэтический талант». Обратившись к трём, по его мнению, основным мотивам творчества поэта: народ, русская женщина, русский культурный человек, он в конце приходит к выводу, что Некрасов «не великий поэт».

Юный Платонов не согласился с основными положениями статьи и решил ответить, встав на защиту поэта. Результатом и стала публикуемая рецензия на статью (ОР РНБ. Ф. 585. Оп.1. Ч.1. № 1548. Л. 10 об. 14).

Вышеприведённые факты позволяют говорить о готовности С. Платонова выступить в роли серьёзного критика и сделать это аргументированно, почти профессионально. Он начитан, знает творчество Н.А. Некрасова (об этом свидетельствует содержание рецензии), наконец, уже не первый год сам пишет поэтические произведения, которые получали высокую оценку специалистов, знает отношение молодёжи к творчеству поэта. Стоит обратить внимание, что в роли оппонента выступает восемнадцатилетний молодой человек.

Рецензия, так будем называть эту рукопись, написана в декабре 1878 г., в тетради с черной обложкой, где находятся и другие литературные пробы С. Платонова (фельетон «Из записок некоего вертопраха» и др.).

С. Платонов отвергает утверждение S.S., что Н.А. Некрасов «безотрадный пессимист». Для доказательства говорит, что упоминание о неверии в будущность у поэта было случайным, разовым, под впечатлением «минуты», а вера в народ повторена «сто раз». Сама же лирика его «полна различных мотивов» и это действительно так.

Для доказательства высокой поэзии Н.А. Некрасова рецензент обращается к творчеству Байрона, где главной темой является «муза отчаяния, разочарования, безвыходной тоски», но никто не рискнёт отвергать его величие.

Мрачность же картин в произведениях русского поэта объясняется правдой жизни, и действительно, такой она была на самом деле. Для него важно было показать недостатки, существовавшие в обществе, обратить внимание на Рудиных и Обломовых, а не на хороших людей, которых немало и всегда остававшимися таковыми.

Успех творчества Н.А. Некрасова подтверждается народной любовью. Для убедительности своей позиции С. Платонов отсылает к авторитету Ф.М. Достоевского, который «несравненно глубже и вернее понимает Некрасова», чем автор статьи.

Благотворное влияние лирики Н.А. Некрасова на молодёжь, которая воспитывалась на его стихах, является важнейшим аргументом современности его творчества, актуальности, важнейшей характеристикой его величия.

В лаконичном послесловии С. Платонов даёт свою оценку траурной процессии, которую превратили в демонстрацию, что неприемлемо для него.

Ценность рассматриваемой рукописи заключается в попытке самостоятельной, аргументированной оценки творчества Н.А. Некрасова. Она свидетельствует о важном этапе взросления юного рецензента, находившегося на трудном пути формирования мировоззренческих ценностей. Кроме того, можно судить о его увлечённости русской литературой, любви к чтению. Об этом свидетельствуют и многочисленные его собственные поэтические, прозаические, драматические опыты, остающиеся неизвестными. Свидетельством тому является его отношение к театру, а успех пьесы он ставил в прямую зависимость от таланта автора произведения, выносимого на сцену, а не только от игры актёра. Алгоритм был такой: знакомство с пьесой, затем спектакль, порой просмотр был не один раз, когда и происходило осмысление произведения.

Сила убедительности в рецензии достаточно высока, применение разных приемов – опора на произведения Н.А. Некрасова, аналогия с творчеством Байрона, апелляция к авторитету Ф.М. Достоевского, указание на современность – всё говорит об определенном уровне мастерства автора. Тем более это, вероятно, первый опыт работы с таким серьёзным литературным жанром.

Думается, что публикация рукописи позволит расширить наши представления о предпочтениях, увлечениях будущего выдающегося отечественного историка. А библиография отзывов на творчество великого поэта пополнится небезынтересными наблюдениями и оценками его юного современника, писавшего 150 лет назад.

Рецензия публикуется по рукописи, хранящейся в фонде С.Ф. Платонова в Отделе рукописей Российской Национальной библиотеки. Текст печатается в соответствии с правилами современной орфографии и пунктуации, с сохранением индивидуальных особенностей написания. Описки и иные погрешности текста исправлены без оговорок. Подчеркнутые в оригинале слова выделены курсивом. Вставки и зачеркивания оговариваются в сносках в тех случаях, когда это важно для понимания смысла.

С.Ф. Платонов

Одно из мнений о поэзии Некрасова («Некрасов, как поэт». Статья S.S.)

В сборнике «На память о Н.А. Некрасове» помещена статья какого-то S.S., в которой этот S.S. старается всячески доказать, что Некрасов был «безотрадным пессимистом», что он не верил в обновление России и в дальнейшее развитие русского народа. Признаемся, что мы были очень удивлены, прочтя такой отзыв о Некрасове. У нас сейчас же возник вопрос: если это так, если наш народ мёртв, то зачем же Некрасов убивал время на оплакивание мёртвого народа, зачем же он в таких сильных, берущих за сердце стихах старался возбудить в нас участие к мёртвому уже народу и вызвать в нас стремление работать на пользу этого народа?

«Некрасов был поэтом безотрадности» говорит S.S. и приводит в доказательство своих слов два стихотворения Некрасова¹. Первое ничего не доказывает: безотрадно.

Только теперь про будущее ни слова. Во втором², действительно, поэт называет народ «мёртвым». Но если человек под впечатлением минуты раз сказал: не верю в будущность, а

¹ 1. Душно! Без счастья и воли
Ночь неприглядно темна.
Буря бы грянула, что ли!...
Чаша с краями полна!
Грянь над пучиною моря,
В поле, в лесу засвищи...
Чашу вселенского горя
Всю расплещи!...

² 2. Горы да поляны – бедная природа.
Сторона – могила мертвого народа.
Тщетно отголоска жизни ловит ухо.
Нет живого звука... Все мертво и глухо.
И далее:

сто раз спокойно говорил: верю, то, как нам кажется, он верит. Может быть какой-нибудь чудовищный факт (в наше время это не редкость) взволновал поэта и вызвал у него слово «мёртвый»³. Неужели г. S.S. хочет сделать лирику объективной; дать ей систему? По нашему мнению, мелкие стихотворения не должны иметь большого значения при оценке поэта, когда есть достаточно красноречивых больших сочинений. У Некрасова их много, а лирика его, к[а]к человека, много терпевшего, страдавшего и боровшегося, может быть полна различных мотивов.

В больших же произведениях Некрасова пессимизм нам не так заметен, как г-ну S.S. Встречая у Некрасова светлые ноты, он говорит, что «это или слова его героев, или редкие нотки, звучащие диссонансом в общей погребальной гармонии его произведений». Кто же с этим согласится?! Можно прибрать сотни этих «редких» ноток, много светлых типов... Вспомните «Крестьянские дети», «Медвежью охоту» и др. Некрасов говорит часто устами своих героев (кто этого не знает!); напр[имер], монолог Миши (Медв[ежья] охота), так страстно написанный, ничто иное, как слова самого Некрасова. Миша говорит:

Да! Были личности... Не пропадёт народ,
Обретший их во времена крутые.

Прочтите, наконец, «Гимн» Некрасова. Какой безотрадный пессимист напишет такие строки, полные надежды, веры в будущее, любви к народу. Некрасов почти нигде не говорит прямо – будет ли развиваться наш народ или нет. Но он нам рисует многие светлые стороны крестьянина, показывает нам ясно задатки успешного развития у народа... Вольно же г-ну S.S. не видеть у Некрасова этих сторон. Г. S.S. объявляет, что «отчаяние» и безотрадность не могут быть *profession de foi*⁴ и, что следовательно, у Некрасова нет *profession de foi*, а потому он не великий поэт. Хотелось бы знать, считает ли S.S. Байрона великим поэтом. Если считает, то сам себе противоречит. Муза Байрона – муза отчаяния, разочарования, безвыходной тоски.

Некрасов рисует действительно очень мрачные картины... Но разве это неправда? Смело говорим – правда, хотя, может быть, иногда и не повседневная, но вполне возможная

В сумрачном хаосе, без тепла и света,
Вяло, апатично движутся фигуры:
Полная безличность иль карикатуры...
.....
Старые знакомцы, счет их нам не труден,
Тот же все Молчалин, Фамусов и Рудин,
Хлыщ или Обломов... Это все не ново.
Слово нас подъяло. Слово – только слово! ...
и наконец:
Мать моя отчизна! Мчатся над тобою
За годами годы вечной чередой
И они бесплодно также в вечность канут...
Плачь же моя песня. Мертвые не встанут! ...

³ Далее текст зачеркнут: «А неужели поэт не должен издавать все тёплые, прекрасные произведения потому только, что это не гармонирует с его обычным настроением».

⁴ Исповедь (фр.)

и действительная. Он преувеличивает, краски его слишком яркие, слишком бьют в глаза. Но вместе с тем как правдиво Некрасов передаёт нам быт нашего народа. При всей мрачности его описания в них нет безверия в народ, нет пессимизма. Всё, что пишет Некрасов, возможно на Руси, всё это есть и бывает на самом деле.

Разбирая отношения Некрасова к народу, к женщине, г. S.S. находит везде ту же безнадежность, кроме поэмы «Саша», которую называет единственной поэмой этого поэта. А Агарин? – спросим мы... S.S. любит цитировать выражения и пользуется всяким случаем, чтоб мерить их своею меркой. Так, выписав некрасовскую характеристику культурного человека, он приходит в ужас... «На душу нападает какой-то мрачный гробовой туман», – восклицает он. Но если б г. S.S. сравнил характеристику Некрасова с действительностью, посмотрел бы на наших «культурных» уродов, которых много; на наших Рудиных или Обломовых, которых тоже немало, то он сознался бы, что Некрасов видит «культурное» общество как оно есть. Он не расхваливает хороших людей, хотя и не скрывает, что они существуют. Им Некрасов не посвящает много произведений. Зачем? Они и без этого останутся хорошими.

В заключение г. S.S. объявляет, что поэзия Некрасова не производит единого, цельного впечатления. Если это так, чему же приписать успех Некрасова, успех недюженный? Кто же из всех русских писателей даёт более цельное впечатление? Кто во все свои произведения⁵ внёс одно и то же скорбное чувство «дух мести и печали»? Чья поэзия была проникнута одною мыслью: возбудить участие к народу? Неужели эпитет «печальника горя народного» дан человеку, который не трудился, как поэт, специально для народа?

Отсылаем г. S.S. к статьям Ф. Достоевского, который несравненно глубже и вернее понимает Некрасова, чем г. S.S.

Недостаток времени не позволяет нам выходить за пределы краткой заметки, хотя нам и хотелось бы поподробнее разобрать статью г-на S.S. и высказать наш взгляд на поэзию Некрасова, которого мы чтим, как первого поэта, вслух, горячо и правдиво заговорившего о народном горе. Эта его заслуга выкупает все его недостатки, его мрачный колорит. Молодёжь воспитывается стихами Некрасова и чтит его, что доказали похороны поэта, на которые она собралась во множестве отдать ему последний долг. И влияние Некрасова на юношество не будет зловредным; его песни не испортят юношества⁶. Семёрка Пик.

Ей Богу, к[а]к увлекался тогда человек Некрасовым!

Похороны его – насмешка над ним; прикрываясь его гробом, наши «демофилы» и «демократы» сделали демонстрацию! Ох, Русь! Было бы это где либо, где «демократы» хоть немножко получше наших? Декабрь 78.

(ОР РНБ. Ф. 585. Оп.1. Ч.1. №.1548. Л.10 об.-14).

⁵ Подчеркнуто в ркп.

⁶ Далее текст зачеркнут: «Мы знаем песни те – выросли мы их читая, Мы вырастим на них и наших сыновей».

Источники

- ОР РНБ. Ф. 585. Оп.1. Ч.1. Д. 1217. Л.10.
ОР РНБ. Ф. 585. Оп.1. Ч.1. Д. 1218. Л.16 об.-18.
ОР РНБ. Ф. 585. Оп.1. Ч.1. Д. 1548. Л.10 об.-14.

ЛИТЕРАТУРА

- Брачев В.С. Служители исторической науки. Академик С.Ф. Платонов. Профессор И.Я. Фроянов. СПб.: Астерион. 2010. 768 с.
- К[алайдович]) Е. Краткая заметка о женских характерах в романах Тургенева // Друг женщин. 1883. №10. С. 36-45.
- Кеневич В.Ф. Библиографические и исторические примечания к басням И.А. Крылова. СПб.: Тип. А. Н. 1868. 360 с.
- Масанов И.Ф. Словарь псевдонимов русских писателей, ученых и общественных деятелей: В 4 т. Т. 3. М., 1958. С. 334.
- Митрофанов В.В. Маркиз и маркиза: письма Е.Н. Калайдович гимназисту С.Ф. Платонову (вступ.ст. публик., коммент.) // Magistra Vitae: электронный журнал по историческим наукам и археологии. 2020. № 1. С. 116-132.
- Митрофанов В.В. (а) «Хорошо еще, что у меня есть такой друг...»: письма Е.Н. Калайдович С.Ф. Платонову (вступ. ст. публик. коммент.) // Magistra Vitae: электронный журнал по историческим наукам и археологии. 2021. № 1. С. 89-110.
- Митрофанов В.В. (б) Письма Е.Н. Калайдович (Беркут) С.Ф. Платонову 1879–1880 гг.: «...оставайтесь всегда преданным другом...» // Magistra Vitae: электронный журнал по историческим наукам и археологии. 2021. № 2. С. 137-157.
- Митрофанов В.В. Дневниковые записи С.Ф. Платонова о В.Ф. Кеневиче // Вестник Псковского государственного университета. Серия: социально-гуманитарные науки. 2022. №13. С. 206-221.
- На память о Николае Алексеевиче Некрасове. СПб.: В тип. Ф.С. Сущинского. 1878. 152 с.
- Оксман Ю.Г. Белинский и политические традиции декабристов // Декабристы в Москве. М.: Московский рабочий, 1963. С. 185-219.
- Стасов. В. Училище правоведения сорок лет тому назад // Русская старина. 1881. № 6. С. 254-255.
- Платонов С.Ф. Заметка об употреблении Ъ (писанная для В.Ф. Кеневича по поводу статьи в «Др[евней] и новой России»). 17 февраля 1878 г. // Нижневартковский филологический вестник. 2022. №1. С. 74-75.
- Чернобаев А.А. Платонов Сергей Федорович (1860–1933) // Историки России. Биографии. М.: «РОССПЕН». 2001. С. 378-379.
- S.S. Некрасов, как поэт // Правда. 1878. 3 января, № 2. С. 1-2; 5 января. №4. С. 1-2.

REFERENCES

- Brachev, V.S. (2010). Sluzhiteli istoricheskoy nauki. Akademik S.F. Platonov. Professor I.Ya. Froyanov. SPb.: Asterion. 768 s.
- K[alajdovich] E. (1883). Kratkaya zametka o zhenskix xarakterax v romanax Turgeneva. *Drug zhenshhin*. №10. S. 36-45.
- Kenevich V.F. (1868). Bibliograficheskie i istoricheskie primechaniya k basnyam I.A. Krylova. SPb.: Tip. A. N. 360 s.
- Masanov I.F. (1958). Slovar` psevdonimov russkix pisatelej, ucheny`x i obshhestvenny`x deyatelej: V 4 t. T. 3. M., S. 334.
- Mitrofanov, V.V. Markiz i markiza: pis`ma E.N. Kalajdovich gimnazistu S.F. Platonovu (vstup.st. publik., komment.). *Magistra Vitae: e`lektronny`j zhurnal po istoricheskim naukam i arxeologii*. 2020. № 1. S. 116-132.
- Mitrofanov, V.V. (a) (2021). «Xorosho eshhe, chto u menya est` takoj drug...»: pis`ma E.N. Kalajdovich S.F. Platonovu (vstup. st. publik. komment.). *Magistra Vitae: e`lektronny`j zhurnal po istoricheskim naukam i arxeologii*. № 1. S. 89-110.
- Mitrofanov, V.V. (b) (2021). Pis`ma E.N. Kalajdovich (Berkut) S.F. Platonovu 1879–1880 gg.: «...ostavajtes` vseгда predanny`m drugom...». *Magistra Vitae: e`lektronny`j zhurnal po istoricheskim naukam i arxeologii*. № 2. S. 137-157.
- Mitrofanov, V.V. Dnevnikovy`e zapisi S.F. Platonova o V.F. Keneviche // Vestnik Pskovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: social`no-gumanitarny`e nauki. 2022. №13. S. 206-221.
- Na pamyat` o Nikolae Alekseeviche Nekrasove. SPb.: V tip. F.S. Sushhinskogo. 1878. 152 s.
- Oksman, Yu.G. (1963). Belinskij i politicheskie tradicii dekabristov. *Dekabristy` v Moskve*. M.: Moskovskij rabochij, S. 185-219.
- Stasov, V. (1881). Uchilishhe pravovedeniya sorok let tomu nazad. *Russkaya starina*. № 6. S. 254-255.
- Platonov S.F. (2022). Zametka ob upotreblenii `` (pisannaya dlya V.F. Kenevicha po povodu stat`i v «Dr[evnej] i novoj Rossii»). 17 fevralya 1878 g. *Nizhnevartovskij filologicheskij vestnik*. №1. S. 74-75.
- Chernobaev, A.A. (2001). Platonov Sergej Fedorovich (1860–1933). *Istoriki Rossii. Biografii*. M.: «ROSSPEN». S. 378-379.
- S.S. (1878). Nekrasov, kak poe`t. *Pravda*. 3 yanvarya, № 2. S. 1-2; 5 yanvarya. №4. S. 1-2.

© Митрофанов В.В., 2023

УДК 378.147

<https://doi.org/10.36906/2500-1795/23-2/04>

Саньярова Н.С.

КРАТКИЙ ОБЗОР-ЦИТАТНИК МНЕНИЙ ЛИНГВИСТОВ О ПРИСОЕДИНИТЕЛЬНЫХ СЛОЖНОСОЧИНЕННЫХ КОНСТРУКЦИЯХ РУССКОГО ЯЗЫКА

Аннотация. В статье впервые представлен краткий обзор лингвистической литературы по проблеме присоединения и парцелляции в виде прямых цитат, извлеченных из публикаций авторов, которые занимаются данной проблемой. Обзор работ показал, что присоединение, в частности, выраженное присоединительными сложносочиненными конструкциями, находящимися за пределами основного предложения, после точки, трактуется учеными неоднозначно. Статус присоединительных конструкций интерпретируется тремя способами, что обусловлено взглядами ученых на природу присоединения и парцелляции. Первая точка зрения характерна для большинства исследователей, которые считают присоединительные сложносочиненные конструкции парцеллированными, широко представленными в языке художественной прозы, СМИ, рекламы, реже – в языке публицистики. Вторая точка зрения высказывается учеными, усматривающими в присоединительных сложносочиненных конструкциях переходность (синкретизм, асимметрию), так как у них наблюдается расхождение между формой и содержанием, в отличие от традиционных. Третья точка зрения принадлежит лингвистам, которые признают присоединительные сложносочиненные конструкции независимыми от парцелляции присоединительными элементами, расположенными вне основного предложения, после точки. Представленные три точки зрения свидетельствуют о том, что проблема разграничения присоединения и парцелляции по-прежнему актуальна и потому исследования этих и подобных вопросов будут еще долго продолжаться. Об этом свидетельствует и трансформация взглядов авторитетных ученых относительно их лингвистического статуса, и появление новых интересных работ о данных конструкциях в русском и других языках. Надеемся, что краткий обзор-цитатник позволит читателю сэкономить время, необходимое для поиска соответствующей научной литературы, и быстрее сориентироваться в проблеме присоединительных сложносочиненных конструкций.

Ключевые слова: присоединительная сложносочиненная конструкция; парцеллированная конструкция; переходные или синкретичные конструкции; три точки зрения.

Сведения об авторе: Найля Смадыровна Саньярова, кандидат педагогических наук, ассоциированный профессор, Казахский национальный университет имени аль-Фараби, ORCID: 0000-0002-0723-8893

Контактная информация: 050040, Казахстан, г. Алматы, пр. аль-Фараби, 71, тел.: +77023335242, snailya@list.ru

N.S. Sanjyarova

BRIEF REVIEW OF QUOTATIONS OF LINGUISTS' OPINIONS ABOUT CONNECTIVE COMPOUNDS CONSTRUCTIONS OF THE RUSSIAN LANGUAGE

Annotation. A brief review of the linguistic literature on the problem of attachment and parceling in the form of direct quotations, extracted from the publications of the authors who deal with this problem, is presented in the article for the first time. A review of the papers has shown that the connection, expressed by connecting compound constructions that are outside the main sentence, after a dot, is interpreted by scientists ambiguously. The status of connection structures is interpreted in three ways. The main reason is the views of scientists on the nature of attachment and parcellation. The first point of view is typical for the majority of researchers who consider connecting compound constructions to be parceled. They are widely represented in the language of fiction, the media, advertising, less often in the language of journalism. The second point of view is expressed by scientists who see transitivity (syncretism, asymmetry) in the connecting compound constructions. The reason is the discrepancy between form and content, as opposed to traditional. The third point of view belongs to linguists who recognize connecting compound constructions as connecting elements independent of parceling, located outside the main sentence, after the dot. The presented three points of view indicate that the problem of distinguishing between accession and parceling is still relevant. Therefore, research on these and similar issues will continue for a long time. This is evidenced by the transformation of the views of authoritative scientists regarding their linguistic status, and the emergence of new interesting works on these constructions in Russian and other languages. I hope that a short review of quotations will allow the reader to save the time needed to search for the relevant scientific literature, and to quickly navigate the problem of connecting compound constructions.

Key words: connecting compound construction; packaged construction; transitional or syncretic constructions; three points of view.

About the authors: Nailya Smadjyarovna Sanjyarova, Candidate of Pedagogical Sciences, Al-Farabi Kazakh National University, ORCID: 0000-0002-0723-8893

Contact information: 71 al-Farabi Ave, Almaty, Republic of Kazakhstan, tel.: +77023335242, snailya@list.ru

Саньярова Н.С. Краткий обзор-цитатник мнений лингвистов о присоединительных сложносочиненных конструкциях русского языка // Нижневартковский филологический вестник. 2023. №2. С. 37-70. <https://doi.org/10.36906/2500-1795/23-2/04>

Sanjyarova, N.S. (2023). Brief Review of Quotations of Linguists' Opinions About Connective Compounds Constructions of the Russian Language. *Nizhnevartovsk Philological Bulletin*, (2), 37-70. (in Russian). <https://doi.org/10.36906/2500-1795/23-2/04>

Обзор работ по проблеме присоединения и парцелляции показал, что до сих пор отсутствует единая точка зрения относительно статуса присоединительных и парцеллированных конструкций русского языка. В.В. Бабайцева по этому поводу писала, что «несмотря на значительное количество работ, посвящённых явлениям присоединения и парцелляции, они не получили однозначного толкования» и что «парцелляцию и присоединение невозможно строго разграничить» (Бабайцева 2000: 547-548). Именно поэтому ученые или отождествляют парцеллированные и присоединительные конструкции, или относят парцеллированные конструкции к присоединительным, или же наоборот. Близость структурно-семантических свойств обоих типов конструкций становится камнем преткновения в процессе их разграничения. Например, О.П. Каркошко отмечает, что «сближающими признаками парцелляции и присоединения являются свободный характер связи, свойственный обоим типам конструкций, экспрессивность, информационная насыщенность, динамичность, характерные как для тех, так и для других конструкций, сходство в структурном и интонационном оформлении конструкций присоединения и парцелляции» (Каркошко 2011: 11).

Тем не менее, между присоединительными и парцеллированными конструкциями наблюдаются не только точки соприкосновения (неслучайно большинство исследователей их не разграничивает), но и точки отторжения, которые также влияют на установление их статуса. Например, Р.О. Зелепукин по этому поводу поясняет: «Несмотря на констатацию различительных характеристик парцелляции и присоединения, в ряде случаев невозможно однозначно отнести синтаксические конструкции к одному из явлений. В связи с этим мы оцениваем парцелляцию и присоединение как родственные синтаксические приемы, различие которых трудноуловимо, так как проходит на этапе между формированием мысли и коммуникацией» (Зелепукин 2007: 12). Автор считает, что для сложносочиненных конструкций характерна сильная степень потенциальной парцеллированности (Там же: 13). Подобного мнения придерживаются многие исследователи, в том числе и современные.

Следовательно, точек соприкосновения между данными типами конструкций гораздо больше, чем точек отторжения, что, естественно, затрудняет их разграничение. Обзор научной литературы показал, что большинство исследователей причисляют к парцеллированным конструкциям любое слово, словосочетание, предложение при условии, что они находятся за пределами основного предложения, т. е. после точки. Присоединительные конструкции квалифицировать гораздо сложнее, поскольку, помимо собственно присоединительных элементов, расположенных в пределах основного предложения, у них имеются присоединительные компоненты, выраженные словами,

словосочетаниями или сложносочиненными предложениями, которые находятся за пределами основного предложения, после точки, и присоединяются к главному предложению при помощи присоединительных союзов и специальных слов. Именно эти присоединительные конструкции, расположенные после точки, являются предметом сомнений, объектом многочисленных лингвистических дискуссий.

Для нас интерес представляет присоединительная конструкция, выраженная, в частности, сложносочиненным предложением, находящаяся вне основного предложения, т. е. после точки. Приведём примеры конструкций, относительно статуса которых ведутся обозначенные дискуссии:

«Каждый день в госпитале стоил дорого, и она старалась не задерживаться. Да ее и не задерживали» (В. Токарева);

«У обоих было любимое место в саду: скамья под старым широким кленом. И теперь сели на эту скамью» (А. Чехов);

«Пожалуй, сон расслабит. Да и вряд ли удастся заснуть» (А. Голубев);

«Есть старая реальность. И есть новая» (из газет);

«Недолго, правда, носила: всего год. А потом надела форму. И сапоги – на два номера больше» (Б. Васильев).

Финальный пунктуационный знак точка, означающий завершение любого структурно-семантического предложения, является неким шлагбаумом, четко разделяющим сферы присоединения и парцелляции. Однако разграничительная функция точки в последние годы сдает свои позиции: она больше не считается тем шлагбаумом, который позволяет быстро и безоговорочно фильтровать данные конструкции. Все больше находится лингвистов, которые считают, что присоединительные конструкции, наделенные собственно грамматическими показателями и специфическими словами, ясно указывающими на их лингвистическую природу, не могут находиться в зависимости от пусть даже такого важного пунктуационного знака, как точка.

В связи со сказанным позволим себе напомнить о нескольких важных моментах, которые послужили поводом для разногласий между лингвистами.

Если сами парцеллированные конструкции, установление их статуса не вызывают неприятия или несогласия со стороны большинства лингвистов, то присоединительные конструкции в рамках одного предложения и в особенности в рамках самостоятельного предложения, за точкой, создают лингвистическое напряжение, обусловленное выяснением их статуса и их восприятием, что четко прослеживается в следующих моментах.

С одной стороны, ученые считают, что несмотря на то, что присоединительные сложносочиненные предложения вторглись в парцеллированное пространство в результате расчленения основного предложения, на что красноречиво указывает наличие точки, тем не менее, они являются не парцеллированными, а присоединительными. Основанием для такого понимания присоединительных конструкций выступает то обстоятельство, что они

семантически отличаются от собственно парцелированных, поскольку не утратили свои ярко выраженные присоединительные свойства, характерные для присоединения в целом.

С другой стороны, вполне очевидно, что присоединительные конструкции, относящиеся, как и любые другие сегментированные конструкции, к экспрессивному, «рубленому» синтаксису, следует признать «обычными» расчлененными присоединительными конструкциями. Основанием для такого понимания является тот факт, что присоединительные конструкции, расположенные вне основного предложения, после точки, по своему местонахождению ничем не отличаются от собственно парцелированных конструкций. И парцелированные, и присоединительные конструкции предполагают расчленение основного предложения с использованием шлагбаума – точки.

На наш взгляд, причину этой двойственной ситуации, а также близость парцелированных и присоединительных конструкций как смежных, родственных синтаксических явлений, общность их семантико-структурных свойств верно охарактеризовал М.Ю. Федосюк: «Любой преднамеренно парцелированный член обладает не только экспрессивной окрашенностью, но и значением добавочного сообщения. И наоборот: любое непреднамеренное присоединенное добавочное сообщение по причине своей непредсказанности конструктивной организацией предшествующего высказывания обладает той или иной степенью экспрессивности» (Федосюк 1994: 54). Комментарии, как говорится, излишни.

Вместе с тем, нужно отметить, что традиционное восприятие любого предложения заключается в том, что предложения рассматриваются в неразрывной связи формы и содержания, которые неотделимы друг от друга, тем самым представляя единое, целостное понятие. Однако в случае с присоединительными конструкциями, расположенными вне основного предложения, после точки, наблюдается так называемое «несоответствие» между формой и содержанием. Интересно другое: если посмотреть на парцелированные конструкции с этих же позиций, то мы увидим, что точно такое же «несоответствие» между формой и содержанием характерно и для конструкций, которые стали парцелированными благодаря сознательному расчленению основного предложения и выносу части предложения за его пределы, после точки. Между тем, этот очень важный принципиальный момент почему-то ускользает от внимания ученых, вообще никоим образом не принимается ими в расчет. Более того, к несоответствию формы и содержания относятся так, как будто она была дана парцелированным конструкциям по умолчанию.

Мы полагаем, что невнимание лингвистов к указанным факторам и явилось причиной того, почему выяснение статуса присоединительных конструкций, расположенных вне основного предложения, за точкой, создает лингвистическое напряжение, требует к себе повышенного внимания. К присоединительным конструкциям, находящимся в данной позиции, относятся как к лингвистическому недоразумению, которое нарушает привычный баланс между парцелляцией и присоединением.

Обзор литературы показал, что на протяжении долгих десятилетий ученые пытаются найти выход из данной ситуации, предлагая оригинальные пути и способы разрешения конфликта, способные удовлетворить обладателей противоположных взглядов. Разнообразие мнений свидетельствует о том, насколько привлекательна и интересна для исследователей проблема разграничения парцелляции и присоединения, которая до сих пор остается в числе нерешенных лингвистических задач.

Полагаем, что в отношении присоединительных сложносочиненных конструкций, находящихся за границами предложения, в лингвистической науке легко просматриваются, по крайней мере, три точки зрения, каждая из которых, безусловно, логически обусловлена и небеспочвенна. Перечень прямых цитат из работ различных авторов позволит исследователям быстро найти нужный источник по данной проблеме, существенно сэкономит их время в процессе анализа вопроса.

Цель статьи – представить обзор цитат из лингвистической литературы, в которой поднимается вопрос статуса присоединительных сложносочиненных конструкций, находящихся за пределами основного предложения, после точки.

Материалом для исследования стали лингвистические труды разных лет различных исследователей, посвящённые вопросам парцелляции, присоединения, а также проблеме их разграничения. В процессе исследования применялся комплексный подход и различные методы: анализа лингвистической литературы, описания мнений учёных, синтеза собственного мнения. Основным методом стал сравнительно-сопоставительный, позволивший соотнести мнения различных учёных и выявить три точки зрения на анализируемую проблему.

Первая точка зрения высказывается теми лингвистами, которые считают присоединительные сложносочиненные конструкции парцеллированными, или же, реже, признают парцеллированные конструкции присоединительными. Иначе говоря, эти ученые не разграничивают присоединительные и парцеллированные конструкции по причине того, что они их или отождествляют, или же относятся к ним как разновидностями либо присоединения, либо парцелляции. Приведём их высказывания:

«Присоединение, по нашему мнению, – это своеобразное отношение двух компонентов: предложений, предложений – частей сложного предложения или частей предложения» (Пирочкина 1964: 158);

«При отдельном же пунктуационном оформлении второй части подобных предложений союзы будут восприниматься не как показатели смысловых отношений, а как свидетельство грамматической несамостоятельности данных частей, что характерно именно для парцеллированных сложносочиненных предложений» (Федосюк 1985: 139);

«При парцелляции действуют особые законы порядка слов: поскольку парцеллят всегда стоит после основного высказывания, синтаксически связанные слова легко оказываются в неконтактном (дистантном) расположении. Например: *Когда судят людей, ему их жалко.*

Даже виноватых (С. Сартаков); Им придется, очевидно, каждому позаботиться о своей судьбе. В том числе и этому мальчику (С. Сартаков)» (Прияткина 1990: 156);

«Одной из характерных разновидностей присоединительных конструкций является такая синтаксическая структура, в которой присоединяемый элемент вводится подчинительным/сочинительным союзом или бессоюзно и стоит всегда после точки» (Лозанович 2000: 12);

«Парцелляция может осуществляться не только в простых, но и в сложных предложениях разных структурно-семантических типов (сложносочиненных, сложноподчиненных, бессоюзных)» (Копнина 2000: 427);

«Являясь коммуникативными единицами, простое и сложное предложения одинаково могут отражать те сдвиги коммуникативной организации, которые связаны с парцелляцией. В речи при определенном коммуникативном задании возможен разрыв единой структуры сложного предложения на несколько коммуникативных единиц: <...> *Пешком до пристани всего четверть часа. Если идти через городской сад (К. Паустовский); Вы сыты и потому равнодушны к жизни. Но умирать и вам будет страшно (А. Чехов)» (Белошапкина 2002: 817-818);*

«*Просят понять ситуацию. Но от этого легче не будет (Крымская правда, 24.07.96)* – расчлененное сложносочинённое высказывание» (Чернобровец 2002: 68);

«Парцеллятами оказываются и отдельные слова (разные члены предложения) и словосочетания, и обособленные обороты, и присоединительные конструкции, и зависимые предикативные единицы» (Стексова 2003: 82);

«Явления присоединения и парцелляции, как они описаны учеными, различающими эти понятия, настолько близки друг другу в структурном и семантическом плане, что это позволяет нам рассматривать их как одно явление коммуникативного синтаксиса, а различие в названиях объяснять терминологической путаницей» (Борисова 2003: 17);

«I тип ПК, самый распространенный, представлен союзной парцелляцией нового по отношению к базовой структуре компонента: *Да, ему не стоило так далеко заходить. Но. Теперь он сам знает, что мне ничего не остается, как убить его (К. Кизи).* В рамках этого типа выделяются 3 разновидности: ПК с присоединительными союзами или их аналогами (самая маленькая группа), ПК с сочинительными союзами (самая большая группа) и ПК с подчинительными союзами. В целом преобладают парцелляты – самостоятельные предложения» (Роднева 2005: 14);

«Наблюдения за функционированием конструкций со значением присоединения в современных текстах разной стилевой принадлежности показывают, что наиболее часто они оформляются посредством парцелляции» (Сидорова 2012: 59);

«Парцеллят может быть: частью сложносочинённого предложения (начинаться с сочинительного союза)» (Зойдзе 2012: 69);

«Парцеллироваться могут как члены предложения, так и части сложных предложений, выражающие различные синтаксические отношения» (Зубова, Казеко 2014: 14);

«Поэтому для постмодернизма характерны высокая степень эмоциональности, разговорный стиль повествования, расчлененность конструкций, что и выражает парцелляция: *Не хватало сейчас ребят. Просто чтобы стояли рядом – и думали так же, как он. И молчали. Не все поддержали его. Четверо. Мало – но тут не в числе ведь дело. Всё разъяснится как-нибудь. Разъяснится все непременно. Будут ещё стоять рядом, локоть к локтю, плечо к плечу. Единые. Монолит* (Д. Гуцко)» (Калмухамбетова 2018: 150);

«Однако отмечены парцеллированные употребления типа: *Я там бываю. И зачастую*» (Панков 2020: 3);

«Парцеллированию подвергаются все существующие виды сложносочиненных предложений» (Сербина, Чеберяк 2020: 25);

«Особой зоной разделения смысловых составляющих парцеллированной конструкции могут стать союзные средства, предусмотренные структурой исходного предложения: *Она еще проводит руками по металлическим гранкам. И уходит, попрощавшись с нами обоими* (А. Омар)» (Будникова 2021: 9);

«Где я только ни был в своей жизни! Но везде такие же облака, как в нашей местности. И голубые, и светло-серебристые, и как сажа, черные... Определение обособляется парцелляцией и одновременно подвергается инверсии» (Шпарева 2021: 84) и мн. др.

Парцеллированные компоненты, выраженные присоединительными сложносочиненными конструкциями, находящимися после точки, широко рассматриваются лингвистами на материале языка художественной прозы. Например:

«Присоединение, осуществляемое с помощью сочинительных или подчинительных союзов, не вызывало особых сомнений: наличие союза (или другого средства связи) лишало оформленное самостоятельно предложение его независимости» (Карпенко 1957: 55);

«Очень характерным для современного русского литературного языка является присоединение нескольких компонентов. Причем последние могут оказываться между собой в разных синтаксических связях» (Пронь 1971: 145);

«Парцеллируется предикативная часть (или несколько однородных), присоединяемая сочинительным союзом» (Везерова, Сиверина 2004: 182);

«Возможности приема парцелляции велики. Рвущая строка создает стремительный ритм, динамичность, отчасти резкость: *Прогулки. До водопада, до Сен-Клера, до пещеры, где некогда жил отшельник. И обратно. Сентябрь был жарким, погожим* («Подвиг», 273)» (Омаева 2006: 21);

«Чаще всего парцелляции подвергаются соединительные сложносочиненные предложения» (Ступкина 2008: 11);

«Парцеллированные конструкции встречаются не только в структуре простого предложения, но и в структуре сложного, в частности сложносочиненного» (Сибгатова 2010: 189);

«Явление парцелляции можно проиллюстрировать на следующих примерах: *Я помню чей-то разговор, чей-то вопрос по этому поводу. А может, я этот разговор и вопрос выдумал сам. И отцовский ответ* (В. Шаламов)» (Каркошко 2011: 11);

«Парцеллят подобен сочиненному или придаточному предложению, начинается с союза или модального слова» (Шушлебина 2012: 40);

«Семантика отношений широка и разнообразна: между частями парцеллированных конструкций реализуются присоединительные, перечислительные, пояснительные, определительные, обстоятельственные значения. Например: *А хочется мне, Лена, одного: встретиться с вами. Причем немедленно* (А. Тоболяк); *Светло улыбнувшись, этот нетипичный мельтон идет к дверям. И уходит, оставив меня один на один с собой* (А. Тоболяк)» (Добрычева 2013б: 13);

«Встречается парцеллирование лексически разных предикатов, соединенных сочинительными союзами или бессоюзной связью: *Я рассказал ей все. И только – не знаю почему... нет, неправда, знаю – только об одном промолчал – о том, что он говорил в самом конце, о том, что я им был нужен только* (Е. Замятин)» (Камлевич 2013: 58);

«Среди парцеллятов-предикативных частей стилистически наиболее выразительны части сложносочинённого предложения с противопоставлением: *Он всё время помнил о своём лице, способном иногда выходить из повиновения, и несколько механически улыбался. Но мысли его были невеселы* (В. Дудинцев)» (Астафьева 2014: 3);

«В описываемых языках парцелляции подвергаются как сложносочиненные, так и сложноподчиненные конструкции» (Стасенко 2014: 118; Стасенко 2021: 276);

«Еще одним средством грамматического выражения присоединительных отношений являются подчинительные союзы и союзные местоименно-наречные слова, употребленные в присоединительном значении: *если, потому что, ибо, что, который, как, как бы, когда* и т. д.» (Севрюгина 2014: 163);

«Парцелляции подвергаются все существующие виды сложносочинённых предложений» (Астафьева, Колоскова 2015: 163);

«Сущность парцелляции сочинительных связей заключается в том, что в базовой части представлен синтаксический аналог парцеллята, поэтому расчленение происходит без каких-либо ограничений» (Александрова, Астафьева 2015: 15);

«Приведем примеры таких конструкций (парцеллированных. – Н.С.) из текстов Д. Быкова: *При том что братья Васильевы придумали все / ординарцу Чапаева Петьке / маленькому грязному грубому вороватому пронырливому / посвящена у Фурманова одна страница // И даже один большой абзац*» (Туранова 2015: 185);

«Частотное использование соединительных и противительных союзов является индивидуально-авторской особенностью текста В. Маканина» (Федорова 2015: 139);

«С семантической точки зрения интересны конструкции с противительными союзами с наложением при парцелляции структурных и семантических оснований разделения компонентов сложного предложения: *Он шёл в науку, чтобы стать великим. Чтобы*

сделать открытия, которые смогли бы перевернуть мир. А наработал, в лучшем случае, только на полторы строчки в энциклопедии» (Д. Глуховский)» (Болотова 2016: 276);

«Парцеллированные конструкции представляют собой расчленение предложения на два и более отрезка (парцеллята), отделяемых друг от друга финальными знаками препинания – точкой, многоточием, вопросительным и восклицательным знаками» (Czapiga 2017: 39);

«Парцеллированными могут быть предложения простые, сложносочинённые и сложноподчинённые» (Рай 2020: 119);

«Парцелляция сложносочинённых предложений в текстах М.В. Семеновой представлена немногочисленными языковыми фактами» (Князева 2020: 102);

«В языковой структуре романа “Смерть Вазир-Мухтара” имеет место и явление парцелляции частей сложносочинённых предложений» (Алиева 2021: 26-27);

«Парцеллят – самостоятельное синтаксическое предложение, связанное с предыдущим предложением союзами “и”, “но”, “а”» (Дусматова 2021: 273) и др.

Исследователями также отмечается, что парцеллированные конструкции, выраженные присоединительными сложносочинёнными предложениями, широко используются в языке СМИ, рекламы. Например:

«Очень широко распространена в газетной речи парцелляция отрицательных конструкций с заместительными союзами *не... а, а не*» (Цумарев 2003: 13);

«Парцелляция сложносочинённых предложений наблюдается лишь тогда, когда налицо смена характера сочинительных отношений, что приводит к рематизации парцеллируемой предикативной части» (Пинегина 2005: 17);

«По нашему мнению, убедительно говорить о парцелляции сложносочинённого предложения можно применительно к собственно присоединительным предикативным конструкциям, прежде всего с союзами *причем* и *да и*, например: *Собственно подобное выступление команды в нынешнем сезоне прогнозировалось: уж слишком много за последние годы накопилось проблем. Причем большинство из них имеют околофутбольный характер* («День за днем», № 280, 2004)» (Сидорова 2007: 44);

«Материалом для реализации рассматриваемого явления без каких-либо затруднений становятся сложносочинённые предложения, обладающие в плане актуального членения некоторым отличием» (Абашина 2012: 185);

«Услуги перечисляются с использованием отглагольных парцеллированных существительных, а не глаголов: *Заправка. Ремонт. И продажа картриджей. Покупка картриджей, бывших в употреблении. Ремонт оргтехники и ПК. Выполнение заказа в день обращения*» (Марышева 2012: 26);

«Парцелляция заголовка, включающего части сложного (сложносочинённого и сложноподчинённого) предложения» (Богоявленская 2014: 36);

«Чаще парцелляции подвергаются сложные синтаксические конструкции: осложнённые предложения с обособленными членами и однородными членами и сложные

предложения различных структурно-семантических типов: *В отличие от ялтинских афиш, программа, заявленная на фестивале “Джаз Коктебель”, должна вызывать куда больший ажиотаж. Но не вызывает. Потому что борьба за уровень зрителя в нашем шоу-бизнесе не является приоритетным направлением* (К. Баканов)» (Гурьева 2014: 221);

«Анализ материала показал, что большая часть присоединительных конструкций представлена парцелляциями» (Глебская 2015: 108);

«Итак, критериями идентификации парцелляции будем считать следующие: 1) графический критерий: в группу парцеллированных включаются сегменты, отделенные от основной части высказывания финальной синграфемой: точкой, восклицательным или вопросительным знаком, многоточием, и начинающиеся с заглавной буквы; 2) синтаксический критерий: отчлененный сегмент представляет собой фрагмент высказывания, построенного по формуле простого или сложного предложения; он может быть расположен как контактно, так и дистантно» (Богоявленская 2016: 77);

«Углубление и расширение сферы распространения описываемой тенденции приводит к парцеллированию сложных синтаксических конструкций не только подчинительного, но и сочинительного характера» (Магеррамов 2020: 259);

«Для текстов выступлений современных российских политиков характерно активное использование парцеллированных сложносочиненных предложений разных типов» (Заварзина, Хицкова 2021: 134-135) и др.

Парцеллированные конструкции, выраженные сложносочиненными предложениями, используются – реже – и в языке публицистики. Например:

«Многоликость, а поэтому и многофункциональность особых форм присоединительных конструкций, а именно парцелляции, не позволяет выстроить для них какие-либо тематические рамки» (Молодыхенко 1910: 90);

«Для очерков В. Пескова наиболее характерно использование парцелляции в изобразительно-выразительных целях. Причем на основе этого приема подчас формируются значительные по протяженности отрезки текста: *Она запасает на зиму траву. Подгрызает. И стебелек к стебельку кладет для начала сушить*» (Куроедова 2010: 156);

«Текст практически весь построен на эксплуатации риторического приема парцелляции, который в том числе проявляется и в использовании присоединительных конструкций» (Крижановская 2011: 92);

«Парцелляция усиливает присоединительную связь между компонентами высказывания» (Сабурова 2012: 27);

«Вполне возможно рассматривать явления парцелляции в пределах сложносочиненного предложения» (Гапонова, Назар 2015: 29);

«(1) *Не так много государств способны проводить по-настоящему суверенную внешнюю политику, ни на кого не оглядываясь.* (2) *Россия – может.* (3) *И мы не раз это доказывали.* (4) *И вернув Крым.* (5) *И сражаясь с международным терроризмом на Ближнем Востоке* (Предложения пронумерованы для удобства описания). Фрагмент содержит

парцелляцию, а также элемент лексического повтора с синтаксическим распространением. Основная фраза – предложение № 1, затем следует ряд парцеллят – предложения № 2-5» (Ягодкина 2018: 103);

«Функциональная многоплановость парцелляции, незамкнутость ее лексического воплощения, достаточная свобода синтаксического представления (в пределах структуры простого/сложного предложения, однородных членов; вследствие эллипса глагола общего значения; контактность/дистантность расположения; степень распространенности и количественность парцеллята), обуславливают разнообразие моделей парцеллированных конструкций в политических дискурсивных практиках: *Для людей важно, что реально сделано и как это улучшает их жизнь, жизнь их семей. И не когда-нибудь, а сейчас*» (В. Путин)» (Боженкова, Боженкова 2020: 128);

«Под присоединительными конструкциями понимается структурно-семантическое объединение основного и дополнительного высказывания, выделенное интонационно и по смыслу (часто – и отделенное знаком “точка”). *Уже организован кружок. Краеведческий. Намечен многодневный поход*» (Полупан 2011) и др.

Безусловно, многочисленные результаты, в частности, указанных выше исследований не могли не повлиять на установление лингвистического статуса присоединительных конструкций, расположенных вне основного предложения. В основе первой точки зрения лежит веское основание – присоединительные сложносочиненные предложения или же слова / словосочетания с сочинительными союзами находятся «не на своем» привычном месте, не внутри предложения, а потому их вторжение в парцеллированное пространство вынуждает ученых считать эти конструкции парцеллированными. Парцелляция – это прежде всего разрыв, расчленение основного предложения, в результате которого парцелляты оказываются после точки. Примечательно, что данная позиция является весьма популярной, что подтверждается большим количеством цитируемых работ.

Вторая точка зрения свойственна отдельным лингвистам, которые присоединительные сложносочиненные конструкции относят к переходным, или синкретичным предложениям. На сегодняшний день лингвисты, отстаивающие данную позицию, по всей видимости, малочисленны, но именно поэтому их изыскания представляют значительный интерес для исследователей, стремящихся к точной квалификации присоединительных конструкций. Ученые полагают: появление конструкций переходного типа вызвано тем обстоятельством, что они являются конструкциями асимметричными, у которых план содержания и план выражения не совпадают в сравнении с традиционными предложениями. Синтаксис расчлененных экспрессивных предложений включает, прежде всего, асимметричные предложения, в число которых входят присоединительные и парцеллированные конструкции. Асимметричные предложения нарушают привычные структурно-семантические нормы и потому привлекают к себе повышенное внимание адресата речи.

В не вызывающих сомнений объяснениях профессора В.В. Бабайцевой четко указано, что «в синтаксисе условием для образования переходных явлений, входящих в зону синкретизма, является нарушение соотношения между формой и содержанием (структурой и семантикой), желание приспособить “старую” форму для выражения каких-либо новых значений или семантических компонентов» (Бабайцева 2000в: 178). Присоединительные сложносочиненные конструкции, находящиеся после точки, можно признать асимметричными, так как они нарушают свои собственные границы присоединения, вторгаясь в парцеллированное пространство. Поэтому такие присоединительные конструкции ученые относят к переходным синтаксическим конструкциям. Под «старой» формой следует понимать присоединительные конструкции, расположенные в пределах основного предложения, которые благодаря передаваемой ими добавочной информации нередко не уступают по содержательной значимости информативности главного предложения. Учитывая, что грамматика находится на службе у семантики, цель различных форм слов, моделей словосочетаний и предложений состоит в том, чтобы передавать богатейшие оттенки смысла. Выходя за пределы основного предложения, как это свойственно парцеллятам, нарушая традиционную структуру присоединения, присоединительные конструкции сумели приспособить свою «старую» форму для усиления собственного семантического веса в синтаксисе экспрессивных предложений. Указанные нарушения между формой и содержанием позволяют ученым причислить такие присоединительные конструкции к переходным, асимметричным предложениям.

Представляется, что присоединительные конструкции не могли не перейти в другую структурно-семантическую плоскость, имея для этого в своем распоряжении идеальные условия: достаточно расчленить основное предложение и вынести присоединительную конструкцию за пределы основного предложения, за точку. В таких случаях присоединительные расчлененные конструкции, в том числе и сложносочиненные, получают возможность разнообразить семантику высказывания дополнительными оттенками, привлекать внимание коммуникантов в содержательной части к каким-то событиям, деталям, признакам и т. д., нередко выходят на первый план в семантическом аспекте. Иначе говоря, можно признать, что в плане содержания присоединительные компоненты вполне преуспевают, поскольку они «наиболее точно и ярко выражают замысел говорящего» (Бабайцева 2000в: 178) и в связи с этим вполне отвечают коммуникативным задачам автора.

И снова мы заостряем внимание читателей на том, что парцеллированные конструкции являются асимметричными предложениями экспрессивного синтаксиса, однако при этом далеко не все ученые считают нужным охарактеризовать парцеллированные конструкции как переходные, синкретичные синтаксические явления.

О переходных случаях в области парцеллированных и присоединительных предложений писали в своих трудах известные ученые и их последователи. Например:

«Может быть ситуация совмещения этих явлений, ситуация наложения парцелляции на присоединение» (Сковородников 1978: 123);

«Присоединение в чистом виде обнаруживается в рамках самого базового предложения, парцеллированное присоединение позиционно более самостоятельно (стоит после точки)» (Валгина 2003а: 188);

«К явлению переходного типа между присоединением и парцелляцией, к особым конструкциям следует отнести отчленение в самостоятельный компонент однородных сказуемых, связанных сочинительной или бессоюзной связью» (Горина 2004: 42);

«Периферийные явления в области парцелляции, присоединения и сегментации также характеризуются прерывистой синтаксической связью, отрывом от базовой части высказывания, логическим и интонационным выделением, но находятся в позиции слабого или абсолютного неразграничения и могут иметь переходный или синкретичный характер» (Лаврик 2009: 13);

«Конструкции с одиночными союзами и, но, а, реализованные в двух или более фразах, являются переходными между сочетанием высказываний и парцеллированным вариантом единого высказывания, построенного по модели сложного предложения со сложносочинённой структурной основой» (Скоробогатова 2012: 143);

«Чаще всего средством связи в таких конструкциях выступает аналог союза “причём”, реализующий между компонентами конструкции дополнительные присоединительные отношения, которые накладываются на “первичную” подчинительную связь» (Добрычева 2013а: 20);

«Конструкция с присоединённым компонентом характеризуется полифункциональностью, структурной вариативностью присоединённой части, принадлежностью к системе экспрессивного синтаксиса и сфере промежуточных синтаксических структур, занимая промежуточное положение между простым осложнённым предложением, сложносочинённым или сложноподчинённым предложением, с одной стороны, и текстом – с другой» (Парамонова 2013: 136);

«При определенных значениях отношений между частями парцеллят имеет значения присоединения. Подобные конструкции “разорванных” сложносочинённых предложений можно отнести к парцеллированным. Принимая во внимание структурную самостоятельность частей и отсутствие прямой зависимости от отделённой части от предложения-центра, обосновано именовать описанные выше конструкции парцелляцией переходного типа» (Харитонова 2014: 82);

«В этой связи возникает необходимость исследования нового синтаксического явления, именуемого парцелляцией или присоединением. В лингвистической литературе справедливо указывается на нечеткость содержания последних. Это, в свою очередь, создает известные трудности при проведении границы между парцелляцией, с одной стороны, и присоединением – с другой, поскольку эти синтаксические разновидности смыкаются где-то и переходят друг в друга» (Семенова 2016: 18);

«Дополнительное значение приобретает присоединительная конструкция, выделенная в самостоятельное высказывание: здесь происходит совмещение присоединения и парцелляции» (Солганик 2018: 147) и др.

Данная точка зрения, как нам кажется, также не лишена здравого лингвистического смысла, поскольку в русском языке явление переходности, по мнению В.В. Бабайцевой, свойственно многим синтаксическим структурам, в том числе и предложениям экспрессивного синтаксиса. Безусловно, понимание присоединительных конструкций как переходных заслуживает внимания, расширяет наше представление об асимметричных предложениях в целом и свойствах присоединения, в частности.

Третья точка зрения высказывается лингвистами, которые признают присоединительные сложносочиненные конструкции, находящиеся за пределами основного предложения, после точки, именно присоединительными конструкциями. При этом понятия «парцелляция», «парцелляты», «расчленение» в контексте их исследований не упоминаются ни прямо, ни опосредованно. Обзор третьей точки зрения сопряжен в некоторой степени с трудностями, которые обусловлены тем, что в учебной литературе понятия «присоединение», «присоединительная связь», «присоединительные отношения» до сих пор трактуются неоднозначно, спорно. Так, Е.Г. Сидорова, которая длительное время успешно занимается исследованием присоединения, утверждает, что «присоединение – это вид синтаксической связи (наряду с сочинительной и подчинительной) в синтаксической системе современного русского языка, который требует более последовательного и системного изучения и описания не только в вузовской, но и в школьной грамматике» (Сидорова 2012: 61). Указанные сведения, факты относительно присоединения привели в лингвистике к тому, что «интерпретация конструкций со значением присоединения в современных вузовских учебниках весьма противоречива. Авторы одних учебных изданий вообще не рассматривают подобные структуры; другие исследователи говорят о присоединении на уровне только либо простого предложения, либо сложного. Те же авторы, кто анализирует присоединительные конструкции как в простом, так и в сложном предложениях, предлагают не вполне четкие и лингвистически обоснованные их характеристики. Все это позволяет говорить о необходимости более последовательного и системного изучения и описания конструкций со значением присоединения в русском языке» (Там же: 59).

В лингвистике присоединение и присоединительные связи могут рассматриваться широко и узко. В широком понимании присоединительные отношения характерны для отдельных типов сложного союзного предложения – сложносочиненного и сложноподчиненного. В узком понимании – присоединительные отношения усматривают только в тех присоединительных конструкциях, которые наделены ярко выраженной семантикой присоединения при помощи грамматических показателей, т. е. за счет специальных присоединительных союзов, в частности, *да и* и *причем*, которые характерны как для собственно присоединительных конструкций в рамках основного предложения, так и

для присоединительных конструкций в рамках сложносочиненного предложения за пределами основного предложения, после точки.

Примечательно, что иногда наличие специальных присоединительных союзов, например, *да и* и *причем* не является гарантом признания у присоединительных конструкций статуса присоединения. И хотя такое понимание, по всей видимости, встречается крайне редко, тем не менее, в подтверждение сказанному сошлемся на мнение А.А. Добрычевой, которая, вслед за А.Ф. Прияткиной, считает, что «наиболее продуктивными среди парцелированных осложнённых предложений являются конструкции с вторичными союзными связями. Чаще всего средством связи в таких конструкциях выступает аналог союза *причём*, реализующий между компонентами конструкции дополнительные присоединительные отношения, которые накладываются на «первичную» подчинительную связь. В качестве парцеллята в подобных конструкциях выступают второстепенные члены предложения. Например: (парцеллят-дополнение) *Ну хорошо, думал я, возьму и женюсь. Женюсь из чувства долга. Допустим, всё будет хорошо. Причём для нас обоих* (С. Довлатов). Реже в качестве средства оформления вторичных связей выступает союз *да ещё*, который А.Ф. Прияткина определяет как «усугубляющий». Например: *Чем лучше я узнавал Пушкина, тем меньше мне хотелось рассуждать о нём. Да ещё на таком постыдном уровне* (С. Довлатов)» (Добрычева 2013а: 20).

И в завершение отметим, что к присоединительным сложносочинённым конструкциям могут относиться сложносочинённые предложения с сочинительными союзами, которые могут выражать присоединительное значение.

Такова краткая предыстория проблемы присоединения и присоединительных конструкций в современном русском языке. Подытожим с помощью высказывания М.О. Платоновой: «Как многоточие, так и точка не случайны при оформлении присоединительных конструкций, содержащих отношения контраста. Эти знаки препинания, в отличие от запятой, воспроизводят более резкий интонационный переход от одной части высказывания к другой и способствуют их логической разобщённости» (Платонова 1976: 101).

Очевидно, впервые развернутая современная трактовка лингвистического статуса присоединительных конструкций была представлена в докторской диссертации В.Л. Ринберг. Исследователь безоговорочно признала присоединительными конструкции, находящиеся за пределами основного предложения, после точки. Основанием для установления их статуса явился «грамматический барьер» (выражение В.Л. Ринберг) – синтаксическая связь и синтаксические средства в виде присоединительных союзов. Именно они, по мнению ученого, являются решающими факторами при разграничении присоединённого компонента и парцелляции (Ринберг 1981). Впоследствии концепция В.Л. Ринберг относительно присоединительных конструкций была поддержана в трудах ряда ученых и в настоящее время активно продвигается в сфере присоединения, присоединительных связей.

Процитируем высказывания ученых, представляющих третью точку зрения:

«Формальным показателем присоединения является точка, обозначающая длительную паузу. Лишь некоторые из этих слов (например, *что, почему, отчего*) способны получать присоединительное значение и внутри одного предложения. Остальные же (например, *потому что, ибо, если* и т. д.) в составе сложного предложения служат показателями только подчинительной связи. А отдельные слова, в частности *причем*, употребляются только в присоединительном значении, поэтому присоединение может оказаться и внутри основного предложения и вне его. Примеры: *Потом разговаривает с консулом. Если его допустят до консула...* (Н. Ильина); *...Среди прочих телеграмм будет и его. Причем самая необычная* (А. Лапин); *Тут мой возраст дает мне некоторые преимущества перед большинством читателей. Потому что я много ездил в те времена* (К. Паустовский); *Я у них уже одиннадцать лет живу. Как своя* (А. Чехов)» (Валгина 2003б: 261);

«Присоединяемый компонент формирует единую присоединительную конструкцию, даже если он присоединен после точки» (Горина 2004: 219);

«Употребление подчинительных союзов в сложном синтаксическом целом, как правило, свидетельствует о парцелляции, а сочинительные союзы выступают в присоединительной функции и указывают на присоединение» (Шустер 2005: 134);

«Дифференцирующие признаки присоединительной конструкции / парцелляции (положение в структуре предложения и вне его / положение вне предложения)» (Ваулина 2011: 8);

«Когда конструкция, находящаяся после точки, является добавочной мыслью к основному предложению или высказыванию, её следует понимать как присоединение, а не как парцеллят: *Должен сказать, я эти вечеринки изучил. Знаю наперед, что будет дальше. Да и проходят они всегда одинаково. Раз и навсегда заведённый порядок* (С. Довлатов)» (Каркошко 2011: 11);

«Наиболее четко выраженные типы присоединительных конструкции – это те, в которых присоединяемый член является самостоятельной структурой» (Саурбаев 2011: 233);

«Сущность формально-структурного критерия заключается в том, что добавочные элементы присоединительных конструкций могут находиться как в структуре предложения (основной части высказывания), так и вне его. Парцеллаты, в свою очередь, занимают положение только вне структуры предложения» (Гребень, Карпилович 2013: 501);

«Присоединительная связь принадлежит не уровню конструкции, а уровню текста. Это отражается и пунктуационно: перед *и* присоединительным может стоять запятая, тире или точка. Поэтому в настоящей статье примеры с *и* присоединительным могут представлять собой формально и простое предложение, и сложное, и фрагмент текста, в котором вторая часть начинается присоединительным союзом» (Двидар 2015: 60);

«Присоединительные конструкции чаще всего отделяются запятой (а не точкой или другим знаком конца предложения), что делает менее выразительным «субъективный разрыв» с присоединяющим элементом» (Сигал 2021: 136).

Научные изыскания в указанном направлении продолжаются, лингвистическая литература пополняется новыми интересными публикациями, авторы которых присоединительные конструкции признают не парцелированными, а именно присоединительными конструкциями. Например:

«Характерной чертой нативных рекламных публикаций являются присоединительные конструкции, возникающие как бы в момент формирования будущего высказывания, заключающие в себе коммуникативно значимую информацию, придающие динамичность тексту за счет прерывистости речи: *Свобода, сила и чувственность – три слова, которыми можно охарактеризовать коллаборацию ювелирного бренда SKLV и певицы Елены Темниковой. Да ведь это же про настоящую Cosmo girl!* (Cosmopolitan, 2020, № 7-8)» (Селеменева 2020: 164-165);

«Присоединение в широком смысле понимается как добавление отрезков текста, синтаксически связанных, но отделенных паузой (пунктуационно отчлененных) от основной части высказывания» (Неньков 2022: 182);

«Ликвидация паузы (точки), разделяющей сегменты присоединительной конструкции, значима для смысловой интерпретации соответствующих высказываний» (Яковлева, Назаревская 2022: 143) и др.

Как видим, признание присоединительных сложносочиненных конструкций, находящихся после точки, не парцелированными, а именно присоединительными сопряжено со сложностью и многогранностью самого присоединения, о чем красноречиво свидетельствует процесс научной эволюции взглядов ученых в ходе этого трудоемкого процесса. Трансформация взглядов на проблему присоединения и парцелляции отмечается в работах таких выдающихся ученых, как профессор Н.С. Валгина (Валгина 1962; 1978; 2003), профессор В.В. Бабайцева (Бабайцева 2000; 2011; 2015), которые по истечении длительного времени вынуждены были кардинально поменять свое мнение относительно статуса той или иной конструкции (см. Саньярова 2020). Показательна в этом плане сложная и длительная эволюция взглядов профессора О.В. Марьиной (Марьина 2009а; 2009б; 2011; 2012; 2016а; 2016б; 2019), которая в итоге признала, что присоединительные конструкции, находящиеся после точки, все-таки являются присоединительными (см. Саньярова 2021). Способность к пересмотру собственных взглядов характерна, прежде всего, для тех ученых, которые ради установления научной истины могут решительно перешагнуть через свои изначальные принципы, амбиции. Подтверждение сказанному – их высокая научная репутация в академической среде, не нуждающаяся в каких-либо комментариях.

В завершение статьи хотелось бы высказать свое предположение о том, что в принятии и развитии той или иной точки зрения начинающими исследователями большую роль сыграли фундаментальные труды таких авторитетных ученых, как А.Ф. Ефремов (Ефремов 1951), В.В. Виноградов (Виноградов 1941), С.Е. Крючков (Крючков 1950), Л.В. Щерба (Щерба 1957), Н.С. Валгина (Валгина 1962), А.Ф. Прияткина (Прияткина 1962), Ю.В. Ванников (Ванников 1965), В.А. Белошапкина (Белошапкина 1967), Е.А. Иванчикова

(Иванчикова 1977), А.П. Сковородников (Сковородников 1982), Г.Н. Акимова (Акимова 1990), Б. Турсунов (Турсунов 1993) и другие, которые стояли у истоков зарождения учения о присоединении и парцелляции. Полагаем, что авторитет блистательной плеяды ученых, безусловно, довлел над учениками, их последователями, которым, думается, порой нелегко было сформулировать свою точку зрения. Тем не менее, ученики оказались достойными своих учителей и смогли продолжить работу, корректируя и расширяя идеи наставников, привнося свежий инновационный смысл в свои научные изыскания.

В статье впервые представлен краткий обзор-цитатник литературы, который позволил емко и наглядно показать приверженность определенных ученых к той или иной точке зрения по поводу проблемы присоединения и парцелляции и, в частности, их взгляды на присоединительные сложносочиненные конструкции, расположенные за пределами основного предложения, после точки. Обзор работ подтвердил, что каждая из разрабатываемых лингвистами позиций обладает сильной доказательной базой, веской и содержательной аргументацией, что характерно для исследователей высокого научного уровня и потенциала. Фундаментальный характер многочисленных и разнообразных высказываний исследователей не исключает дальнейшей разработки проблемы как присоединительных конструкций, находящихся в основном предложении, так и присоединительных сложносочиненных конструкций, расположенных вне основного предложения, после точки.

ЛИТЕРАТУРА

Абашина В.Н. Специфика заголовочных конструкций с парцелляцией (на материале газет) // Мова. 2012. № 17. С. 182-186.

Акимова Г.Н. Новое в синтаксисе современного русского языка. М.: Высшая школа, 1990. 168 с.

Александрова Е.М., Астафьева О.А. Парцелляция как экспрессивно-синтаксический приём расчленения текста (на материале коротких анекдотов) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2015. № 6-1 (48). С. 13-17.

Алиева Э.А. Парцеллированные конструкции в романе Ю. Тынянова «Смерть Вазир-Мухтара» // Foreign Languages in Uzbekistan. 2021. № 5 (40). С. 20-29.

Астафьева О.А. Стилистические функции парцеллированных конструкций в романе В.Д. Дудинцева «Белые одежды» // Вестник Московского областного гуманитарного института. 2014. № 2. С. 5-9.

Астафьева О.А., Колоскова Т.А. Парцелляция сочинительной связи (на материале романа В.Д. Дудинцева «Белые одежды») // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. 2015. № 3. С. 161-165.

Бабайцева В.В. Синтаксис русского языка: монография. М.: Флинта, 2015а. 576 с.

Бабайцева В.В. Синтаксический статус присоединенных компонентов // Русский язык в школе. 2011б. № 5. С. 71-77.

Бабайцева В.В. Явления переходности в грамматике русского языка: монография. М.: Дрофа, 2000в. 640 с.

Белошапкова В.А. Сложное предложение в современном русском языке (некоторые вопросы теории). М.: Просвещение, 1967. 180 с.

Белошапкова В.А. Современный русский язык. М.: Азбуковник, 2002. 928 с.

Богоявленская Ю.В. Парцелляция как средство повышения привлекательности газетного заголовка // Известия Саратовского университета. Новая серия Серия Филология. Журналистика. 2014. Т. 14. № 3. С. 35-39.

Богоявленская Ю.В. Теория и методология сопоставительного когнитивно-семиотического корпусного исследования парцелляции во французских и русских печатных СМИ: Дис. ... докт. филол. наук. Екатеринбург, 2016. 502 с.

Боженкова Н.А., Боженкова Р.К. Парцелляция как лингвокогнитивный идентификатор российского политического дискурса // Горизонты современной русистики: Сб. ст. Междунар. науч. конф., посвящ. 90-летию юбилею академика В.Г. Костомарова. М.: ГИРЯ им. А.С. Пушкина, 2020. С. 125-131.

Болотова С.К. Структурно-семантические особенности парцеллированных синтаксических конструкций в прозе Д. Глуховского (на материале сборника «Рассказы о родине») // Известия вузов. Серия: Гуманитарные науки. 2016. № 7 (4). С. 275-279.

Борисова Е.В. Парцелляция и присоединение как явления коммуникативного синтаксиса // Теория и типология грамматических систем: Мат. Всерос. науч.-практ. конф. Ижевск: Удмуртский ун-т, 2003. С. 15-18.

Будникова Н.Н. Основания выделения дезинтеграционных процессов в синтаксисе // Вестник Томского государственного университета. 2021. № 463. С. 5-14.

Валгина Н.С. Активные процессы в современном русском языке. М.: Логос, 2003а. 304 с.

Валгина Н.С. Синтаксис современного русского языка. М.: Высшая школа, 1978. 439 с.

Валгина Н.С. Современный русский язык. Синтаксис. М.: Высшая школа, 2003б. 416 с.

Валгина Н.С., Розенталь Д.Э., Фомина М.И. Современный русский язык. М.: Высшая школа, 1962. 479 с.

Ванников Ю.В. Явление парцелляции в современном русском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1965. 39 с.

Ваулина Т.Л. Присоединительные конструкции в языке современной газеты: структурные, семантические и функциональные особенности: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Челябинск, 2011. 19 с.

Везерова М.Н., Сиверина Е.Г. Парцелляция в стихотворениях А. Дементьева // Категории в исследовании, описании и преподавании языка: Сб. науч. тр. 80-летию Е.С. Скобликовой / Отв. ред. Н.А. Илюхина. Самара: Самарский ун-т, 2004. С. 182-189.

Виноградов В.В. Пушкин и русский литературный язык XIX века // Пушкин – родоначальник новой русской литературы. М.: АН СССР, 1941. С. 567-581.

Гапонова Т.Н., Назар Р.Н. Выделение тематического компонента в пределах актуального членения сложносочиненных предложений с парцелированными конструкциями в информационно-публицистических текстах // Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2015. № 4 (18). С. 28-31.

Глебская Т.Ф. Присоединительные конструкции в газетном тексте (на материале «Российской газеты» за 2012-2014 гг.) // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2015. № 6 (159). С. 107-112.

Горина И.И. Типология слабых синтаксических связей в современном русском литературном языке: Дис ... докт. филол. наук. Армавир, 2004. 336 с.

Гребень Т.Н., Карпилович Т.П. Формально-структурный и семантический критерии разграничения присоединения и парцелляции // НИРС 2012: Сб. научн. работ студентов Республики Беларусь. Минск: БГУ, 2013. С. 500-502.

Гурьева Н.Н. Парцелляция как стратегия авторского дискурса в печатных СМИ // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Филология. 2014. № 3. С. 216-223.

Двидар М.М.С. К вопросу об иллокутивном употреблении сочинительного союза «И» // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2015. № 4 (46): в 2-х ч. Ч. I. С. 59-62.

Добрычева А.А. Парцелляция осложняющих компонентов предложения в прозе Сергея Довлатова // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2013а. № 6. С. 19-23.

Добрычева А.А. Синтаксические особенности прозы А. Тоболяка // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2013б. № 19. С. 12-14.

Дусматова Ш.В. Парцелированные конструкции в повести В. Пановой «Спутники» // Вестник российско-таджикского (славянского) университета. 2021. № 3-4 (75). С. 271-280.

Ефремов А.Ф. Язык Н.Г. Чернышевского // Ученые записки Саратовского педагогического института. 1951. Вып. 14. С. 3-18.

Заварзина Г.А., Хицкова М.В. Парцелляция как средство актуализации смысловых оттенков сложносочиненных конструкций в политическом дискурсе новейшего периода // Известия Воронежского государственного педагогического университета. 2021. № 3 (292). С. 134-138.

Зелепукин Р.О. Парцелляция в художественной прозе В. Токаревой: структура, семантика, текстообразующие функции: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2007. 26 с.

Зоидзе Э.А. Роль парцелированных конструкций в аналитическом газетном тексте (на материале русского и английского языков) // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2012. № 5. С. 67-72.

Зубова С.В., Казеко Т.Н. Экспрессивные синтаксические конструкции в современной газетной речи // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. 2014. № 6 (33). С. 11-17.

Иванчикова Е.А. Парцелляция, ее коммуникативно-экспрессивные и синтаксические функции // Русский язык и советское общество: Морфология и синтаксис современного русского литературного языка. М.: Наука, 1977. С. 277-301.

Калмухамбетова О.М. Парцеллированные конструкции в прозе постмодернизма в свете тенденций современного синтаксиса русского языка // Известия Южного федерального университета. 2018. № 2. С. 145-152.

Камлевич Г.А. Парцелляция как элемент художественной прозы Е. Замятина // Весці БДПУ. Сер. 1: Педагогіка. Психологія. Філологія: наукова-метадычны часопіс. 2013. № 3. С. 56-60.

Каркошко О.П. Парцелляция: структура, семантика, функция (на материале русского и немецкого языков): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Майкоп, 2011. 27 с.

Карпенко М.В. Структура и значение присоединительных конструкций, части которых оформлены как самостоятельные предложения // Ученые записки Черновицкого государственного ун-та. Сб. научных работ аспирантов. Вып. 2. Кафедра русского языка. Черновицк, 1957. С. 40-56.

Князева Н.В. К вопросу о парцелляции сложного предложения (на материале художественных текстов М.В. Семеновой) // Филологический аспект. 2020. № 1. С. 102-115.

Копнина Г.А. Парцелляция // Эффективное речевое общение (базовые компетенции): словарь-справочник. Красноярск: СФУ, 2014. С. 427-428.

Крижановская Е.М. Особенности индивидуального стиля журналиста-автора политического интернет-блога // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2011. № 4 (16). С. 88-96.

Крючков С.Е. О присоединительных связях в современном русском языке // Вопросы синтаксиса современного русского языка. М.: Учпедгиз, 1950. С. 397-411.

Куроедова М.А. Экспрессивный синтаксис как средство выражения личностного начала публициста // Вестник Амурского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2010. № 48. С. 155-157.

Лаврик Э.П. Специфика синтаксической связи в предложениях с изолированными адъективными фрагментами // Вестник Ставропольского государственного университета. 2009. № 60. С. 10-15.

Лозанович Ф.Т. Языковые особенности газетного очерка как жанра в публицистике (стилистико-синтаксические функции присоединительных конструкций): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ростов-на-Дону, 2000. 20 с.

Магеррамов И.А. оглы. К вопросу о знаках препинания в сложноподчинённом предложении в аспекте современного употребления // Школа будущего. 2020. № 2. С. 252-260.

Марышова М.А. Функции и семантика парцеллированных конструкций в языке рекламы // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2012. Т. 10. № 6. С. 25-28.

Марьина О.В. Взаимодействие дезинтеграционных синтаксических процессов в русских художественных текстах, созданных в 1980–2000-е годы // Вестник Удмуртского университета. 2011. № 2. С. 118-123.

Марьина О.В. Интеграционные и дезинтеграционные процессы в синтаксисе русской художественной прозы 1980-х – 2000-х гг.: Автореф. дис ... докт. филол. наук. Барнаул, 2012. 35 с.

Марьина О.В. Интеграционные и дезинтеграционные процессы в синтаксисе художественных текстов как показатель их слияния и расчленения // Ученые записки Забайкальского государственного гуманитарно-педагогического университета. Серия: Филология, история, востоковедение. 2009. № 3. С. 233-235.

Марьина О.В. Парцеллированные и присоединительные конструкции (на материале художественных текстов В. Токаревой) // Прагматика текста: коллективная монография. Барнаул: Графикс, 2019. С. 37-56.

Марьина О.В. Парцелляция в рассказах Сорокина // Новая наука: современное состояние и пути развития. 2016. № 9. С. 111-113.

Марьина О.В. Расчлененные парцеллированные конструкции и их функции в современных художественных текстах рубежа XX-XXI веков // Филология и человек. 2009. № 3. С. 55-62.

Марьина О.В. Точка между компонентами парцеллированной конструкции (на материале текстов рассказов В. Токаревой) // Проблемы и перспективы развития науки в России и мире: Сб. ст. Междунар. науч.-практ. конф.: в 3 ч. Ч. 3. Уфа: Аэтерна, 2016. С. 95-96.

Молодыхенко А.В. Особые формы присоединительных конструкций как способ выражения авторского «я» в современном публицистическом дискурсе // Вісник ЛНУ імені Тараса Шевченка. 2010. № 2 (189). С. 84-92.

Неньков В.М. Коммуникативные установки автора текста, выражаемые присоединительными конструкциями // Перекрёстки взаимодействий: диалог русской и зарубежной литературы во времени и пространстве: Мат. VIII Междунар. научных чтений: в 2 ч. Ч. 2. Калуга: КГУ им. К.Э. Циолковского. 2022. С. 181-186.

Нуралиева К.З. Специфика функционирования парцеллированных синтаксических конструкций в художественном тексте (на материале художественных произведений первой половины XX века) // Известия дагестанского государственного университета. 2013. № 4. С. 83-87.

Омаева З.Я. Синтаксические конструкции экспрессивного типа как средство выражения авторских интенций (на материале художественных произведений В.В. Набокова): Автореф. ... дис. канд. филол. наук. Махачкала, 2003. 25 с.

Остринская Н.Н. Экспрессивность французской культуры в выразительных средствах языка // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2006. № 2. С. 35-41.

Панков Ф.И. Парцеллят и сегмент: к вопросу о нетривиальных синтаксических позициях словоформ в русском языке // *Études de Linguistique et d'Analyse du Discours – Studies in Linguistics and Discourse Analysis*. 2020. № 4. URL: <https://clck.ru/36VEWX> (20.07.2023).

Парамонова М.И. О роли конструкции с присоединенным компонентом в новостном и информационно-аналитическом газетных текстах (на материале британской прессы и веб-версий британских газет) // *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. 2013. № 11-1 (29). С. 135-143.

Пинегина Я.Н. Парцеллированные конструкции и их коммуникативно-прагматические функции в современных медиа-текстах: Автореф. ... дис. канд. филол. наук. Ростов-на-Дону, 2005. 19 с.

Платонова М.О. О некоторых стилистических функциях присоединения в языке Л.Н. Толстого // *Язык и стиль Л.Н. Толстого: Мат. XIII Толстовских чтений (Республиканский сборник)*. Вып. I. Тула, 1976. С. 93-101.

Полупан Е.Б. Явление присоединения в публицистике. 2011. URL: <https://textarchive.ru/c-2593535.html> (22.07.2023).

Прияткина А.Ф. К изучению присоединительной конструкции // *Ученые записки Дальневосточного университета*. 1962. Вып. 5. С. 201-214.

Прияткина А.Ф. Русский язык. Синтаксис осложненного предложения. М.: Высшая школа, 1990. 176 с.

Пронь Н.А. Присоединительные конструкции в современном русском литературном языке (на материале произведений К.А. Федина) // *Вопросы теории и истории русского языка*. 1971. Вып. 4. С. 144-175.

Рау С.Г. Парцелляция как средство речевого воздействия в современной драматургии (на примере пьесы М. Хейфица «Спасти камер-юнкера Пушкина») // *Вестник Челябинского государственного университета*. 2020. № 12 (446). С. 118-124.

Ринберг В.Л. Конструкции связного текста в истории русского языка: Автореф. дис. ... докт. филол. наук. М., 1981. 32 с.

Роднева Е.К. Парцеллированные конструкции в русских переводах американских писателей XX века (в сопоставлении с оригинальными текстами): Автореф. дис. ... докт. филол. наук. СПб., 2005. 23 с.

Русский язык и культура речи. Синтаксис: учебное пособие. М.: Аспект Пресс, 2018. 256 с.

Сабурова В.А. Парцелляция в публицистических произведениях И. Андроникова // *Филологический журнал*. 2012. № 19. С. 25-29.

Саньярова Н.С. Присоединение vs парцелляции // *Русистика без границ*. 2020. Т. 4. № 2. С. 22-33.

Саньярова Н.С. Трансформация взглядов профессора О.В. Марьиной на присоединительные и парцеллированные конструкции // *Современные научные*

исследования: проблемы и перспективы: Сб. мат. V Междунар. науч.-практ. конф. Киров: МЦИТО, 2021. С. 134-140.

Саурбаев Р.Ж. Структурно-семантический анализ парцеллированных конструкций (на материале английского и татарского языков) // Научно-технические ведомости СПбГПУ. Гуманитарные и общественные науки. 2011. № 1. С. 231-235.

Севрюгина Е.В. Способы грамматического и пунктуационного выражения присоединительной связи // Наука и школа. 2014. № 3. С. 160-164.

Селеменева О.А. Синтаксис нативных рекламных публикаций в глянцевого периодике // Научный диалог. 2020. № 10. С. 159-171.

Сербина Т.Г., Чеберяк А.Н. Парцелляция сложносочиненных предложений (на материале русскоязычных газет и журналов Украины // Bulletin of Zaporizhzhia National University. Philological Sciences. 2020. Vol. II. № 1. С. 21-27.

Сибгатов Э.И. Парцеллированные конструкции как средство выражения экспрессии в романе В. Аксенова «Остров Крым» // Вестник Татарского государственного гуманитарно-педагогического университета. 2010. № 4 (22). С. 188-191.

Сигал К.Я. Текстобразующая функция присоединения в поздних рассказах В.Г. Лидина // Научный диалог. 2021. № 4. С. 129-47.

Сидорова Е.Г. Парцеллированные конструкции как средство реализации конструктивно-стилевого вектора современного газетного текста // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2. Выпуск 6. 2007. С. 40-46.

Сидорова Е.Г. Присоединительные конструкции в системе современного русского языка // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание. 2012. № 2 (16). С. 57-62.

Сковородников А.П. О соотношении понятий «парцелляция» и «присоединение» (на материале русского литературного языка) // Вопросы языкознания. 1978. № 1. С. 118-130.

Сковородников А.П. Экспрессивные синтаксические конструкции современного русского литературного языка: опыт системного исследования: Автореф. дис. ... докт. филол. наук. Л., 1982. 44 с.

Скоробогатова Е.А. Явление парцелляции в высказываниях, построенных по моделям полипредикативных сложных предложений // Развитие теории полипредикативных сложных предложений в русле традиций Харьковской лингвистической школы: коллективная монография. Вып. III. Харьков: ХНПУ им. Г.С. Сковороды. 2012. С. 139-145.

Стасенко А. Парцеллированные предложения в современном русском и польском языках // Язык и метод. Т. 7. Русский язык в лингвистических исследованиях XXI века. Русская пунктуация в коммуникативном аспекте. Kraków: Wydawnictwo Uniwersytetu Jagiellońskiego. 2021. С. 171-280.

Стасенко А. Русские парцеллированные конструкции в тексте романа Бориса Акунина «Турецкий гамбит» и их польские эквиваленты // Acta universitatis Lodzensis. Folia linguistica rossica. 2014. № 10. С. 115-124.

Стексова Т.И. Тенденция к «разорванности синтаксиса» на страницах современной прессы // Сибирский филологический журнал. 2003. № 2. С. 81-85.

Стругова Г.С. Парцелляция как важнейший стилистический прием текстовой экспрессивности в поэзии С. Острового // Интеллектуальный потенциал общества как драйвер инновационного развития науки: Сб. ст. Междунар. науч.-практ. конф. Уфа: Аэтерна. 2021. С. 83-86.

Ступкина М.О. Парцелляция в современном болгарском языке (на материале художественной прозы): Автореф. ... дис. канд. филол. наук. Санкт-Петербург, 2008. 20 с.

Туранова А.Ю. Конструкции экспрессивного синтаксиса в устной речи Д. Быкова (на материале открытых уроков по русской литературе) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2015. № 11-3 (53). С. 185-189.

Турсунов Б. Присоединение как особый тип синтаксической связи: Автореф. дис. ... докт. филол. наук. СПб., 1993. 36 с.

Федорова Н.Н. Семантика парцеллированных конструкций в рассказе В. Маканина «Кавказский пленный» // Евразийский союз ученых. 2015. № 10 (19). С. 139-140.

Федосюк М.Ю. Сходства и различия между сложносочиненными предложениями и союзными сочетаниями самостоятельных предложений в научной речи // Функциональные стили. Методические аспекты: Сб. ст. / Отв. ред. М.Я. Цвиллинг. М.: Наука, 1985. С. 133-142.

Федосюк М.Ю. Функционирование в УНР структурных схем сложносочиненного предложения // Современная русская устная научная речь. Синтаксические особенности. Т. II. М., 1994. С. 49-104.

Харитоновна Е.В. Тенденция к дистинктности: парцелляция переходного типа и парцелляция с абзаца // Лингвистический, социальный, историко-культурный, дидактический контексты функционирования русского языка как государственного языка Российской Федерации: Сб. мат. межрегион. конф. Волгоград: Олимпия, 2014. С. 79-86.

Цумарев А.Э. Парцелляция в современной газетной речи: Автореф. ... дис. канд. филол. наук. М., 2003. 25 с.

Чернобривец С.Г. К вопросу о типах парцелляции в русском языке // Культура народов Причерноморья. 2002. № 27. С. 65-68.

Шпарева Г.И. Конвергенция парцелляции и инверсии в русском, чувашском и английском языках // Язык и слово: Сб. науч. тр. Чебоксары. Чувашский ун-т, 2021. С. 83-85.

Шустер А.Г. Категория следствия и средства ее реализации на разных ярусах синтаксиса в современном русском языке: Дис ... канд. филол. наук. Армавир, 2005. 190 с.

Шушлебина О.В. Парцелляция как явление экспрессивного синтаксиса // Вестник Кыргызско-Российского славянского университета. 2012. № 5. С. 39-41.

Щерба Л.В. О частях речи в русском языке // Избранные работы по русскому языку. М.: Учпедгиз, 1957. С. 63-84.

Ягодкина К.Н. Средства экспрессивного синтаксиса в предвыборных программах партий как отражение доминирующего речевого поведения современного политика //

Изучение и преподавание русской словесности в эпоху языковой глобализации: Мат. докл. и сообщ. XXIII Междунар. научно-метод. конф. СПб., 2018. С. 101-105.

Яковлева А.М., Назаревская Т.Ю. Структурно-семантические особенности присоединительных сочинительных конструкций в современном французском языке // Романские языки: прагматика и дискурс (способы выражения и содержания): Мат. Междунар. науч. конф. М., 2022. С. 140-146.

Ярыгина Е.С. Виноградовские традиции в современном филологическом образовании: присоединительные связи // История и современность филологических наук. Сб. науч. ст. по мат. Междунар. науч. конф. «XVI Виноградовские чтения»: в 2 т. Т. I. М.: МГПУ, 2021. С. 117-122.

Czapiga Zofia. Синтаксические средства создания эмотивного смысла высказывания в русском и польском языках // *Zeszytynauko we uniwersytecie rzeszowskiego*, 2017. № 96. С. 32-41.

REFERENCES

Abashina, V.N. (2012). Specifika zagolovochny`x konstrukcij s parcelliyaciej (na materiale gazet). *Mova*. № 17. S. 182-186.

Akimova, G.N. (1990). *Novoe v sintaksise sovremennogo russkogo yazy`ka*. M.: Vy`sshaya shkola, 168 s.

Aleksandrova, E.M., & Astaf`eva, O.A. (2015). Parcelliyaciya kak e`kspressivno-sintaksicheskij priyom raschleneniya teksta (na materiale korotkix anekdotov). *Filologicheskie nauki. Voprosy` teorii i praktiki*. № 6-1 (48). С. 13-17.

Alieva, E`.A. (2021). Parcellirovanny`e konstrukcii v romane Yu. Ty`nyanova «Smert` Vazir-Muxtara». *Foreign Languages in Uzbekistan*. № 5 (40). S. 20-29.

Astaf`eva, O.A. (2014). Stilisticheskie funkicii parcellirovanny`x konstrukcij v romane V.D. Dudinceva «Bely`e odezhdy`». *Vestnik Moskovskogo oblastnogo gumanitarnogo instituta*. № 2. S. 5-9.

Astaf`eva, O.A., & Koloskova, T.A. (2015). Parcelliyaciya sochinitel`noj svyazi (na materiale romana V.D. Dudinceva «Bely`e odezhdy`»). *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta im. N.A. Nekrasova*. № 3. S. 161-165.

Babajceva, V.V. (2015a). *Sintaksis russkogo yazy`ka: monografiya*. M.: Flinta, 576 s.

Babajceva, V.V. (2011b). Sintaksicheskij status prisoedinenny`x komponentov. *Russkij yazy`k v shkole*. № 5. S. 71-77.

Babajceva, V.V. (2000v). *Yavleniya perexodnosti v grammatike russkogo yazy`ka: monografiya*. M.: Drofa, 640 s.

Beloshapkova, V.A. (1967). *Slozhnoe predlozhenie v sovremennom russkom yazy`ke (nekotory`e voprosy` teorii)*. M.: Prosveshhenie, 180 s.

Beloshapkova, V.A. (2002). *Sovremenny`j russkij yazy`k*. M.: Azbukovnik, 928 s.

Bogoyavlenskaya, Yu.V. (2014). Parcellyaciya kak sredstvo povыsheniya privlekatel'nosti gazetnogo zagolovka. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya Seriya Filologiya. Zhurnalistika*. T. 14. № 3. S. 35-39.

Bogoyavlenskaya, Yu.V. (2016). Teoriya i metodologiya sopostavitel'nogo kognitivno-semioticheskogo korpusnogo issledovaniya parcellyacii vo francuzskix i russkix pechatny'x SMI: Dis. ... dokt. filol. nauk. Ekaterinburg, 502 s.

Bozhenkova, N.A., & Bozhenkova, R.K. (2020). Parcellyaciya kak lingvokognitivny'j identifikator rossijskogo politicheskogo diskursa // *Gorizonty` sovremennoj rusistiki*: Sb. st. Mezhdunar. nauch. konf., posvyashh. 90-letnemu yubileyu akademika V.G. Kostomarova. M.: GIRYa im. A.S. Pushkina, S. 125-131.

Bolotova S.K. (2016). Strukturno-semanticheskie osobennosti parcellirovanny'x sintaksicheskix konstrukcij v proze D. Gluxovskogo (na materiale sbornika «Rasskazy` o rodine»). *Izvestiya vuzov. Seriya: Gumanitarny'e nauki*. № 7 (4). S. 275-279.

Borisova, E.V. (2003). Parcellyaciya i prisoedinenie kak yavleniya kommunikativnogo sintaksisa. Teoriya i tipologiya grammaticheskix sistem: Mat. Vseros. nauch.-prakt. konf. Izhevsk: Udmurtskij un-t, S. 15-18.

Budnikova, N.N. (2021). Osnovaniya vy`deleniya dezintegracionny'x processov v sintaksise. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*. № 463. S. 5-14.

Valgina, N.S. (2003a). Aktivny'e processy` v sovremennom russkom yazy`ke. M.: Logos, 304 s.

Valgina, N.S. (1978). Sintaksis sovremennogo russkogo yazy`ka. M.: Vysshaya shkola, 439 s.

Valgina, N.S. (2003b). Sovremenny'j russkij yazy`k. Sintaksis. M.: Vysshaya shkola, 416 s.

Valgina, N.S., Rozental`, D.E., & Fomina, M.I. (1962). Sovremenny'j russkij yazy`k. M.: Vysshaya shkola, 479 s.

Vannikov, Yu.V., & Vannikov, Yu.V. (1965). Yavlenie parcellyacii v sovremennom russkom yazy`ke: Avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. M., 39 s.

Vaulina, T.L. (2011). Prisoedinitel'ny'e konstrukcii v yazy`ke sovremennoj gazety`: strukturny'e, semanticheskie i funkcional'ny'e osobennosti: Avtoref. dis ... kand. filol. nauk. Chelyabinsk, 19 s.

Vezerova, M.N., & Siverina E.G. (2004). Parcellyaciya v stixotvorenijax A. Dement`eva. Kategorii v issledovanii, opisanii i prepodavanii yazy`ka: Sb. nauch. tr. 80-letiyu E.S. Skoblikovoj. Samara: Samarskij un-t, S. 182-189.

Vinogradov, V.V. (1941). Pushkin i russkij literaturny'j yazy`k XIX veka. *Pushkin – rodonachal'nik novoj russkoj literatury`*. M.: AN SSSR, S. 567-581.

Gaponova, T.N., & Nazar, R.N. (2015). Vy`delenie tematicheskogo komponenta v predelax aktual'nogo chleneniya slozhnosochinenny'x predlozhenij s parcellirovanny'mi konstrukcijami v informacionno-publicisticheskix tekstax. *Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikaciya*. № 4 (18). S. 28-31.

Glebskaya T.F. Prisoedinitel'ny'e konstrukcii v gazetnom tekste (na materiale «Rossijskoj gazety» za 2012-2014 gg.) // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. 2015. № 6 (159). S. 107-112.

Gorina I.I. Tipologiya slabyx sintaksicheskix svyazej v sovremennom russkom literaturnom yazyke: Dis ... dokt. filol. nauk. Armavir, 2004. 336 s.

Greben' T.N., Karpilovich T.P. Formal'no-strukturny'j i semanticheskij kriterii razgranicheniya prisoedineniya i parcelliyacii // NIRS 2012: Sb. nauchn. rabot studentov Respubliki Belarus'. Minsk: BGU, 2013. S. 500-502.

Gur'eva N.N. Parcelliyaciya kak strategiya avtorskogo diskursa v pechatnyx SMI // Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filologiya. 2014. № 3. S. 216-223.

Dvidar M.M.S. K voprosu ob illokutivnom upotreblenii sochinitel'nogo soza «I» // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. 2015. № 4 (46): v 2-x ch. Ch. I. S. 59-62.

Dobrycheva A.A. Parcelliyaciya oslozhnyayushhix komponentov predlozheniya v proze Sergeya Dovlatova // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Russkaya filologiya. 2013a. № 6. S. 19-23.

Dobrycheva A.A. Sintaksicheskie osobennosti prozy A. Tobolyaka // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Russkaya filologiya. 2013b. № 19. S. 12-14.

Dusmatova Sh.V. Parcellirovanny'e konstrukcii v povesti V. Panovoj «Sputniki» // Vestnik rossijsko-tadzhikskogo (slavyanskogo) universiteta. 2021. № 3-4 (75). S. 271-280.

Efremov A.F. Yazyk N.G. Chernyshevskogo // Ucheny'e zapiski Saratovskogo pedagogicheskogo instituta. 1951. Vy'p. 14. S. 3-18.

Zavarzina G.A., Xiczkova M.V. Parcelliyaciya kak sredstvo aktualizacii smyslov'yx ottencov slozhnosochinennyx konstrukcij v politicheskom diskurse novejshego perioda // Izvestiya Voronezhskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. 2021. № 3 (292). S. 134-138.

Zelepukin R.O. Parcelliyaciya v xudozhestvennoj proze V. Tokarevoj: struktura, semantika, tekstoobrazuyushhie funkcii: Avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. M., 2007. 26 s.

Zoidze E.A. Rol' parcellirovannyx konstrukcij v analiticheskom gazetnom tekste (na materiale russkogo i anglijskogo yazykov) // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Lingvistika. 2012. № 5. S. 67-72.

Zubova S.V., Kazeko T.N. E'kspressivny'e sintaksicheskie konstrukcii v sovremennoj gazetnoj rechi // Vestnik Surgutskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. 2014. № 6 (33). S. 11-17.

Ivanchikova E.A. Parcelliyaciya, ee kommunikativno-e'kspressivny'e i sintaksicheskie funkcii // Russkij yazyk i sovetskoe obshhestvo: Morfologiya i sintaksis sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka. M.: Nauka, 1977. S. 277-301.

Kalmuxambetova O.M. Parcellirovanny'e konstrukcii v proze postmodernizma v svete tendencij sovremennogo sintaksisa russkogo yazyka // Izvestiya Yuzhnogo federal'nogo universiteta. 2018. № 2. S. 145-152.

Kamlevich G.A. Parcelliyaciya kak e`lement xudozhestvennoj prozy` E. Zamyatina // Vesczi BDPU. Ser. 1: Pedagogika. Psixalogiya. Filalogiya: navukova-metady`chny` chasopis. 2013. № 3. S. 56-60.

Karkoshko O.P. Parcelliyaciya: struktura, semantika, funkciya (na materiale russkogo i nemeczkogo yazy`kov): Avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Majkop, 2011. 27 s.

Karpenko M.V. Struktura i znachenie prisoedinitel`ny`x konstrukcij, chasti kotory`x oformleny` kak samostoyatel`ny`e predlozheniya // Ucheny`e zapiski Chernoviczkogo gosudarstvennogo un-ta. Sb. nauchny`x rabot aspirantov. Vy`p. 2. Kafedra russkogo yazy`ka. Chernoviczk, 1957. S. 40-56.

Knyazeva N.V. K voprosu o parcelliyacii slozhnogo predlozheniya (na materiale xudozhestvenny`x tekstov M.V. Semenovoj) // Filologicheskij aspekt. 2020. № 1. S. 102-115.

Kopnina G.A. Parcelliyaciya // E`ffektivnoe rechevoe obshhenie (bazovy`e kompetencii): slovar`-spravochnik. Krasnoyarsk: SFU, 2014. S. 427-428.

Krizhanovskaya E.M. Osobennosti individual`nogo stilya zhurnalista-avtora politicheskogo internet-bloga // Vestnik Permskogo universiteta. Rossijskaya i zarubezhnaya filologiya. 2011. № 4 (16). S. 88-96.

Kryuchkov S.E. O prisoedinitel`ny`x svyazyax v sovremennom russkom yazy`ke // Voprosy` sintaksisa sovremennogo russkogo yazy`ka. M.: Uchpedgiz, 1950. S. 397-411.

Kuroedova M.A. E`kspressivny`j sintaksis kak sredstvo vy`razheniya lichnostnogo nachala publicista // Vestnik Amurskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarny`e nauki. 2010. № 48. S. 155-157.

Lavrik E`.P. Specifika sintaksicheskoy svyazi v predlozheniyax s izolirovanny`mi ad`ektivny`mi fragmentami // Vestnik Stavropol`skogo gosudarstvennogo universiteta. 2009. № 60. S. 10-15.

Lozanovich F.T. Yazy`kovy`e osobennosti gazetnogo ocherka kak zhanra v publicistike (stilistiko-sintaksicheskie funkcii prisoedinitel`ny`x konstrukcij): Avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Rostov-na-Donu, 2000. 20 s.

Magerramov I.A. ogly`. K voprosu o znakax prepiniya v slozhnopodchinyonnom predlozhenii v aspekte sovremennogo upotrebleniya // Shkola budushhego. 2020. № 2. S. 252-260.

Mary`shova M.A. Funkcii i semantika parcellirovanny`x konstrukcij v yazy`ke reklamy` // Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. 2012. T. 10. № 6. S. 25-28.

Mar`ina O.V. Vzaimodejstvie dezintegracionny`x sintaksicheskix processov v russkix xudozhestvenny`x tekstax, sozdanny`x v 1980–2000-e gody` // Vestnik Udmurtskogo universiteta. 2011. № 2. S. 118-123.

Mar`ina O.V. Integracionny`e i dezintegracionny`e processy` v sintaksise russkoj xudozhestvennoj prozy` 1980-x – 2000-x gg.: Avtoref. dis ... dokt. filol. nauk. Barnaul, 2012. 35 s.

Mar`ina O.V. Integracionny`e i dezintegracionny`e processy` v sintaksise xudozhestvenny`x tekstov kak pokazatel` ix sliyanija i raschlenenii // Ucheny`e zapiski Zabajkal`skogo

gosudarstvennogo gumanitarno-pedagogicheskogo universiteta. Seriya: Filologiya, istoriya, vostokovedenie. 2009. № 3. S. 233-235.

Mar`ina O.V. Parcellirovanny`e i prisoedinitel`ny`e konstrukcii (na materiale xudozhestvenny`x tekstov V. Tokarevoj) // Pragmatika teksta: kollektivnaya monografiya. Barnaul: Grafiks, 2019. S. 37-56.

Mar`ina O.V. Parcelliyaciya v rasskazax Sorokina // Novaya nauka: sovremennoe sostoyanie i puti razvitiya. 2016. № 9. S. 111-113.

Mar`ina O.V. Raschlenenny`e parcellirovanny`e konstrukcii i ix funkcii v sovremenny`x xudozhestvenny`x tekstax rubezha XX-XXI vekov // Filologiya i chelovek. 2009. № 3. C. 55-62.

Mar`ina O.V. Tochka mezhdru komponentami parcellirovannoj konstrukcii (na materiale tekstov rasskazov V. Tokarevoj) // Problemy` i perspektivy` razvitiya nauki v Rossii i mire: Sb. st. Mezhdunar. nauch.-prakt. konf.: v 3 ch. Ch. 3. Ufa: Ae`terna, 2016. S. 95-96.

Molody`chenko A.V. Osoby`e formy` prisoedinitel`ny`x konstrukcij kak sposob vy`razheniya avtorskogo «ya» v sovremennom publicisticheskom diskurse // Visnik LNU imeni Tarasa Shevchenka. 2010. № 2 (189). S. 84-92.

Nen`kov V.M. Kommunikativny`e ustanovki avtora teksta, vy`razhaemy`e prisoedinitel`ny`mi konstrukcijami // Perekryostki vzaimodejstvij: dialog russkoj i zarubezhnoj literatury` vo vremeni i prostranstve: Mat. VIII Mezhdunar. nauchny`x chtenij: v 2 ch. Ch. 2. Kaluga: KGU im. K.E`. Ciolkovskogo. 2022. S. 181-186.

Nuralieva K.Z. Specifika funkcionirovaniya parcellirovanny`x sintaksicheskix konstrukcij v xudozhestvennom tekste (na materiale xudozhestvenny`x proizvedenij pervoj poloviny` XX veka) // Izvestiya dagestanskogo gosudarstvennogo universiteta. 2013. № 4. S. 83-87.

Omaeva Z.Ya. Sintaksicheskie konstrukcii e`kspressivnogo tipa kak sredstvo vy`razheniya avtorskix intencij (na materiale xudozhestvenny`x proizvedenij V.V. Nabokova): Avtoref. ... dis. kand. filol. nauk. Maxachkala, 2003. 25 s.

Ostrinskaya N.N. E`kspressivnost` francuzskoj kul`tury` v vy`razitel`ny`x sredstvax yazy`ka // Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. 2006. № 2. S. 35-41.

Pankov F.I. Parcelliyat i segment: k voprosu o netrivial`ny`x sintaksicheskix poziciyax slovoform v russkom yazy`ke // Études de Linguistique et d'Analyse du Discours – Studies in Linguistics and Discourse Analysis. 2020. № 4. URL: <https://clck.ru/36VEWX> (20.07.2023).

Paramonova M.I. O roli konstrukcii s prisoedinenny`m komponentom v novostnom i informacionno-analiticheskom gazetny`x tekstax (na materiale britanskoj pressy` i veb-versij britanskix gazet) // Filologicheskie nauki. Voprosy` teorii i praktiki. 2013. № 11-1 (29). S. 135-143.

Pinegina Ya.N. Parcellirovanny`e konstrukcii i ix kommunikativno-pragmaticheskie funkcii v sovremenny`x media-tekstax: Avtoref. ... dis. kand. filol. nauk. Rostov-na-Donu, 2005. 19 s.

Platonova M.O. O nekotory`x stilisticheskix funkciyax prisoedineniya v yazy`ke L.N. Tolstogo // Yazy`k i stil` L.N. Tolstogo: Mat. XIII Tolstovskix chtenij (Respublikanskij sbornik). Vy`p. I. Tula, 1976. S. 93-101.

Polupan E.B. Yavlenie prisoedineniya v publicistike. 2011. URL: <https://textarchive.ru/c-2593535.html> (22.07.2023).

Priyatkina A.F. K izucheniyu prisoedinitel'noj konstrukcii // Ucheny'e zapiski Dal'nevostochnogo universiteta. 1962. Vy`p. 5. S. 201-214.

Priyatkina A.F. Russkij yazy`k. Sintaksis oslozhnennogo predlozheniya. M.: Vy`sshaya shkola, 1990. 176 s.

Pron` N.A. Prisoedinitel'ny'e konstrukcii v sovremennom russkom literaturnom yazy`ke (na materiale proizvedenij K.A. Fedina) // Voprosy` teorii i istorii russkogo yazy`ka. 1971. Vy`p. 4. S. 144-175.

Rau S.G. Parcellyaciya kak sredstvo rechevogo vozdejstviya v sovremennoj dramaturgii (na primere p'esy` M. Xejficza «Spasti kamer-yunkera Pushkina») // Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. 2020. № 12 (446). S. 118-124.

Rinberg V.L. Konstrukcii svyaznogo teksta v istorii russkogo yazy`ka: Avtoref. dis. ... dokt. filol. nauk. M., 1981. 32 s.

Rodneva E.K. Parcellirovanny'e konstrukcii v russkix perevodax amerikanskix pisatelej XX veka (v sopostavlenii s original'ny`mi tekstami): Avtoref. dis. ... dokt. filol. nauk. SPb., 2005. 23 s.

Russkij yazy`k i kul'tura rechi. Sintaksis: uchebnoe posobie. M.: Aspekt Press, 2018. 256 s.

Saburova V.A. Parcellyaciya v publicisticheskix proizvedeniyax I. Andronikova // Filologicheskij zhurnal. 2012. № 19. S. 25-29.

San`yarova N.S. Prisoedinenie vs parcellyacii // Rusistika bez granicz. 2020. T. 4. № 2. S. 22-33.

San`yarova N.S. Transformaciya vzglyadov professora O.V. Mar`inoj na prisoedinitel'ny'e i parcellirovanny'e konstrukcii // Sovremenny'e nauchny'e issledovaniya: problemy` i perspektivy`. Sb. mat. V Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. Kirov: MCITO, 2021. S. 134-140.

Saurbaev R.Zh. Strukturno-semanticheskij analiz parcellirovanny`x konstrukcij (na materiale anglijskogo i tatarskogo yazy`kov) // Nauchno-texnicheskie vedomosti SPbGPU. Gumanitarny'e i obshhestvenny'e nauki. 2011. № 1. S. 231-235.

Sevryugina E.V. Sposoby` grammaticheskogo i punktuacionnogo vy`razheniya prisoedinitel'noj svyazi // Nauka i shkola. 2014. № 3. S. 160-164.

Selemeneva O.A. Sintaksis nativny`x reklamny`x publikacij v glyancevoj periodike // Nauchny`j dialog. 2020. № 10. S. 159-171.

Serbina T.G., Cheberyak A.N. Parcellyaciya slozhnosochinenny`x predlozhenij (na materiale russkoyazy`chny`x gazet i zhurnalov Ukrainy` // Bulletin of Zaporizhzhia National University. Philological Sciences. 2020. Vol. II. № 1. S. 21-27.

Sibgatova E`.I. Parcellirovanny'e konstrukcii kak sredstvo vy`razheniya e`kspressii v romane V. Aksenova «Ostrov Kry`m» // Vestnik Tatarskogo gosudarstvennogo gumanitarno-pedagogicheskogo universiteta. 2010. № 4 (22). S. 188-191.

Sigal K.Ya. Tekstoobrazuyushhaya funkciya prisoedineniya v pozdnix rasskazax V.G. Lidina // Nauchny`j dialog. 2021. № 4. S. 129-47.

Sidorova E.G. Parcellirovanny`e konstrukcii kak sredstvo realizacii konstruktivno-stilevogo vektora sovremennogo gazetnogo teksta // Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Vy`pusk 6. 2007. S. 40-46.

Sidorova E.G. Prisoedinitel`ny`e konstrukcii v sisteme sovremennogo russkogo yazy`ka // Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2: Yazy`koznanie. 2012. № 2 (16). S. 57-62.

Skovorodnikov A.P. O sootnoshenii ponyatij «parcelliyaciya» i «prisoedinenie» (na materiale russkogo literaturnogo yazy`ka) // Voprosy` yazy`koznaniya. 1978. № 1. S. 118-130.

Skovorodnikov A.P. E`kspressivny`e sintaksicheskie konstrukcii sovremennogo russkogo literaturnogo yazy`ka: opy`t sistemnogo issledovaniya: Avtoref. dis. ... dokt. filol. nauk. L., 1982. 44 s.

Skorobogatova E.A. Yavlenie parcelliyacii v vy`skazy`vaniyax, postroenny`x po modelyam polipredikativny`x slozhny`x predlozhenij // Razvitie teorii polipredikativny`x slozhny`x predlozhenij v rusle tradicij Xar`kovskoj lingvisticheskoy shkoly`: kollektivnaya monografiya. Vy`p. III. Xar`kov: XNPU im. G.S. Skovorody`. 2012. S. 139-145.

Stasenko A. Parcellirovanny`e predlozheniya v sovremennom russkom i pol`skom yazy`kax // Yazy`k i metod. T. 7. Russkij yazy`k v lingvisticheskix issledovaniyax XXI veka. Russkaya punktuaciya v kommunikativnom aspekte. Kraków: Wydawnictwo Uniwersytetu Jagiellońskiego. 2021. S. 171-280.

Stasenko A. Russkie parcellirovanny`e konstrukcii v tekste romana Borisa Akunina «Tureczkij gambit» i ix pol`skie e`kvivalenty` // Acta universitatis Lodziensis. Folia linguistica rossica. 2014. № 10. S. 115-124.

Steksova T.I. Tendenciya k «razorvannosti sintaksisa» na straniczax sovremennoj pressy` // Sibirskij filologicheskij zhurnal. 2003. № 2. S. 81-85.

Strugova G.S. Parcelliyaciya kak vazhnejshij stilisticheskij priem tekstovoj e`kspressivnosti v poe`zii S. Ostrovogo // Intellekual`ny`j potencial obshhestva kak drajver innovacionnogo razvitiya nauki: Sb. st. Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. Ufa: Ae`terna. 2021. S. 83-86.

Stupkina M.O. Parcelliyaciya v sovremennom bolgarskom yazy`ke (na materiale xudozhestvennoj prozy`): Avtoref. ... dis. kand. filol. nauk. Sankt-Peterburg, 2008. 20 s.

Turanova A.Yu. Konstrukcii e`kspressivnogo sintaksisa v ustnoj rechi D. By`kova (na materiale otkry`ty`x urokov po russkoj literature) // Filologicheskie nauki. Voprosy` teorii i praktiki. 2015. № 11-3 (53). C. 185-189.

Tursunov B. Prisoedinenie kak osoby`j tip sintaksicheskoy svyazi: Avtoref. dis. ... dokt. filol. nauk. SPb., 1993. 36 s.

Fedorova N.N. Semantika parcellirovanny`x konstrukcij v rasskaze V. Makanina «Kavkazskij plenny`j» // Evrazijskij soyuz ucheny`x. 2015. № 10 (19). S. 139-140.

Fedosyuk M.Yu. Sxodstva i razlichiya mezhdu slozhnosochinenny`mi predlozheniyami i soyuzny`mi sochetaniyami samostoyatel`ny`x predlozhenij v nauchnoj rechi // Funkcional`ny`e stili. Metodicheskie aspekty`: Sb. st. / Otv. red. M.Ya. Czvilling. M.: Nauka, 1985. S. 133-142.

Fedosyuk M.Yu. Funkcionirovanie v UNR strukturny`x sxem slozhnosochinennogo predlozheniya // *Sovremennaya russkaya ustnaya nauchnaya rech`*. Sintaksicheskie osobennosti. T. II. M., 1994. S. 49-104.

Xaritonova E.V. Tendenciya k distinktnosti: parcelliyaciya perexodnogo tipa i parcelliyaciya s abzacza // *Lingvisticheskij, social`ny`j, istoriko-kul`turny`j, didakticheskij konteksty` funkcionirovaniya russkogo yazy`ka kak gosudarstvennogo yazy`ka Rossijskoj Federacii: Sb. mat. mezhregion. konf. Volgograd: Olimpiya, 2014. S. 79-86.*

Czumarev A.E`. Parcelliyaciya v sovremennoj gazetnoj rechi: Avtoref. ... dis. kand. filol. nauk. M., 2003. 25 s.

Chernobrivec S.G. K voprosu o tipax parcelliyacii v russkom yazy`ke // *Kul`tura narodov Prichernomor`ya. 2002. № 27. S. 65-68.*

Shpareva G.I. Konvergenciya parcelliyacii i inversii v russkom, chuvashskom i anglijskom yazy`kax // *Yazy`k i slovo: Sb. nauch. tr. Cheboksary`. Chuvashskij un-t, 2021. S. 83-85.*

Shuster A.G. Kategoriya sledstviya i sredstva ee realizacii na razny`x yarusax sintaksisa v sovremenном russkom yazy`ke: Dis ... kand. filol. nauk. Armavir, 2005. 190 s.

Shushlebina O.V. Parcelliyaciya kak yavlenie e`kspressivnogo sintaksisa // *Vestnik Ky`rgy`zsko-Rossijskogo slavyanskogo universiteta. 2012. № 5. S. 39-41.*

Shherba L.V. O chastyax rechi v russkom yazy`ke // *Izbranny`e raboty` po russkomu yazy`ku. M.: Uchpedgiz, 1957. S. 63-84.*

Yagodkina K.N. Sredstva e`kspressivnogo sintaksisa v predvy`borny`x programmax partij kak otrazhenie dominiruyushhego rechevogo povedeniya sovremenного politika // *Izuchenie i prepodavanie russkoj slovesnosti v e`poxu yazy`kovoj globalizacii: Mat. dokl. i soobshh. XXIII Mezhdunar. nauchno-metod. konf. SPb., 2018. S. 101-105.*

Yakovleva A.M., Nazarevskaya T.Yu. Strukturno-semanticheskie osobennosti prisoedinitel`ny`x sochinitel`ny`x konstrukcij v sovremenном francuzskom yazy`ke // *Romanskije yazy`ki: pragmatika i diskurs (sposoby` vy`razheniya i sodержaniya): Mat. Mezhdunar. nauch. konf. M., 2022. S. 140-146.*

Yary`gina E.S. Vinogradovskie tradicii v sovremenном filologicheskom obrazovanii: prisoedinitel`ny`e svyazi // *Istoriya i sovremennost` filologicheskix nauk. Sb. nauch. st. po mat. Mezhdunar. nauch. konf. «XVI Vinogradovskie chteniya»: v 2 t. T. I. M.: MGPU, 2021. S. 117-122.*

Czapiga Zofia. Sintaksicheskie sredstva sozdaniya e`motivnogo smy`sla vy`skazy`vaniya v russkom i pol`skom yazy`kax // *Zeszytnauko we uniwersytecie rzeszowskiego, 2017. № 96. S. 32-41.*

© Саньярова Н.С., 2023

УДК 821.161.1

<https://doi.org/10.36906/2500-1795/23-2/05>

Себелева А.В., Булка О.С.

МИФОЛОГИЧЕСКАЯ КАРТИНА МИРА СЛАВЯН В ПОВЕСТИ Н.В. ГОГОЛЯ «ВИЙ»

Аннотация. Последние тридцать лет одним из приоритетных направлений в современном гоголеведении стало изучение художественной антропологии Гоголя в ее мифо-символических характеристиках праславянской и древнеславянской картины мира. В связи с этим авторы статьи поставили перед собой ряд задач: дать характеристику сказочно-мифологической фантастики, проанализировать сказочно-мифологическую фантастику «Миргорода» и повести «Вий», обосновать трансляцию мифологической картины мира славян сквозь призму творчества писателя. Мифология, в представлении исследователей данной работы, предстает как специфический способ, метод воспроизведения действительности. Мифологическая картина мира всегда сопровождала человека, поскольку за ней стоят определенные представления о мире и месте человека в этом мире. Возникнув в дохудожественный период развития литературы, она связана с воображением, которое при моделировании образа или идеи часто использует фантастические допущения. Таким образом, восприятие мира сквозь призму мифа порождало особую мифологическую фантастику, чья образность воплощалась в конкретно-чувственных формах. Миф, как часть устного народного творчества, со временем не изживает себя в полной мере и продолжает влиять на отечественную художественную литературу. Особо явно это проявляется в эпоху романтизма, с ее представлениями о двусферности мира, обращением к темным сторонам души, фантастической образностью. Для романтиков фантастика является специфической формой художественного познания мира и человека. Гоголь, как яркий представитель этой эпохи, однако, запечатлел в своих произведениях не общемировой миф, а славянский. Повесть «Вий» занимает особое место в цикле «Миргород». В ней присутствует фантастика сказочного и религиозно-мифологического плана, что объясняется связями с жанром былички и славянского мифа о темном духе, насылателе ночных кошмаров и темных видений, а также христианскими представлениями о миропорядке.

Ключевые слова: Н.В. Гоголь; Вий; картина мира; славянская мифология; «Миргород»; быличка.

Сведения об авторах: Себелева Анастасия Валериевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры филологии, лингводидактики и перевода Нижевартовского государственного университета; ORCID0000-0002-9545-0105; Булка Ольга Сергеевна, студент 3 курса, Нижевартовский государственный университет.

Контактная информация: 628609, Россия, г. Нижневартовск, ул. Мира, д. 36, ауд. 305; 8-912-935-7841, e-mail: sebelevaa@mail.ru; 628615, Россия, г. Нижневартовск, ул. Интернациональная, д. 47, кв. 203, bulka186o2018@mail.ru

A.V. Sebeleva, O.S. Bulka

THE MYTHOLOGICAL PICTURE OF THE WORLD OF THE SLAVS IN N.V. GOGOL'S NOVELLA «VIY»

Abstract. Over the past thirty years, one of the priorities in modern Gogol studies has been the study of Gogol's artistic anthropology in its mythological and symbolic characteristics of the Proto-Slavic and Old Slavic worldview. In this regard, the authors of the article set themselves a number of tasks: to characterize the fabulous mythological fiction, to analyze the fabulous mythological fiction of «Mirgorod» and the story «Viy», to justify the translation of the mythological picture of the world of the Slavs through the prism of the writer's creativity. Mythology, in the view of the researchers of this work, appears as a specific way, a method of reproducing reality. The mythological picture of the world has always accompanied man, because behind it there are certain ideas about the world and man's place in this world. Having arisen in the pre-artistic period of the development of literature, it is associated with the imagination, which often uses fantastic assumptions when modeling an image or idea. Thus, the perception of the world through the prism of myth gave rise to a special mythological fiction, whose imagery was embodied in concrete sensory forms. The myth, as a part of oral folk art, does not fully outlast itself over time and continues to influence domestic fiction. This is especially evident in the era of Romanticism, with its ideas about the ambiguity of the world, appeal to the dark sides of the soul, fantastic imagery. For romantics, fiction is a specific form of artistic cognition of the world and man. Gogol, as a bright representative of this era, however, captured in his works not a global myth, but a Slavic one. The story «Viy» occupies a special place in the cycle «Mirgorod». It contains fantasy of a fairy-tale and religious-mythological plan, which is explained by the connections with the genre of the epic and the Slavic myth about the dark spirit, the sender of nightmares and dark visions, as well as Christian ideas about the world-bearer.

Keywords: N.V. Gogol; Viy; picture of the world; Slavic mythology; «Mirgorod»; bylichka.

About the authors: Anastasia V. Sebeleva, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of the Department of Philology, Linguodidactics and Translation of Nizhnevartovsk State University; ORCID0000-0002-9545-0105 ; Bulka Olga Sergeevna, 3rd year student, Nizhnevartovsk State University

Contact information: 3b Mira str., room 305, Nizhnevartovsk, 628609, Russia; 8-912-935-7841, e-mail: sebelevaa@mail.ru; 628615, Russia, Nizhnevartovsk, Internatsionalnaya str., d 47, sq. 203, bulka186o2018@mail.ru

Себелева А.В., Булка О.С. Мифологическая картина мира славян в повести Н.В. Гоголя «Вий»//
Нижневартковский филологический вестник. 2023. №2. С. 71-81.
<https://doi.org/10.36906/2500-1795/23-2/05>

Sebeleva, A.V. & Bulka, O.S. (2023). The Mythological Picture of the World of the Slavs in N.V. Gogol's Novella «Viy». *Nizhnevartovsk Philological Bulletin*, (2), 71-81. (in Russian).
<https://doi.org/10.36906/2500-1795/23-2/05>

Изучение картины мира, запечатленной в произведениях литературы, является одним из наиболее актуальных направлений в филологии. По мнению ряда ученых, первое обобщенное представление о мире возникло у человека в условно-метафорической форме, поскольку художественная картина мира входит в картину мира как главный связующий элемент всех ее частей: без нее было бы невозможно составление панорамно-образного представления о мире, так как это представление всегда имеет характер наглядности, а наглядность и схожесть присутствуют только в художественном образе. Художественная картина мира отражает общество и природу в конкретно-чувственных образах, которые представляют собой своеобразный синтез субъективного восприятия и объективного постижения действительности (Полубояров 2016: 6).

В середине 40-х годов XIX в. в русской литературе произошли серьезные изменения, связанные с формированием «натуральной школы» – первой в России подлинно национальной художественной школы, основоположником которой считают Н.В. Гоголя. Это явление вызвало большую дискуссию в научном мире. Искусство призвано в соответствующих самобытных художественных формах отражать жизнь своего народа и его идеалы. Исходя из этого тезиса славянофилы, да и революционные демократы считали, что русская литература еще не стала подлинно народной. «Если окончить Гоголем ход нашего литературного развития, – писал Н.А. Добролюбов в 1858 году, – то и окажется, что до сих пор наша литература почти никогда не выполняла своего назначения: служить выражением народной жизни, народных стремлений» (Добролюбов 1962: 263). Но чтобы литература все же могла выполнить свое предназначение, необходимо знать, в чем же заключается суть народной жизни, народных стремлений и идеалов. В этих условиях остро встает, и проблема источников вдохновения, вообще истоков русской народности, русского национального характера, самобытного воззрения на жизнь, природу, окружающий мир. Очевидно, ответить на эти вопросы и проблемы могла только научная мысль. Так создаются объективные предпосылки для возникновения в русском литературоведении «мифологической» школы, которая и ставит своей целью исследование, изучение истоков национальной самобытности русского народа на материале национальной русской литературы и искусства.

Мифологическая школа в своих изысканиях опиралась на учение о мифе и мифологии как первооснове умственной, а затем и художественной, поэтической деятельности человека.

Исходя из первых учений, мифология есть форма мышления, средство познания и объяснения человеком явлений окружающей действительности, «как праисточника современной литературы» (Рымарева, Себелева 2021: 5). В отличие от логической формы, мифическое познание было формой бессознательного, естественного отражения мира человеком. Результаты такого познания закреплялись в виде слов-образов, что становились первым актом мифотворчества.

«Прежде чем говорить о различных народных верованиях и традициях, где наблюдается смешение православия и язычества, стоит рассмотреть историю появления этих явлений и процессов. Важно отметить тот факт, что о вере древних славян до крещения Руси говорить сложно не только из-за малой изученности данной темы, но и из-за немногочисленности каких-либо серьезных и непредвзятых источников. Многие дошедшие до нас сведения о богах и культах славян описаны у христианских авторов, которые ставили своей задачей не комплексный анализ этих явлений, а дискредитацию всего языческого и неортодоксального» (Самойловский 2022: 6).

Русская мифологическая картина мира претерпевает свою эволюцию вследствие принятия христианства, когда происходит наложение библейского мифа на языческий. Особенно ярко это отразилось в устном народном творчестве (сказки, загадки, заклички, пословицы и поговорки, а также обрядовые песни) и древнерусской литературе. Известно, что именно в древнерусской литературе зародились тенденции русской литературы как таковой, а развитые формы фольклора придали ей окраску самобытности. Наши древние предки язычники соблюдали множество сложных обрядов, в которых проявлялись их представления об окружающем мире. Они одушевляли природу, воду, огонь, поклонялись им, воздавали жертвы. Так было до принятия христианства. С 988 г. языческая вера под ударами новой религии стала уступать место библейской картине мира и системе христианских ценностей, язычество стало подвергаться гонениям.

Мироустройство древних славян было трехсферно: правь – верхний мир и место обитания богов, явь – земной, срединный мир людей, навь – загробный мир. В каждом из этих миров были свои правила и порядки, а человек не мог пересекать эти грани. Кроме божеств высшего порядка, которые отвечали за такие важные категории жизни как цикличность времен года, течение времени, жизнь и смерть, покровительствовали животноводству, земледелию, охраняли дом и род, в славянской мифологии были и стихийные духи леса, гор, воды, той части природы, с которой связана жизнь восточных славян. Вообще в славянском фольклоре, как и в устном наследии других народов, наряду с героями гармонического склада выступают образы беспорядочного действия и «характеризуются наибольшей абстрагированностью функций» (Себелева 2020: 188).

Таким образом дисгармоничного склада является Вий. В славянской мифологии Вием назывался темный дух, насылающий ночные кошмары и темные видения. Считалось, что служил он повелителю нижнего мира и судил умерших за их поступки. Он являл собой силу природы, но в то же время силу темноты и зла. Он олицетворяет собой мистические аспекты

славянских верований и культуры. Это существо антропоморфно, имеет необычные и мрачные черты. Этот зловещий дух был огромного роста с густыми бровями, глазами как у лягушки и непомерно длинными ресницами и веками, падающими к самой земле. Чтобы поднять веки, требовались слуги-силачи. Считалось, что ничто живое не могло укрыться от его смертоносного взгляда, и встреча с Виём была смертельна для человека.

Описание, данное народом этому божеству, очень четко передал Н.В. Гоголь в своей повести «Вий» из цикла «Миргород». Творчество выше обозначенного писателя всегда было объектом пристального внимания критиков и литературоведов. Появление очередного произведения писателя каждый раз вызывало ожесточенную полемику, обусловленную не только стремлением дать ему оценку – восторженную или негодующую, но и желанием разобраться в причудливом и странном художественном мире Гоголя.

Одним из приоритетных направлений в современном литературоведении (Рымарева, Себелева 2017) и гоголеведении стало изучение художественной антропологии писателя в ее мифо-символических характеристиках праславянской и древнеславянской картины мира. Эти аспекты изучения творчества Гоголя нашли свое отражение в трудах С.Г. Бочарова, М. Вайскопфа, А.Х. Гольденберга, С.А. Гончарова, А.И. Иваницкого, В.Ш. Кривоноса.

Интерес к малороссийскому фольклору проснулся у писателя уже в детстве. Еще учась в нежинской гимназии, будущий писатель завел себе рукописный журнал под названием «Книга всякой всячины, или подручная энциклопедия» куда он записывал различный фольклорный материал, рубриковал его и даже подвергал в силу своих возможностей этнографическому и лексическому анализу.

Известно, что первый опыт публикации своего произведения (речь идет о поэме «Ганс Кюхельгартен») для Гоголя оказался провальным. Путь к успеху и признанию писателя был прочно связанным именно с малороссийским фольклором, записи которого он продолжал получать в Петербурге от своих близких и, прежде всего, от матери. Эта увлеченность нашла свое глубокое проявление в его сборниках «Вечера на хуторе близ Диканьки» (1829–1832) и «Миргород» (1835).

Если говорить о жанровых разновидностях гоголевских циклов, сближающих их с фольклором, то они наблюдаются здесь по двум линиям. Первая линия связана с песенным фольклором лирического и эпического характера, вторая – с эпическим прозаическим фольклором, к которому относятся паремии, сказки, «предания», объединяющие у Гоголя «были» (по современной классификации былички) и легенды.

Особый интерес здесь представляют былички (были, бывальщины) – рассказы о встрече людей с потусторонними силами. «Быличка повествует о неожиданном контакте героя и антагониста: о вторжении антагониста в реальный мир или о перенесении героя в “антимир”» (Ефимова).

В.Я. Пропп обратил внимание на смежный характер жанра былички с жанром волшебной сказки, что выражается в «межжанровом пограничье»: «Здесь могут быть переходные, смежные и неясные случаи, – пишет исследователь. – <...> Вера в

изображаемые в этих рассказах существа может утратиться, а рассказ остаться, но остаться уже как чистый вымысел. <...> Быль может превратиться и в анекдот, может превратиться и в сказку». И он же отметил, что у былички «и происхождение, и способ исполнения, и поэтика совершенно иные, настолько иные, что быличка должна быть выделена из области сказки» (Пропп 2004: 37).

Так, быличка отличается от сказки персонажами. Ее герои – водяные, русалки, ведьмы, лешии, «переплуты», бесы (черти) и прочая «нечисть», относящаяся к персонажам «нижнего» демонологического уровня. Сюда же относятся и мертвецы, связанные с образностью хтонического, то есть подземного мира. Второй характерный признак, отличающий быличку от сказки – конкретный хронотоп, то есть «конкретное» пространство и время, которое может носить признаки «фабулата», когда в быличке идет отсыл в «незапамятные времена», или «мемората», когда события былички излагаются со слов того, кто был либо непосредственным участником этих событий, либо о них услышал от их участников. Таким способом событиям былички придается статус «истины», то есть события в быличке обязательно трактуются как действительно случившиеся. В качестве третьего признака можно выделить характер финала. Если в волшебной сказке финал обязательно счастливый, то в быличке финал, по преимуществу, трагический. Встреча с потусторонней силой для человека обычно чревато утратой или даже гибелью. Хотя иногда встречаются былички, когда герой благодаря своему «правильному поведению» нечистой силой одаряется. Но такие финалы для этого жанра достаточно редки. Четвертым признаком былички, отличающим ее от сказки, является характер ее фантастики.

В быличке воплощена по-преимуществу религиозная фантастика, но это фантастика не столько христианской, сколько языческой природы. Поэтому можно говорить о мифологических коннотациях этой фантастики, представленных на момент создания былички в основном в суевериях (поверьях). Именно суеверие выступает «организующей частью былички», определяя характер ее фантастики. В силу таких характеристик некоторые исследователи говорят о том, что быличка по своим структурно-содержательным признакам ближе к мифу, чем к сказке, что в, прочем, совсем не исключает, как отмечалось выше, усвоение быличками сказочных элементов (См.: Рейли 1999). Но тут же стоит оговориться, что как «сказка вовлекает в свой мир только то, что укладывается в ее конструкцию» (Пропп 1976: 165), так и быличка усваивает «из сказки только то, что не разрушает ее жанровую природу или что может быть в ней в соответствии с этой природой преобразовано» (Корепова 2011: 293).

Таким образом, природа фантастики у Гоголя в повести «Вий» фольклорного происхождения и обнаруживает связь со сказкой и мифом. Но произведения Гоголя по своей природе литературны, в отличие от фольклорных народных текстов, они авторского происхождения. В жанровом отношении это сложные образования, в которых нет четкой границы между сказкой, быличкой, календарным и собственно песенным фольклором. Нет в повести Гоголя и сказочного хронотопа, так как место, где происходят события повести,

претендует на «реальность». Такой хутор присутствовал на географической карте Малороссии и, одновременно, это некий «идеальный» мир, сотворенный творческой фантазией автора и весь пронизанный фольклорной мотивностью.

В быличке реальный мир всегда соприкасается с миром «инаковым» – инфернальным, демоническим. И граница между этими двумя мирами проницаема. Многие исследователи отмечают, что Гоголь в своем творчестве как никакой другой писатель связан с древними архаическими структурами мифа. Так, на этом вопросе подробно останавливался Ю.М. Лотман, отметивший, что «Гоголь – писатель, синтезировавший самые различные стихии национальной жизни. Острая современность его произведений сочеталась со способностью проникать в глубинные пласты архаического сознания народа <...> ...произведения Гоголя могут служить основой для реконструкции мифологических верований славян, восходящих к глубочайшей древности» (Лотман 2002).

В первую очередь, следует отметить, что мир «Вия» связан с «рубежным», «пороговым» пространством и временем. Ю.М. Лотман отметил, что «всякая культура начинается с разбиения мира на внутреннее (“свое”) и внешнее (“их”))» (Лотман 2002). Эта граница (что особенно характерно для мифологического сознания), в частности, проходит между миром живых и миром мертвых. «Свое» пространство мыслится, как «гармонически организованное», «культурное» пространство, противоположное «чужому», «враждебному», «опасному» и «хаотическому» «их-пространству». Такая же граница проходит и через время, разделяя его на «безопасное» и «опасное». По Лотману, граница соединяет и одновременно разделяет две «пограничные культуры», поэтому в потенциале она всегда проницаема.

Сюжет повести «Вий» связан с мотивом проницаемости границы между «этим» и «иным» мирами.

События былички, рассказывающей о встречах людей с существами «иноного» мира, как пишет Э.В. Померанцева, обычно «происходят в темноте: в сумерках, вечером, ночью, в туман, призрачную “месячную” ночь» (Померанцева 175: 23). Обращает на себя внимание, что главные события повести «Вий», связанные жанром былички, происходят в «переходное» и «страшное» ночное время. Так, местом временного перехода является ночь, а пространственного – «нечистое» пространство.

Фантастичны в «Вие» образы нечистой силы, воссозданные Гоголем в соответствии с демонологией славянской мифологии. Часто это зооморфные, монструозные персонажи, в которых человеческий облик странно или страшно сращен со звериным: «Не имел духу разглядеть он их; видел только, как во всю стену стояло какое-то огромное чудовище в своих перепутанных волосах, как в лесу; сквозь сеть волос глядели страшно два глаза, подняв немного вверх брови. Над ним держалось в воздухе что-то в виде огромного пузыря, с тысячами протянутых из середины клещей и скорпионных жал. Черная земля висела на них клоками» (Гоголь). Глаза демонических персонажей сверкают адским пламенем, их взгляд завораживающе действует на человека, подчиняя себе, делая его послушным орудием в руках нечистой силы.

В примечании к своей повести «Вий» Гоголь писал, что он только пересказывает народное предание практически без изменений – «почти в такой же простоте, как слышал» (Гоголь). В основу повести, несомненно, положено народное сказание, которое было переосмыслено и обработано автором. Главным действующим лицом повести является философ-студент Хома Брут. Хозяйка хутора – старуха, которая оказалась ведьмой, разместила бурсаков на ночлег, но выбрала из всех жизнерадостного и веселого Хому, чтобы отправиться на нем в полет. Всю ночь ведьма летала на героя, но ему удалось отбиться от старухи, заколов ее до смерти поленом. Однако ведьма не может простить философу своей смерти, она хочет мстить до победного конца за собственную гибель и перед смертью просит отца, чтобы молитвы над ней прочитал философ. Хома делал то, что ему велели, на протяжении трех ночей, и все это время ведьма пыталась поймать его, однако Хому спас магический круг, который он начертил для защиты от ведьмы.

Таким образом, в данной повести можно выделить христианский и языческий повествовательные пласты. Так, мы можем увидеть образ церкви. Именно в ней встречаются все основные персонажи и наступает сюжетная развязка. Раскрываются такие важные верования, как помощь Божья в последний момент, когда человека уже оставили последние силы сопротивляться искушению, и о страхе как воротах, через которые входят бесы. В «Вие» Гоголь гениально демонстрирует психологическую реальность, которая стоит за языческой мистикой бесов в фольклорных образах леших, русалок, домовых и прочих им подобных созданий. Так, основным мотивом этой повести является людская боязнь мистики, неизвестности и смерти. Но иногда соблазн все же пересиливает эти страхи. Так случилось и с Хомой. Он до жути боялся читать ночью в церкви над панночкой молитвы и предчувствовал что-то недоброе, но не смог отказать влиятельному человеку, который к тому же обещал крупную сумму денег. Автор преподносит выпускников духовной семинарии как грешников, ведь они ругаются, дерутся, выпивают, в общем, нарушают религиозные заповеди. Из описания автора понятно, что их души погибли, за это они и получают в итоге наказание. По сути этот факт не расходится с мифологическими представлениями о предназначении Вия. Ему была поручена важная миссия – спускаться в подземное царство и очищать в нем души умерших. Даже взгляд Вия был подобен очищающему пламени. Однако в самой повести Вий описывается как приземистый, косолапый; с жилистыми, как крепкие корни руками и ногами; весь в черной земле; с железными пальцами и лицом; длинными веками, опущенными до земли. Если в мифологической легенде Вий способен убивать взглядом и наводить сглаз, то у Гоголя у него другие способности – он не убивает, а скорее снимает действие всех оберегов от нечистой силы при взгляде на него.

Чтение Гоголя неизменно сопровождается двумя странно сочетающимися ощущениями: чувствуется, что образы и сюжеты его диковинные и совершенно нереальные, и в то же время – удивительно живые и убедительные. Гоголь не описывал «реальный» мир, он смог создать иной, собственный мир, сделать его еще более реальным. Писатель верил,

что рукой его при этом водили таинственные нечеловеческие силы. Его персонажи – из тех, что оживают после их создания, разбегаются и перестают слушать своего создателя, точно заживший своей жизнью Нос майора Ковалева или портрет страшного ростовщика (Куликов 2020: 7). Творимый им мир перестает казаться просто художественным произведением, литературным вымыслом, он ближе иной, еще более древней, области человеческого духа – мифологии. Именно мифу, не создаваемому ничьими сознательными усилиями, индивидуальными или коллективными, и потому не заключающему в себе никаких иносказаний и внешних отсылок, но властвующему над сознанием людей, присущи и гоголевское неправдоподобие, и гоголевская живость. Трансформация мифа в повести создает единое пространство человеческого миропорядка, где осуществляется взаимосвязь настоящего с прошлым, реальной жизни со всеобщей, вечной.

Таким образом, подводя итог выше сказанному, следует отметить, что сказочно-мифологическая фантастика является специфической формой художественного познания мира и человека. Будучи по своей природе «синтетической», она органически усваивает черты мифологической, сказочной и религиозной картины мира, а также формирует новую образность. Ведущим приемом такого освоения мира оказывается романтический гротеск, в отличие от карнавального гротеска тяготеющий не только к комическому, но также к «страшному» и «трагическому». Повесть «Вий», входящая в цикл «Миргород», отличается от других повестей сборника иной картиной мира. В ней присутствует фантастика сказочного и религиозно-мифологического плана. В то же время здесь нет аллегории и иносказания, под демоническими существами не подразумеваются человеческие или общественные пороки. Существование фантастического мира дается в традиции романтического двоемирия – как реально, параллельно существующего рядом с каждым человеком. Это, в свою очередь, транслирует и мифологическую картину мира древних славян, когда стерты грани реального и запредельного миров. Ведь в сознании наших предков всё окружающее очеловечено и мыслится как единое целое, в каждой частичке природы, в предметах и окружении скрыта животворящая сила, с которой человек вступает в определенные отношения и совершает определенные ритуалы. Национальные реалии, проявляющиеся как в предметах материального, так и духовного миров повести, в условиях взаимодействия эпох, раскрывают своеобразие культурных ценностей, обычаев и традиций.

ЛИТЕРАТУРА

Гоголь Н.В. Миргород. URL: <https://clck.ru/36VCkL>

Добролюбов Н.А. Собр. соч.: в 9 т. / Под общ. ред. Б.И. Бурсова и др. Т.2. М.-Л., Гослитиздат. Ленинградское отделение, 1962.

Ефимова Е.С. Основные мотивы русских быличек (Опыт классификации) // Фольклор и постфольклор: структура, типология семиотика. URL: <https://clck.ru/36VCnt>

Корепова К.Е. Быличка и сказка (в межжанровом пограничье) // Рябининские чтения – 2011. Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 2011. С. 291-293.

Куликов А.К. Мифологические мотивы в творчестве Н.В. Гоголя. Философский анализ. СПб.: Алетея, 2020.

Лотман Ю.М. Гоголь и соотнесение смеховой культуры со смешным и серьезным в русской национальной традиции // История и типология русской культуры. Искусство-СПб, 2002. URL: <https://clck.ru/36VCiS>

Полубояров Д.И. Художественная картина мира // Культура. Духовность. Общество: сборник материалов XXII Международной научно-практической конференции (28 января, 2016 г.). Новосибирск: ООО Издательство «СИБПРИНТ», 2016. С. 6-11.

Померанцева Э.В. Мифологические персонажи в русском фольклоре. М.: Наука, 1975.

Пропп В.Я. Русская сказка. М.: Лабиринт, 2004.

Пропп В.Я. Фольклор и действительность: избранные статьи. М.: Наука, 1976.

Рейли М.В. Жанр былички: Комплекс запретов. Автореф. дис... канд. филол. наук. СПб. 1999.

Рымарева Е.Н., Себелева А.В. Медведь как тотемное животное в мифологии обских угров и в русской ментальности // Культура, наука образование: проблемы и перспективы: материалы VI международной научно-практической конференции (г. Нижневартовск, 13-15 февраля 2017). Нижневартовск: Изд-во Нижневарт. гос. ун-та, 2017. Ч. I. Общественные и гуманитарные науки. С. 392-396.

Рымарева Е.Н., Себелева А.В. Трансформация архетипов и мифологем в творчестве обских угров: Монография. Нижневартовск: Изд-во Нижневарт. ун-та, 2021.

Самойловский Л.А. Языческо-христианский синкретизм на Руси // Наука. Общество. Оборона. 2022. Т.10. С. 6-6. URL: <https://clck.ru/36VCgr>

Себелева А.В. Архетип лесной колдуньи и лесного духа в славянской мифологии и хантыйских сказках // Коренные малочисленные народы Севера, Сибири и Дальнего Востока: традиции и инновации: материалы Всероссийской научно-практической конференции XVIII Югорские чтения. Обско-угорский институт прикладных исследований и разработок. Ханты-Мансийск: ООО «Печатный мир», 2020. С. 186-198.

REFERENCES

Gogol', N.V. Mirgorod. URL: <https://clck.ru/36VCkL>

Dobrolyubov, N.A. (1962). *Sobr.soch.*: v 9 t. / Pod obshh. red. B.I. Bursova i dr. T.2. M.-L., Goslitizdat. Leningradskoe otделение.

Efimova, E.S. *Osnovny'e motivy` russkix by`lichek (Opy`t klassifikacii). Fol`klor i postfol`klor: struktura, tipologiya semiotika.* URL: <https://clck.ru/36VCnt>

Korepova, K.E. (2011). *By`lichka i skazka (v mezhzhanrovom pogranič'e). Ryabininskie chteniya – 2011.* Petrozavodsk: Karel'skij nauchny`j centr RAN, S. 291-293.

Kulikov, A.K. (2020). *Mifologicheskie motivy` v tvorchestve N.V. Gogolya. Filosofskij analiz.* SPb.: Aleteja.

Lotman, Yu.M. (2002). Gogol' i sootnesenie smexovoj kul'tury` so smeshny`m i ser`ezny`m v russkoj nacional`noj tradicii // Istorija i tipologija russkoj kul'tury`. Iskusstvo-SPB. URL: <https://clck.ru/36VCiS>

Poluboyarov, D.I. (2016). Xudozhestvennaya kartina mira. Kul'tura. Duxovnost`. Obshhestvo: sbornik materialov XXII Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii (28 yanvarya, 2016 g.). Novosibirsk: OOO Izdatel'stvo «SIBPRINT», S. 6-11.

Pomeranceva, E.V. (1975). Mifologicheskie personazhi v russkom fol'klоре. M.: Nauka.

Propp, V.Ya. (2004). Russkaya skazka. M.: Labirint.

Propp, V.Ya. (1976). Fol'klор i dejstvitel'nost`: izbranny`e stat`i. M.: Nauka.

Rejli, M.V. (1999). Zhanr by`lichki: Kompleks zapretov. Avtoref. dis... kand. filol. nauk. SPb.

Ry`mareva, E.N., & Sebeleva, A.V. (2017). Medved` kak totemnoe zhivotnoe v mifologii obskix ugrov i v russkoj mental`nosti // Kul'tura, nauka obrazovanie: problemy` i perspektivy`: materialy` VI mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii (g. Nizhnevartovsk, 13-15 fevralya 2017). Nizhnevartovsk: Izd-vo Nizhnevart. gos. un-ta, Ch. I. Obshhestvenny`e i gumanitarny`e nauki. S. 392-396.

Ry`mareva, E.N., & Sebeleva, A.V. (2021). Transformaciya arxetipov i mifologem v tvorchestve obskix ugrov: Monografiya. Nizhnevartovsk: Izd-vo Nizhnevart. un-ta.

Samojlovskij, L.A. (2022). Yazy`chesko-xristianskij sinkretizm na Rusi. *Nauka. Obshhestvo. Oborona*. T.10. S. 6-6. URL: <https://clck.ru/36VCgr>

Sebeleva, A.V. (2020). Arxetip lesnoj koldun`i i lesnogo duxa v slavyanskoj mifologii i xanty`jskix skazkax. Korenny`e malochislennyy`e narody` Severa, Sibiri i Dal`nego Vostoka: tradicii i innovacii: materialy` Vserossijskoj nauchno-prakticheskoj konferencii XVIII Yugorskie chteniya. Obsko-ugorskij institut prikladny`x issledovanij i razrabotok. Xanty`-Mansijsk: OOO «Pечатny`j mir», S. 186-198.

© Себелева А.В., Булка О.С., 2023

УДК 372.882

<https://doi.org/10.36906/2500-1795/23-2/06>

Фанова В.Г.

**ПРОГРАММА «СТРАНА АЙПИНА»
(УРОКИ ВНЕКЛАССНОГО ЧТЕНИЯ, 5–7 КЛАСС)**

Аннотация. В своей работе учитель словесности всегда должен делать особый акцент не только на усвоение детьми и подростками определенного багажа знаний, но и на развитие у ребёнка познавательных и творческих способностей личности, формирование чувства патриотизма. Когда учитель знакомит ребёнка с чудесным миром литературы Малой Родины, он способен научить принимать решения и совершать нравственные поступки, т.е. освоить ключевые компетентности, которые требует современное качество образования. Во все времена важной составляющей в обучении и воспитания является формирование патриотического чувства и уважения к национальной культуре. В этой плоскости и составлена Программа «Страна Айпина» (уроки внеклассного чтения, 5–7 класс), в основе которой использована такая форма работы как литературное краеведение. Программа «Страна Айпина» (уроки внеклассного чтения, 5–7 класс), направленная на поддержку и пропаганду чтения, поможет детям погрузиться в литературный мир ХМАО-Югры, воспринять книгу, которую написал местный автор, как источник духовных идеалов, формирующих нравственное мировоззрение подрастающего поколения Югры. Учебная программа внеклассного чтения составлена для проведения педагогами ХМАО-Югры уроков внеклассного чтения в 5–7 классах общеобразовательной школы. Цель этих уроков – развить вкус к серьёзному чтению, создание условий для формирования самостоятельной читательской деятельности школьников 5–7 классов, приобщение учащихся к современной Югорской литературе, формирование общей культуры и эрудиции способствующей развитию словесно логического мышления, познавательной активности, памяти и речи. Данная программа выстраивается на уровне межпредметных связей. Рекомендуется преподавателям литературы, предметов гуманитарного цикла общеобразовательных школ.

Ключевые слова: Е.Д. Айпин; Малая Родина; этнокультура; внеклассное чтение; патриотизм; читательская деятельность.

Сведения об авторе: Фанова Валентина Геннадьевна, председатель Октябрьского районного отделения Общественной организации «Спасение Югры», член Координационного совета ОО «Спасение Югры», председатель Октябрьского районного литературно-творческого объединения «Серебряная Обь».

Контактная информация: 628128 ХМАО-Югра, Октябрьский район, с.п. Уньюган, ул. Сибирская, д. 10, телефон: 89227807851; e-mail: fanovavg_67@mail.ru

V.G. Fanova

**PROGRAM “COUNTRY OF AIPIN”
(OUT-OF-CLASS READING LESSONS, GRADES 5–7)**

Abstract. In his work, a literature teacher should always place special emphasis not only on the acquisition by children and adolescents of a certain amount of knowledge, but also on the development of the child’s cognitive and creative abilities as an individual, and the formation of a sense of patriotism. When a teacher introduces a child to the wonderful world of literature from the Little Motherland, he is able to teach him to make decisions and perform moral actions, i.e. master the key competencies that modern quality education requires. At all times, an important component in training and education is the formation of a patriotic feeling and respect for national culture. It is in this context that the “Country of Aipin” Program was compiled (extra-curricular reading lessons, grades 5–7), which is based on such a form of work as literary local history. The “Country of Aipin” program (extra-curricular reading lessons, grades 5–7), aimed at supporting and promoting reading, will help children immerse themselves in the literary world of Khanty-Mansi Autonomous Okrug-Yugra, perceive a book written by a local author as a source of spiritual ideals that shape the moral worldview of a growing child generation of Ugra. The curriculum for extracurricular reading was compiled for teachers of the Khanty-Mansi Autonomous Okrug-Yugra to conduct extracurricular reading lessons in grades 5–7 of a secondary school. The purpose of these lessons is to develop a taste for serious reading, create conditions for the formation of independent reading activity of schoolchildren in grades 5–7, introduce students to modern Ugra literature, form a general culture and erudition that contributes to the development of verbal logical thinking, cognitive activity, memory and speech. This program is built at the level of interdisciplinary connections. Recommended for teachers of literature and humanities subjects in secondary schools.

Keywords: E.D. Aipin; Small Motherland; ethnoculture; extracurricular reading; patriotism; reading activity.

About the author: Valentina Gennadievna Fanova, chairman of the Oktyabrsky district branch of the public organization “Saving Ugra”, member of the Coordination Council of the public organization “Saving Ugra”, chairman of the Oktyabrsky district literary and creative association “Silver Ob”.

Contact information: 628128 Khanty-Mansi Autonomous Okrug-Yugra, Oktyabrsky district, village Unyugan, st. Sibirskaya, 10, phone: 89227807851; e-mail: fanovavg_67@mail.ru

Фанова В.Г. Программа «Страна Айпина» (уроки внеклассного чтения, 5–7 класс) // Нижневартовский филологический вестник. 2023. №2. С. 82-88.
<https://doi.org/10.36906/2500-1795/23-2/06>

Fanova, V.G. (2023). Program "Country of Aipin" (Out-of-Class Reading Lessons, Grades 5–7). *Nizhnevartovsk Philological Bulletin*, (2), 82–88. (in Russian). <https://doi.org/10.36906/2500-1795/23-2/06>

Литературное краеведение – это особая область знаний о литературе Малой Родины, исследовании её истории, на основе фольклорных корней титульных народов Югры. Важность преподавания краеведческой литературы состоит в том, что в своей работе по внеклассному чтению мы выделяем те сведения, которые имеют отношение к творчеству и биографии поэтов и писателей нашего края, людей с особым взглядом на историю Малой Родины. Работая на занятиях внеклассного чтения с произведениями писателей и поэтов из числа коренных малочисленных народов Севера, мы в творчестве писателей своей Малой Родины наблюдаем жизнь югорчан, их взгляд на мир, учимся беречь природу, видеть в нашем техногенном мире красоту души человека. Работа с региональным литературным материалом ХМАО-Югры в рамках программы по внеклассному чтению не только расширяет кругозор ребёнка, но и помогает полюбить свою Малую Родину, погрузиться в её этнокультуру, прикоснуться к духовному наследию народов ханты и манси.

Творчество Е.Д. Айпина имеет особое значение для культуры ХМАО-Югры. По словам А.Е. Бельковой, «в своем творчестве Еремей Данилович трансформирует национальную традицию... это новый уровень развития хантыйской прозы на современном этапе функционирования финно-угорской литературы» (Белькова 2021: 500–501).

На каждом занятии по программе внеклассного чтения «Страна Айпина» дети работают самостоятельно, творчески. Например, тему занятия по программе «Страна Айпина» можно узнать, только решив ребус или выполнив творческое задание на знание текста произведения, с которым мы будем знакомиться. В процессе нашего взаимодействия, творческого поиска создаётся особый микроклимат в отношении с детьми: это пространство сотворчества, сотрудничества, сопричастности к литературе Малой Родины.

Формируя и развивая в ребенке читателя, мы решаем важные задачи:

- развиваем интерес к чтению, повышая общекультурный уровень;
- используем новые формы и методы для формирования читательского интереса.

Задачи развития внеклассного чтения состоят в следующем:

- заложить основы читательской культуры, знакомясь с произведениями своих современников;
- вызвать интерес к чтению произведений, авторы которых жили или живут на территории Ханты-Мансийского автономного округа – Югры;
- развивать положительное эмоциональное восприятие художественных произведений Югры;
- расширить круг самостоятельного чтения;
- совершенствовать навыки чтения.

Изучение произведений Е.Д. Айпина преследует следующие цели:

- воспитание патриотически настроенной личности, готовой к осмыслению своих поступков, к познанию своего «я», совершенствованию своего ума, выражению своего отношения к экологии и состоянию природы и социума, осознание своего народа в мировом сообществе, формирование осознанной жизненной позиции;
- формирование осознания этнокультурной взаимосвязи событий и явлений в литературном процессе ХМАО-Югры; способности образно, творчески мыслить и анализировать прочитанное;
- восприятия особенностей текстов художественных и публицистических произведений Е.Д. Айпина как яркого представителя этнокультуры ХМАО-Югры;
- привитие навыков работы с авторским текстом, самостоятельного поиска информации;
- расширение литературоведческого кругозора детей и подростков при проведении параллелей между произведениями Е.Д. Айпина и произведениями авторов русской литературы;
- развитие умения и навыков владения особой стилистически окрашенной речью писателя, говорящего на хантыйском и русском языках.

Таким образом, программа «Страна Айпина» («Уроки внеклассного чтения») 5-7 класс формирует у детей и подростков разносторонние универсальные учебные действия и ключевые компетенции. Главными для данной программы являются:

- умение выстраивать диалог или монолог, цитировать и подбирать аргументы из авторского текста;
- умение после знакомства с произведением Е.Д. Айпина в зависимости от цели выступления составлять план, тезисы, конспект;
- умение работать с энциклопедиями, словарями, интернет-ресурсами.

СОДЕРЖАНИЕ ПРОГРАММЫ

5 класс «Сказки дедушки Еремея» (18 часов).

Тема 1. Мудрость северного народа. Мудрость ханты в поговорках, пословицах, загадках, сказках. Действующие лица сказки.

Чтение сказок. Знакомство с понятием «морфология сказки».

Знакомство с малыми жанрами УНТ. Понятия: троп, вид тропа (олицетворение, сравнение, метафора).

Тема 2. «Клюквинка и травяная косичка». Сказки, потешки, были сургутских ханты. Близость сказок ханты с мифом. Лучшие человеческие качества в сказочных героях ханты. Общечеловеческие качества: доброта и справедливость в сказках ханты.

Тема 3. «Посреди бора длинный хвост». Загадки. Особенности загадок ханты.

2 раздел. Человек из рода Бобра.

Тема 4. Человек из рода Бобра. Народные сказки воспитывают национальное самосознание, прививают любовь к своей этнокультуре, к культуре родного края. Виртуальная экскурсия по фотовыставке «Человек из рода Бобра». Творческие работы: иллюстрирование

Тема 5. Рассказ «Медвежье горе». Быт народа ханты.

Тема 6. Повесть «Я слушаю Землю». Отличительные особенности жанра.

Рекомендуемые средства и способы работы: обсуждение вопроса: экология Малой Родины. Выявление связи охарактеризованных элементов совместной повести с историческим прошлым родного края.

Тема 7. «Волки». Национальное самосознание, любовь к своей этнокультуре, к культуре родного края. Добрые и трудолюбивые охотники и рыбаки.

Тема 8. «Бездомная собака». Преданность родной земле. Запреты в культуре ханты.

Тема 9. Журавли. Рассказы «По насту». Мир природы. Общечеловеческие качества: доброта и трудолюбие в героях Е.Д. Айпина.

6 класс «Природа в литературе Югры».

Тема 1. «Мой летний читательский формуляр». Специфика самостоятельного чтения и правила ведения Читательского дневника в электронном варианте.

Тема 2. Книги любимых писателей ХМАО-Югры.

Тема 3. Любимые произведения Югорских поэтов. Особенности появления национальной прозы на Севере. Две формы прозы: на родном языке и русскоязычная. Жанры и их развитие. Лирика. Связь прозы с национальным фольклором.

Тема 4. Тема родной природы. Образ дерева в творчестве Е.Д. Айпина. Образы деревьев в прозе Айпина.

Тема 5. Природа в произведениях Е.Д. Айпина. Человек в мире легенд, преданий, обычаев и природы Югры. Любовь и восхищение природой, стремление беречь и защищать природу Малой Родины.

Тема 6. Пейзажи Югры. Многообразие форм отражения темы природы в литературе Югры. Радостная сила и красота бытия художественного мира Е.Д. Айпина. Живопись Г.С. Райшева.

Тема 7. «Времена года». Переплетение темы природы в художественной литературе писателей-северян со способностью идти своим путём, со своеобразием традиций и культуры родных мест. Природа воспевается, как неотъемлемая часть бытия, взаимоотношений человека и природы, восхищение красотой окружающего мира и любви к родным краям.

Тема 8. Таёжный край. Любовь и бережное отношение к родной природе.

Тема 9. Урок-концерт. Конкурс чтецов «Я читаю Айпина».

7 класс «Художественный мир прозы Е.Д. Айпина».

1 раздел «В сжимающемся пространстве: Портрет на фоне безумной эпохи».

Тема 1. «Мой летний читательский формуляр». Самостоятельный анализ и отзыв о прочитанных произведениях.

Тема 2. Литературная карта Югры. Удивительный мир и герои литературы Югры. Поэты и писатели Югры. Где живёт писатель Айпин?

Тема 3. Жизнь и творчество летописца Югры. Знакомство с «художественным миром писателя». Мастерство, художественное видение «летописца народа ханты». Многоплановость произведений Е.Д. Айпина

Тема 4. Общественная деятельность Е.Д. Айпина.

1 раздел «Летописец народа ханты»

Тема 5. История Казымского восстания в литературе Югры. Изображение Казымского восстания (роман Е.Д. Айпина «Божья Матерь в кровавых снегах»). История Казымского восстания в литературе и публицистике Югры.

Тема 6. Роман «Ханты, или Звезда Утренней Зари» Е.Д. Айпина. Художественные средства создания характеров. Образ и характер. Пейзаж Е.Д. Айпина.

2 раздел «Художественный мир Е.Д. Айпина»

Тема 7. Образ птицы творчестве Е.Д. Айпина. Сквозные образы в литературе Югры. Анализ художественной прозы Е.Д. Айпина.

Тема 8. Учимся писать эссе по творчеству Е.Д. Айпина.

Совершенствование умений обучающихся в написании сочинений малого жанра (миниатюр), развитие устной и письменной речи детей и подростков: со-размышление, со-переживание, со-чувствие, со-отношение своего и авторского «я».

Тема 9. Читательская конференция, посвященная творчеству Е.Д. Айпина.

Отследить степень усвоения результатов программы можно через выполнение учащимися индивидуальных творческих работ.

Программа «Страна Айпина» (уроки внеклассного чтения, 5–7 класс) разработана в соответствии с основными ключевыми компетенциями в области гуманитарного образования. Программа прошла успешное апробирование в период с 2001 по 2018 годы в МКОУ «Уньюганская СОШ №1» и в МБУК МБОР «Уньюганская модельная библиотека семейного чтения им. Е.Д. Айпина», была презентована в 2020 г. в рамках межмуниципальной декады родных языков коренных малочисленных народов Севера в Муниципальном казенном учреждении «Центр развития образования Октябрьского района», вызвав искренний интерес, внимание как со стороны обучающихся и родителей, так и коллег-учителей. По итогам занятий ученики с удовольствием продолжают работу не только исследовательского характера, выполняя домашнее задание, но и выпуская литературный бюллетень «Карандашик». Этот бюллетень любят читать не только ребята и учителя, но он пользуется большим успехом и у родителей.

Мы надеемся, что знакомство с культурой ханты и произведениями Е.Д. Айпина поможет детям и подросткам лучше понять традиции и обычаи титульных народов ХМАО-Югры. Поэтому эта программа названа «Страна Айпина», ведь наша Малая Родина – то не

только изумрудная тайга, природные ресурсы, но и сказочно добрый и удивительный мир маленького и великого народа – ханты, на который не надо смотреть ни сквозь розовые, ни сквозь зелёные стёкла очков сказочного Изумрудного города. Надо просто погрузиться в этнокультуру, историю, литературу ХМАО-Югры и, наслаждаясь, научиться гордиться этой Изумрудной страной, где созданы великие современные произведения писателя-ханты.

ЛИТЕРАТУРА

Айпин Е.Д. Ханты, или Звезда Утренней Зари: Роман. М.: Мол. гвардия, 1990.

Белькова А.Е. Языковые средства выразительности в повести Е.Д. Айпина «У гаснущего очага» // Актуальные проблемы гуманитарных наук. Всероссийская научно-практическая конференция. Нижневартовск, 2021. С. 500-504.

Внеклассная и внешкольная работа по литературе. М., 1970.

Горяинова Е.Э. По страницам добрых книг. 5-6 класс. Уроки внеклассного чтения. Методические и практические советы. Брянск. «Курсив», 2003.

Збарский И.С., Полухина В.П. Внеклассное чтение по литературе (IV-VIII кл.). М., 1980.

Народные сказки // Библиотека русской сказки в десяти томах. Т. 1. М.: Товарищеское «Возрождение», 1992.

Петрухин В.Я. Мифы финно-угров. М.: Издательство Астрель; Издательство АСТ, 2003.

Уроки внеклассного чтения. 5-9 класс. Практическое пособие. Воронеж, 2003.

Уроки внеклассного чтения. М., 1980.

REFERENCES

Ajpin, E.D. (1990). Xanty`, ili Zvezda Utrennej Zari: Roman. M.: Mol. gvardiya.

Bel'kova, A.E. (2021). Yazy'kovy'e sredstva vy'razitel'nosti v povesti E.D. Ajpina «U gasnushhego ochaga». Aktual'ny'e problemy` gumanitarny`x nauk. Vserossiyskaya nauchno-prakticheskaya konferenciya. Nizhnevartovsk, S. 500-504.

Vneklassnaya i vneskol'naya rabota po literature. M., 1970.

Goryainova, E.E`. (2003). Po straniczam dobry`x knig. 5-6 klass. Uroki vneklassnogo chteniya. Metodicheskie i prakticheskie sovety`. Bryansk. «Kursiv»,

Zbarskij, I.S., & Poluxina, V.P. (1980). Vneklassnoe chtenie po literature (IV-VIII kl.). M.

Narodny'e skazki. Biblioteka russkoj skazki v desyati tomax. T. 1. M.: Tovarishheskoe «Vozrozhdenie», 1992.

Petruxin, V.Ya. (2003). Mify` finno-ugrov. M.: Izdatel'stvo Astrel`; Izdatel'stvo AST.

Uroki vneklassnogo chteniya. 5-9 klass. Prakticheskoe posobie. Voronezh, 2003.

Uroki vneklassnogo chteniya. M., 1980.

© Фанова В.Г., 2023

УДК 82-1/-9

<https://doi.org/10.36906/2500-1795/23-2/07>*Шелухин Ф.В.***ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА В КИНО: ПЬЕСА В.С. РОЗОВА
«ВЕЧНО ЖИВЫЕ» И ФИЛЬМ М.К. КАЛАТОЗОВА «ЛЕТЯТ ЖУРАВЛИ»**

Аннотация. В статье исследуется киноэкранизация как специальная форма художественного текста. В рамках исследования рассматриваются классификация киноэкранизаций и особенности видов, а также основные проблемы данного формата. Также характеризуются возникающие при переносе литературных художественных произведений на киноэкран проблемы, которые являются предметом споров и в настоящее время. Изучение обозначенных вопросов производится не только в теории, но и на практике, что представлено в виде сопоставления пьесы В.С. Розова «Вечно живые» (1943) и кинофильма М.К. Калатозова «Летят журавли» (1957). Помимо выявления различий оригинального литературного произведения и его переноса на язык кино, выражающихся в отклонении от следования литературному художественному тексту, добавленных эпизодах и расширении и сокращении отдельных сюжетных линий оригинала, определяется творческая задача, и как именно она достигалась. Основные методы исследования: анализ научной литературы по теме исследования, примененный для подробного рассмотрения киноэкранизации как специальной формы художественного текста, анализ критических исследований, биографической литературы, архивных документов, а также сравнительный анализ (были применены при сопоставлении оригинального литературного текста (пьесы В.С. Розова «Вечно живые») и его киноадаптации (фильма М.К. Калатозова «Летят журавли»)). В результате проведенного сравнительно-сопоставительного анализа делается вывод, который содержит в себе ответы на вопросы: к какому из видов экранизаций относится данный фильм, в чем это выражается, а также выявляются причины, приведшие нас к данному умозаключению.

Ключевые слова: Розов; «Вечно живые»; Калатозов; «Летят журавли»; киноэкранизация; прямая экранизация; по мотивам; общая киноадаптация.

Сведения об авторе: Шелухин Федор Владимирович, аспирант кафедры филологии, лингводидактики и перевода Нижневартковского государственного университета; ORCID: 0000-0003-1834-6707.

Контактная информация: 628616, г. Нижневартовск, ул. Северная, д. 7а, кв. 107, тел. 8(982)530-59-85, e-mail: sheluhin.hamir98@yandex.ru

F.V. Shelukhin

**INTERPRETATION OF A LITERARY TEXT IN THE CINEMA: V.S. ROZOV'S PLAY
“FOREVER ALIVE” AND M.K. KALATOZOV'S FILM “CRANES ARE FLYING”**

Abstract. The article explores film screening as a special form of literary text. Within the framework of the study, the concept of cinema screening, its classification and features of types, “strengths” and “weaknesses” of this format are considered. The problems arising during the transfer of literary works of art to the cinema screen are also characterized, which are the subject of controversy at the present time. The study of these issues is carried out not only in theory, but also in practice, which is presented in the form of a comparison of V.S. Rozov's play "Forever Alive" (1943) and the movie M. K. Kalatozova “Cranes are Flying” (1957). In addition to identifying the differences between the original literary work and its transfer to the language of cinema, expressed in deviation from following the literary fiction text, added episodes and expansion and reduction of individual storylines of the original, the creative task is determined, and how exactly it was achieved. The main research methods: analysis of scientific literature on the subject of the study, used for a detailed examination of film screening as a special form of literary text, analysis of critical studies, biographical literature, archival documents, as well as comparative analysis (they were used when comparing the original literary text (V.S. Rozov's play “Forever Alive”) and its film adaptations (M.K. Kalatozov's film “Cranes are Flying”)). As a result of the conducted comparative analysis, a conclusion is drawn that contains answers to the questions: which type of film adaptations does this film belong to, what is it expressed in, and also the reasons that led to this result are revealed.

Keywords: Rozov; “Forever Alive”; Kalatozov; “Cranes are flying”; film screening; direct screening; based on motives; general film adaptation.

About the author: Shelukhin Fyodor Vladimirovich, postgraduate student of the Department of Philology, Linguodidactics and Translation of Nizhnevartovsk State University; ORCID: 0000-0003-1834-6707.

Contact information: 628616, Nizhnevartovsk, Severnaya str., 7a, sq. 107, tel. 8(982)530-59-85, e-mail: sheluhin.hamir98@yandex.ru

Шелухин Ф.В. Интерпретация художественного текста в кино: пьеса В.С. Розова «вечно живые» и фильм М.К. Калатозова «Летят журавли» // Нижневартровский филологический вестник. 2023. №2. С. 89-98. <https://doi.org/10.36906/2500-1795/23-2/07>

Shelukhin, F.V. (2023). Interpretation of a Literary Text in the Cinema: V.S. Rozov's Play “Forever Alive” and M.K. Kalatozov's Film “Cranes Are Flying”. *Nizhnevartovsk Philological Bulletin*, (2), 89-98. (in Russian). <https://doi.org/10.36906/2500-1795/23-2/07>

Перед рассмотрением особенностей переноса пьесы В.С. Розова «Вечно живые» в киноформат, обозначим основные типы киноэкранизаций, а также основные черты каждого из них. В работе использована классификация кандидата педагогических наук Г.А. Поличко (Цит. по: Дмитрук 2019: 97):

1) *Прямая экранизация.* Задача экранизаций подобного типа заключается в бережном (в отдельных случаях – в дословном) переносе литературного оригинала в формат кинофильма или сериала, причем последний используется чаще. Примерами подобных экранизаций являются такие произведения как «Собачье сердце» В. Бортко, «Жизнь Клима Самгина» В. Титова.

2) *По мотивам.* Цель – представление известного литературного произведения под иным углом. Данный подход применяется в случаях, когда первоисточник в изначальном виде не может быть адаптирован в киноформат виде по тем или иным причинам (объем литературного произведения в соотношении с хронометражом, акцента в произведении на вещах, требующих переработки в события или диалоги, творческая задача кинематографистов). Подобные экранизации повторяют первоисточник дословно, но, несмотря на это, ставят задачу по сохранению главных тем и идей произведения, при этом добавляя «от себя» какие-то вещи. В качестве примеров приведены следующие произведения: «Несколько дней из жизни И.И. Обломова» Н. Михалкова, «Жестокий романс» Э. Рязанова.

3) *Общая киноадаптация.* Здесь цель не в точном повторении литературного первоисточника, а в создании на его материале нового и самобытного произведения, взаимосвязанного с оригиналом и дополняющего его. Примерами подобных адаптаций являются кинокартины «Солярис» и «Сталкер» А. Тарковского.

Перенос литературных произведений в кино- или телеформат – процесс неоднозначный, так как итоговый результат восприятия зрителями может быть кардинально разным: или посмотревшие заинтересуются и ознакомятся с литературным первоисточником, или и вовсе к книге не притронутся. Вокруг этой неоднозначности восприятия киноэкранизаций споры не прекращаются и по сей день. Исходя из них, можно сделать вывод об эффекте, который должна оказывать на зрителя действительно удачная интерпретация литературного текста в кино: знакомых с первоисточником людей – обогатить эстетически, не читавших оригинал – заинтересовать к прочтению, для лучшего осмысления увиденного в фильме или сериале.

Отдельно рассмотрим проблемы киноэкранизации как специальной формы художественного текста.

Первая из них заключается в вопросах необходимости переноса на экран конкретного произведения и возможности его адаптации в изначальном виде.

Вторая проблема кроется в том, что фильм является собственным видением книги одного или нескольких работающих над ним людей: сценаристом, режиссером, продюсером. Это видение может отличаться от зрительского. Не последнее место имеет в данной

ситуации разница в восприятии зрителями оригинального художественного произведения и фильма как интерпретации оно, поскольку, если в процессе прочтения книги читающий сам делает выводы о героях и их характерах, составляет логические цепочки, то при просмотре экранизации теряется свобода восприятия, которую дает чтение, и воспринимаются готовые образы, темы и идеи. И здесь видится подводный камень, заключающийся в несовпадении авторской идеи литературного произведения, взглядов читателя и интерпретации кинематографистов, результатом чего может стать отторжение зрителем экранизации и разочарование в ней.

Третья и главная при создании экранизаций проблема – выбор материала для сценария, поскольку оригинальное литературное произведение может в несколько раз превышать объем сценария и тогда возникнет потребность в сокращении, или, наоборот, в силу малого объема литературное произведение может подвергнуться расширению при работе над сценарием. При всем этом необходимо соблюдать следующие условия: сохранять близость к первоисточнику, точно следуя его идеям и темам, а не поверхностно копировать его, и сосредотачивать сценарий на персонажах, способствующих развитию конфликта идвигающих сюжет.

В итоге можно сказать, что определение четких критериев удачной киноэкранизации и по сей день предмет дискуссий, а подходы в попытках решения этого вопроса различны между собой: если академическая наука основывалась на интуитивных ощущениях, то исследователи применяли такие понятия, как «целостность» и «уместность» (Бахтуева 2017: 131).

Оригинальная пьеса «Вечно живые» (изначальное название – «Семья Серебряйских») была написана В. Розовым в 1943 году, но напечатана только в начале 1950-х. Первую постановку осуществил Костромской театр драмы, затем 15 апреля 1956 этой пьесой открылся театр «Современник». Произведение прочитал кинорежиссер М. Калатозов, встретился с Розовым и предложил ему написать сценарий для будущего фильма. На что драматург ответил, что никогда не писал сценарии и не знает, как это делать. Калатозов же сказал: «Попробуйте, я уверен – получится» (Розов 2014: 501). На что Розов сказал, что будет писать так, будто находится в кинотеатре и на экране идет лента (Розов 2014: 501).

На то, что итоговый фильм будет сильно отличаться от пьесы, указывали еще на стадии утверждения литературного сценария. В заявке на утверждение литературного сценария, поданной от киностудии «Мосфильм» в Главное управление производства фильмов 21 июля 1956 года, отмечено, что хотя сценарий и написан по пьесе «Вечно живые», еще до начала работы над ним студия и автор (Розов) договорились о «значительных изменениях первоначального замысла», которые, в свою очередь, касались «и сюжетных линий произведения и трактовки основных образов. В результате внесения в сценарий новых мотивов, он в большой степени переосмыслен по сравнению с пьесой и получил новое звучание». (РГАЛИ ф.2329, оп. 12, ед. хр. 3576 Л. 11). В заключении же по литературному сценарию от 28 июля 1956 года был сделан вывод, что «автор отходит от пьесы не только в

плане более широкого «кинематографического» показа жизни, но и в значительной мере обогащает ее содержание более глубоким решением поставленных проблем» (РГАЛИ ф.2329, оп. 12, ед. хр. 3576 Л. 1).

Сам Розов в своей книге «Удивление перед жизнью» писал, что, хотя основой для сценария была пьеса, повторяться ему не хотелось. И он сказал Калатозову, что не будет писать то же самое, а напишет то, что происходило между картинами и действиями пьесы: «сюжет тот же, персонажи те же, но сцены новые» (Розов 2014: 504).

Здесь же скажем о том, что и название фильма было другим изначально – «За твою жизнь», которое не нравилось автору. Он сравнивал его с газетным заголовком статьи. Идея озаглавить картину «Летят журавли» принадлежала Розову. На вопросы о том, почему фильм был назван так и что это означает, он впоследствии признавался, что не знает. «Пришло в голову, понравилось – вот и все. Что-то в поднебесном журавлином полете есть от вечности» (Розов 2014: 502) – писал драматург в книге «Удивление перед жизнью».

Следует отметить, что в процессе создания сценарий подвергался неоднократной доработке и переработке отдельных его частей, так что ниже рассмотрим изменения в итоговом фильме по сравнению с оригинальной пьесой.

Первыми разберем добавленные сцены. Если пьеса начиналась с разговора Вероники (Т. Самойлова) и Бориса (А. Баталов) о завтрашнем дне рождения девушки, то фильм начинается с прогулки влюбленных по утренней Москве, представления семейного окружения героев (родителей Вероники (не указанных среди действующих лиц в первоисточнике) и семьи Бориса) и бытовыми сценами последних часов мирного времени (собрание семьи Бороздиных за столом). Далее слышится голос Левитана «Работают все радиостанции Советского Союза», и становится понятно, что действие фильма берет свое начало 22 июня 1941 года. Затем следует сцена, разговора Вероники и двоюродного брата Бориса – пианиста Марка (А. Шворин), из которой становится ясно, что последний рассчитывает остаться в тылу, получив бронь, а также зритель понимает, что Марк влюблен в Веронику. Еще одна сцена только упоминалась в начале пьесы: первые слова Бориса в тексте «Противовоздушные щели рыли на заводе, во дворе» (Розов 1943) получила полноценное воплощение, включающее в себя диалог Бориса и инженера завода Кузьмина о том, кому достанется бронь. И только потом события фильма начинают следовать сюжету оригинального литературного произведения.

Еще одна сцена, полностью отсутствовавшая в оригинале – проводы новобранцев. В пьесе уход бойцов на фронт завершал вторую картину первого действия: из окна квартиры Бороздиных Вероника, Марк и бабушка Бориса Варвара Капитоновна наблюдали за идущими колоннами.

Варвара Капитоновна. Москвичи идут

Марк. В этом есть что-то торжественное... и жуткое

Варвара Капитоновна (тихо, в окно). Возвращайтесь живыми! (Розов 1943)

В фильме проводы показаны подробно. Длинная панорама по веренице провожаемых и провожающих, «где Вероника обречена двигаться против течения» (Богомолов, 1989: 170). Акцент на том, что героиня так и не простилась с возлюбленным.

После сцены с уходом добровольцев в первоисточнике происходил пропуск по хронологии. Бороздины и Вероника в эвакуации. Из диалогов читатель узнавал о произошедших переменах в жизни героев: Борис пропал без вести, Вероника потеряла родителей, вышла замуж за Марка, но несчастна в браке, глава семейства Бороздиных с дочерью Ириной работает в госпитале. В фильме упомянутые события подробно показаны, и отражающие их сцены, а также иные сюжетные дополнения, будут рассмотрены ниже.

В Москве начинаются бомбежки. Вероника из звонка на завод, где работал Борис, узнает, что от него нет вестей. По дороге домой девушка говорит матери, что собирается идти работать на завод. В этот момент раздается оповещение о воздушной тревоге. Вероника с мамой спешат за отцом, но тот отказывается уходить в метро, сославшись на срочную работу. Мать решает остаться с мужем, а Веронику отправляют в метро. Когда после оповещения о том, что опасность миновала героиня выходит из убежища и спешит домой, видя проезжающие пожарные машины, выясняется, что дом разрушен бомбежкой, а родители погибли. И только часы в развалинах продолжали свой ход...

После вышеописанных событий Вероника находит приют у Бороздиных, где снова сталкивается с ухаживаниями Марка. И во время очередной бомбежки, раздавленная обстоятельствами, она уступает ему. В семье Бороздиных тяжело воспринимают эту ситуацию. В одной из следующих сцен Марк говорит родственникам о том, что они с Вероникой поженятся.

Тем временем, воинская часть, в составе которой числится Борис, с боями выходит из окружения. На привале один солдат, увидев фотографию Вероники, говорит: «Эх, солдатская судьба. Ты ее тут на ладошке вертишь, а она...» и начинает наигрывать на губной гармошке мотив «Сердце красавиц склонно к измене». Борис в ответ бьет его по лицу, в результате чего приговаривается к 5 суткам ареста, и их обоих отправляют в разведку.

Во время вылазки напарник Бориса получает ранение, вынеся его в безопасное место, Борис говорит ему: «Мы еще на твоей свадьбе гулять будем», но через несколько мгновений сам оказывается смертельно ранен. И здесь следует отметить важную деталь, которую придумал В. Розов: «показать предсмертное видение Бориса не как воспоминание прошлого, а как мечту возможного, если бы он остался жить, – его свадьбу с Вероникой» (Розов 2014: 506).

После этих сцен сюжет фильма повторяет пьесу: эвакуация, быт, работа в госпитале Федора Бороздина и Ирины, визит директора филармонии Чернова к Марку с просьбой достать медикаменты. Но имеются и добавления.

В фильме, в отличие от пьесы, в госпитале работает и Вероника. И во время ее дежурства у одного из раненных случается нервный срыв, вызванный сообщением о том, что его невеста вышла замуж за другого. Пришедший Федор Иванович успокаивает солдата,

выражая презрение к неверным невестам. Госпиталь поддерживает его. Вероника, принимая это и на свой счет, в смятении убегает из госпиталя и хочет покончить жизнь самоубийством, сбросившись с моста под поезд. Но в последний момент она замечает маленького мальчика на дороге и спасает его из-под колес грузовика. Мальчик говорит, что его зовут Борька. Об этой сюжетной детали критик Г. Кремлев писал так: «Что это, сценарная нарочитость? Мистика? Да нет же, заурядное, повседневное совпадение. Оно значительно только для Вероники...» (Кремлев 1964: 179).

Вернувшись с мальчиком домой, Вероника ищет игрушечную белку, чтобы успокоить его. Здесь сюжет фильма снова следует оригинальной пьесе, об этом будет сказано ниже в разборе сюжетной линии, которая была сокращена в кинокартине.

Завершаются фильм и пьеса абсолютно по-разному. В завершающей картине пьесы Бороздины возвращаются в Москву. Вместе с ними приезжают соседка по эвакуации Анна Михайловна и ее вернувшийся с фронта сын Володя, от которого Вероника и Бороздины узнали о гибели Бориса. Бабушка Варвара Капитоновна плачет от радости, что семья дома, и горя, узнав о смерти Бориса. О разговоре с Марком, вернувшимся в Москву раньше, ей не рассказывают. Вероника собирается поступать в институт. Марк пытается оправдаться перед Вероникой, говоря, что двум целям служить нельзя, и художник не должен отвлекаться ни на что. В ответ на вопрос о любимшем науку Борисе, ушедшем на фронт, Марк говорит, что брат бы не стал большим ученым, на что присутствующий при разговоре Володя отвечает, что Борис «уже был большой человек – это еще важнее» (Розов 1943). На это Марк обвиняет его в смерти брата. Опешивший Володя собирается снова проситься на фронт. Успокаивая Анну Михайловну, Федор Иванович говорит ей, что ее сына не возьмут: «ему еще года два силы набирать» (Розов 1943).

Семья собирается за столом, за которым находится место и Веронике, и Анне Михайловне с Володей и его однополчанином Зайцевым, и соседке Бороздиных Аносовой с ее сыновьями, отмеченными боевыми наградами. Приходит Люба, ранее работавшая с Борисом на заводе, и говорит, что над работой, оставленной последним, ныне занимается целая лаборатория, но не хватает нескольких тетрадей, которые, как выяснилось, сохранила Варвара Капитоновна.

Во время обеда Марк молча уходит, не замеченный никем, кроме бабушки. Федор Иванович произносит: «Выпьем молча за тех, кто молчит, сказав свое слово» (Розов 1943). В этот момент начинается салют в честь перехода советскими войсками немецкой границы. В то время как все выходят на улицу, Володя и Вероника остаются в комнате. Девушка просит помнить место, где похоронили Бориса, обещая поехать туда после окончания войны. Также она просит Володю не ждать от нее ответа, так как память о погибшем возлюбленном слишком сильна. Володя говорит ей: «А ты не отвечай, я же не прошу. Ждал и буду ждать». На этом пьеса заканчивается.

В фильме действие после сцен в эвакуации переносится уже в мирную Москву после окончания войны. В отличие от сюжета пьесы, Вероника уверена, что Борис жив, и ждет его.

Володя говорит ей, что видел, как все произошло, но девушка отвечает, что он видел только ранение и падение, но не смерть.

Финальная сцена происходит на Белорусском вокзале. Прибывает поезд с фронтовиками. Вероника ищет на перроне товарища Бориса Степана, а встретившись с ним, понимает, что Борис погиб. Плачущая девушка идет через толпу. Степан с паровоза говорит о том, что ненависть к войне не угаснет, что люди сделают все, чтобы подобное не повторилось, а также о том, что победа не во имя разрушения, а во имя созидания новой жизни. Вероника раздает предназначавшиеся для Бориса цветы вернувшимся солдатам и встречающим. В этот момент над Москвой пролетают журавли...

Разобрав добавленные и измененные сцены, перейдем к рассмотрению сокращенной сюжетной линии, связанной с именинами Антонины Монастырской, у которой собираются приспособившиеся к войне люди, и к которой уходит Марк, взяв в качестве подарка игрушечную белку Вероники. Полностью исчез эпизод подготовки к празднованию и прихода гостей, в котором хозяйка дома Антонина Николаевна вспоминала свою роскошную жизнь в Ленинграде и жаловалась на текущее положение дел, выражающееся в продаже своих вещей и зависимости от хлебобрезчицы Нюры, приносящей добытый нечестным путем хлеб, а иногда и другие продукты. Меж тем хозяйка комнаты, где живет Монастырская, Варя (в фильме данной героини не было), хочет вернуться на работу на мыловаренный завод, но Антонина не пускает ее: «Я же погибну без тебя. А кто станет все делать – на базар ходить, стряпать?» (Розов 1943).

Первым из гостей приходит Чернов. Антонина просит у него достать машину для ночных катаний по городу (какую именно, не имеет значения). Чернов обещает попробовать, признается Монастырской в любви и уходит (этот момент остался в фильме).

После ухода Чернова появляются еще двое героев, не попавших в фильм, а именно, студент Миша, характеризуемый Варей как «идейный», и его невеста Танечка. Позднее появляется Марк, приносит подарок (упомянутую выше белку) и говорит Антонине, что собирается оставить Веронику, поэтому просит не спешить с Черновым. Монастырская отказывает, поскольку директор филармонии человек с деньгами. На замечание Марка, что деньги Чернова краденые, она дает понять, что дела последнего не будут ее интересовать, и добавляет, что с удовольствием вышла бы замуж за богатого честного человека, но «они не нашего поля ягоды» (Розов 1943). Затем появляется хлебобрезчица Нюра с продуктами, и начинается застолье.

Далее текст пьесы и события фильма идентичны: в подарке Марка находят записку Бориса, но до появления в комнате Монастырской Вероники происходит эпизод с Мишей и Танечкой (повторимся, что в фильме этих действующих лиц не было): после случая с запиской они собрались уходить, на что Антонина Николаевна говорит Мише: «Уходишь, чистый человек? Дали команду?.. Наелся?» (Розов 1943). За него вступает Танечка: «Я ему говорила – не надо к вам ходить, а он всех считает хорошими... У нас в доме крошки в рот не берет, а все время недоедает, знаю...» (Розов 1943).

После ухода Вероники и Марка Варя просит Монастырскую съехать с квартиры, а когда та отказывается, ссылаясь на распоряжение райсполкома, собирается уйти в общежитие и вернуться на работу на завод.

Нюра, собираясь уходить, говорит Антонине, что люди, окружающие ее, хлипкие, добавляя: «А сейчас война – крепких надо под рукой иметь, своих». Монастырская отвечает ей: «Господи, хоть бы Чернов поскорее приехал... Спрятаться за него и утихнуть» (Розов 1943).

Определим причину этих изменений. Советский и российский киновед Ю.А. Богомолов отмечал, что эпизоды, отсутствовавшие в пьесе («внесценические») (публичные проводы в армию, сокрушение верности Вероники, гибель Бориса и его предсмертное воспоминание о том, что уже не сбудется, сцены в госпитале и на железнодорожном мосту, финал со сценой встречи победителей), оказываются кульминационными с основной эмоциональной нагрузкой. «И так вышло, – подытоживает Богомолов, – что Вероника (а не Борис) стала смысловым центром этого фильма» (Богомолов 1989: 170). То есть акцент в фильме смещен по сравнению с пьесой.

Отдельно киновед писал о снятии в фильме коренного для пьесы противостояния «вечно живого» (Бориса Бороздина) и «людей напротив» (Марка, Чернова, Монастырской, Нюрки-хлеборезчицы). «Если последние присутствуют, то затем, чтобы поддержать фабулу. Сами по себе они неинтересны ни авторам, ни нам, зрителям» (Богомолов 1989: 172). Связывал это Богомолов с тем, что конфликт сдвигался в сферу внутреннего мира человека («Важно не кто есть кто, а кто, чем и кем кажется; кто как отражается в сознании, едва опознающем внешний мир» (Богомолов 1989: 172)). Что касается Бориса Бороздина, то киновед отмечает, что его внутренний мир бесконфликтен. И «по необходимости» на первый план в фабуле выдвигается Вероника, «героиня, у которой душа ранена, но не убита, под ударами судьбы сжалась <...>, но находит силы, чтобы распрямиться, чтобы воскреснуть» (Богомолов 1989: 172).

Подводя итог всему вышесказанному, можно сделать вывод, что фильм «Летят журавли» относится к типу экранизаций по мотивам, поскольку в нем смещены акценты по сравнению с пьесой (на первом плане история Вероники), были добавленные новые сюжетные линии и эпизоды (публичные проводы в армию, бомбежка Москвы, гибель родителей Вероники, смерть Бориса и видение несбывшейся свадьбы, сцена в госпитале с высказыванием отношения к неверным невестам, попытка самоубийства Вероники, спасение мальчика Борьки, финальная сцена на вокзале), сокращенные сюжетные линии и убранные эпизоды (застолье в квартире Антонины Николаевны Монастырской, возвращение Бороздиных из эвакуации в Москву).

ЛИТЕРАТУРА

Бахтуева Е.С. Оценка качества интерсемиотического перевода литературного произведения на язык кино // Вестник Московского университета. Серия 19 Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2017. №1, с. 130-136. URL: <https://clck.ru/34FXxr> (01.10.2023).

Богомолов Ю.А. Михаил Калатозов (страницы творческой биографии). М.: Искусство, 1989. 237 с.

Дмитрук Д.И. Текст и экранизации: варианты их соотношения (на материале романа Т. Мэлори «Смерть Артура» и его киноадаптаций) // Знак: проблемное поле медиаобразования. 2019. №1 (31). С. 96-101. URL: <https://clck.ru/34FXzj> (30.09.2023).

Кремлев Г.Д. Михаил Калатозов. М: Искусство, 1964. 243 с.

Дело картины «Летят журавли» (1956-1958) // РГАЛИ ф.2329, оп. 12, ед. хр. 3576.

Розов В.С. Вечно живые. 1943. URL: https://royallib.com/read/rozov_v/vechno_givie.html?ysclid=lnj5uots4z708642985#0 (02.10.2023).

Розов В.С. Удивление перед жизнью. Воспоминания. М.: АСТ, 2014. 640 с.

REFERENCES

Baxtueva, E.S. (2017). Ocenka kachestva intersemioticheskogo perevoda literaturnogo proizvedeniya na yazy`k kino. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 19 Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikaciya*. №1, s. 130-136. URL: <https://clck.ru/34FXxr> (01.10.2023).

Bogomolov, Yu.A. (1989). Mixail Kalatozov (stranicy tvorcheskoy biografii). M.: Iskusstvo, 237 s.

Dmitruk, D.I. (2019). Tekst i e`kranizacii: varianty` ix sootnosheniya (na materiale romana T. Me`lori «Smert` Artura» i ego kinoadaptacij). *Znak: problemnoe pole mediaobrazovaniya*. №1 (31). S. 96-101. URL: <https://clck.ru/34FXzj> (30.09.2023).

Kremlev, G.D. (1964). Mixail Kalatozov. M: Iskusstvo, 243 s.

Delo kartiny` «Letyat zhuravli» (1956-1958). *RGALI* f.2329, op. 12, ed. xr. 3576.

Rozov V.S. Vечно живы`е. 1943. URL: https://royallib.com/read/rozov_v/vechno_givie.html?ysclid=lnj5uots4z708642985#0 (02.10.2023).

Rozov, V.S. (2014). Udivlenie pered zhizn`yu. Vospominaniya. M.: AST, 640 s.

© Шелухин Ф.В., 2023

УДК 81'44

<https://doi.org/10.36906/2500-1795/23-2/08>

M.R. Galieva

NATIONAL-CULTURAL SPECIFICITY OF BIBLICAL IDIOMS

Abstract. The article investigates the representation features of idioms of biblical origin on the material of various languages. Idioms of biblical origin are regarded as linguocultural and nationally specific units, reflecting the peculiarities of mentality and religious worldview of a particular linguistic culture. The article reveals a number of extralinguistic factors that determine both the universal and specific features of idioms of biblical origin representation in various languages. The factors contributing to the universality of idioms of biblical origin include: 1) the commonality of Christian culture; 2) the influence of the Greek and Latin languages on subsequent translations of the Bible used nowadays. The followings are singled out as extralinguistic factors that determine the specificity of idioms of biblical origin in various languages: 1) the emergence time and dissemination scope of biblical translations; 2) confessional affiliation of a certain ethnic group; 3) peculiarities of national perception of the world and cultural values of a particular linguistic culture; 4) the socio-political system of a particular era or country; 5) mass-media factors. The national-cultural specificity of idioms of biblical origin is manifested in their non-equivalence in a particular language, the quantitative divergence of idioms of biblical origin included into a particular language from a single source, differences in the semantic capacity and meaning of idioms of biblical origin used in each of the languages, the emphasis on certain images and cognitive features activated in idioms of biblical origin, in existence of a set of borrowed idioms of biblical origin from different languages. It should be noted that even universal idioms of biblical origin functioning in different languages can be nationally specific due to the differences in the activated semantic features and figurative components of idioms.

Keywords: biblical idioms; national-cultural specifics; biblical; extralinguistic factors; semantic; linguocultural; differences.

About the author: Galieva Margarita Rafaelovna, Doctor of Science in Philology, As. Professor, Head of Linguistics and English Literature Department, Uzbek State University of World languages; ORCID: 0000-0002-4325-4612.

Contact information: 100173, Uzbekistan, Tashkent, st. Kichik Halka Yuli. Quarter G9A, 21A, Uzbek State University of World Languages, tel.: +998 90 167 67 56; m.galieva@uzswlu.uz

Галиева М.Р.

НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНАЯ СПЕЦИФИКА БИБЛЕИЗМОВ

Аннотация. В статье исследуются особенности репрезентации библеизмов на материале различных языков. Библеизмы рассматриваются как лингвокультурные и национально-специфичные единицы, отражающие особенности народного и религиозного мировоззрения определенной лингвокультуры. В статье выявлен ряд экстралингвистических факторов, обуславливающих как универсальную представленность библеизмов в различных языках, так и их специфичность. К факторам, способствующим универсальности библеизмов, относятся: 1) общность христианской культуры; 2) влияние греческого и латинского языков на последующие переводы Библии, используемых в настоящем времени. В качестве экстралингвистических факторов, детерминирующих специфику библеизмов в различных языках, выделены следующие: 1) время появления библейских переводов и диапазон их распространения; 2) конфессиональная принадлежность определенного этноса; 3) национальное мировосприятие и культурные ценности той или иной лингвокультуры; 4) общественно-политический строй определенной эпохи или страны; 5) масс-медийные факторы. Национально-культурная специфика библеизмов проявляется в безэквивалентности в одном из языков, количественном расхождении вошедших в тот или иной язык библеизмов из единого источника, различиях семантической ёмкости библеизмов, используемых в каждом из языков, акцентировании определенных образов и когнитивных признаков, в использовании набора заимствованных из первоисточников библеизмов. Следует отметить, что даже универсальные библеизмы, функционирующие в различных языках, могут быть национально специфичными за счёт различий актуализируемых семантических признаков и образных компонентов в составе библеизма.

Ключевые слова: библеизмы; национально-культурная специфика; библейский; экстралингвистические факторы; семантика; лингвокультурный; дифференциальный.

Сведения об авторе: Галиева Маргарита Рафаэловна, доктор филологических наук, доцент, заведующий кафедрой лингвистики и английской литературы, Узбекский государственный университет мировых языков; ORCID: 0000-0002-4325-4612.

Контактная информация: 100185, Узбекистан, г. Ташкент, ул. Кичик Халка Йули, Квартал Г9А, д.21А, Узбекский государственный университет мировых языков, тел.: +998901676756; m.galieva@uzswlu.uz

Galieva M.R. National-Cultural Specificity of Biblical Idioms // Нижневартковский филологический вестник. 2023. №2. С. 99-110. <https://doi.org/10.36906/2500-1795/23-2/08>

Galieva, M.R. (2023). National-Cultural Specificity of Biblical Idioms. *Nizhnevartovsk Philological Bulletin*, (2), 99-110. <https://doi.org/10.36906/2500-1795/23-2/08>

The study of language cannot be complete without taking into account religious factors, since it is considered to be one of the basic pillars that shape the worldview and perception of different language and culture representatives. The awareness of the close-knit relations of language, culture and religion has resulted in the emergence of a new interdisciplinary linguistic trend – Theolinguistics that studies the interrelationship between language and culture, linguistic aspects of religious language as well as manifestations of religious factors reflected in language units (Alston 2005, Crystal 2018, Heather 2000, Wierzbicka 2020, Scott 2017, Gadoskiy, 2018, Galieva, 2018; 2022 etc.). Due to this fact, the notion of a religious world picture (RWP) has begun to be actively used in modern linguistics. RWP is defined as a “cognitive structure that has absorbed a set of spiritual and moral values, based on religious doctrine, that historically shaped the cultural worldview and national identity of the people” (Bugaeva 2010: 15). RWP is a special form of worldview, that along with the national world picture, formulates and determines a specific form of world perception, the moral consciousness peculiar to a particular nation, its spiritual and national discernment over the surrounding reality. As we assume, of special interest is the characteristic feature of RWP that conditions it to be formed under the influence of not only religious dogmas, but also with the interference of the national world picture. Being verbalized by means of language, the RWP becomes the cultural heritage of the nation, an integral part of its conceptual and linguistic world pictures, since it influences both the national worldview and the entire language system, an important component of which is phraseology (linguistic discipline dealing with idioms).

Phraseology, as N.F. Alefirenko asserts is “the greatest treasure and eternal value of any language. Being a national treasury, reasonably, it is widely believed to store centuries-old human experience derived from labor and spiritual activity, its history, moral values, religious views and beliefs ”(Alefirenko, Semenenko 2009: 9). As is known, the Bible played a significant role in the formation of the phraseology of European languages, it is wholly due to the fact that Bible in European culture is considered to be not only a sacred religious book, but also an integral part of the cultural and everyday life of European languages’ representatives. In this regard, as E.M. Vereshchagin states, “Bible is not an ordinary book: its plots, parables, proverbs, aphorisms, key words, its spirituality influenced European culture so deeply that... European, including Russian, culture is definitely biblical culture” (Vereschagin 1993: 424). The same opinion is shared by a number of other leading scientists in the field of phraseology (Kunin 1972, Gak 1997, Onoprienko 1997, Klyukina 2003, Betekhtina 1995, Dubrovina, 2010, Prickett 1986, Ashurova, Galieva 2019, etc.). The process of phraseologization of biblical phrases has been facilitated by “the richness and aesthetic value of the corresponding text fragments. Laconic form and expressive richness of idioms of biblical origin provide an opportunity for their reinterpretation and further enrichment” (Korneeva 2009: 3).

The material of the research includes biblical idioms//phraseological units extracted from the idioms dictionaries, as well as Internet sources related to the topic. The selection criterion for the examples serves the presence of a religious component dating back to the texts of the Bible (Adam, Eve, etc.) and etymological notes (*biblical, relig.*).

As the analysis of the linguistic material has shown, many biblical idioms being universal and international are represented in most languages spoken by Christians:

Alpha and Omega (English) – *альфа и омега* (Russian) – *das Alpha und das Omega* (German) – *L'alpha et omega* (French) – *Alfa y Omega* (Spanish);

Prodigal son (English) – *блудный сын* (Russian) – *der verlorene Sohn* (German) – *enfant prodigue* (French) – *hijo pródigo* (Spanish);

Sodom and Gomorrah (English) – *Содом и гоморра* (Russian) – *Sodom und Gomorrha* (German) – *Sodome et Gomorrhe* (French) – *Sodoma y Gomorra* (Spanish);

Wash ones' hands (English) – *умыть руки* (Russian) – *siene Hände in Unschuld waschen* (German) – *s'en laver les mains* (French) – *lavarse las manos* (Spanish);

The brand of Cain (English) – *Каинова печать* (Russian) – *das Kainzeichen tragen* (German) – *le signe de Caïn* (French);

Noah's Arch (English) – *Ноев ковчег* (Russian) – *Arche Noah* (German) – *arche de Moë* (French);

Belshazzar's feast (English) – *Валтасаров нуп* (Russian) – *le festin de Baltasar* (French) – *el festin de Baltasar* (Spanish);

Forbidden fruit (English) – *запретный плод* (Russian) – *verbotene Frucht* (German) – *le fruit defend* (French) – *fruto prohibido* (Spanish);

In our opinion, the universal representation of many biblical idioms can be explained by the followings:

- similarities of the biblical legends, plots and parables (for example, about the creation of the world, about the Fall, etc.), images and symbols (images of Cain, Solomon, Joseph, Jesus, Magdalene, Judas, the good Samaritan, etc.), religious rites and rituals (anointing, baptising, etc.), proverbs and aphorisms (the book of Ecclesiastes, proverbs, psalms), which altogether reflect the global Christian culture and its basic values.

- the influence of the Greek and Latin languages, on the basis of which the modern Bible was originally created. As is known, the Hebrew Torah or the Old Testament, was first translated into Greek (Septuagint), in which the New Testament was also created. After Christianity became the official religion of the Roman Empire, both parts of the Bible were translated into Latin and were entitled the Vulgate. Due to the spread of Christianity in a number of European countries, the Bible began to be translated into other European languages, taking into account the semantic, stylistic, contextual-semantic features of the mother language and preserving, as far as possible, the elements of the figurative and metaphorical elements of the original sources.

The assumption can be illustrated by the example of the biblical idiom “*to wash one's hands*”. This biblical idiom exists in many European languages (*wash ones' hands* (English) – *siene Hände*

in *Unschuld waschen* (German) – *s'en laver les mains* (French) – *lavarse las manos* (Spanish). This biblical idiom etymologically is referred to the ancient oriental ritual of washing hands to relieve oneself of responsibility for something or to demonstrate refusal to participate in something. The one who washed his hands publicly announced “My hands are clean.” This ritual is narrated in the Old Testament [Deuteronomy 21: 6-7]. However, the biblical idiom widespread use goes to the Gospel of Matthew, which tells about the death of Christ. Pontius Pilate, who did not want the death of Jesus Christ and at the same time could not influence the crowd that demanded his death. Then, he publicly washed his hands and said “I am innocent of this blood,” he said. “It is your responsibility!”, thus placing all responsibility for the death of Christ on the crowd (Matthew 27: 24). At present, the biblical idiom is used in the same sense, but with a negative assessment.

However, as the analysis of linguistic material has shown, even universal biblical idioms existing in different languages can be nationally specific. These specifics are manifested in differences in peripheral semantic meanings, in the accentuation of certain cognitive features and figurative components in biblical idioms. To illustrate, let's take the Gospel parable about Magdalene, that is represented by biblical idioms in language system of Russian (*кающаяся Магдалена*), English (*a repentant Magdalene*), French (*pleurer comme une Madeleine*), Spanish (*llorar como una Magdalena*). It should be noted that in semantics of Russian and English biblical idioms about Magdalene the semantic meaning of “repentance” is emphasized, while in French and Spanish semantic meaning of “bitter cry” is emphasized. The same is applied to the biblical idiom “*the prodigal son*”. In Russian the semantic meaning of sinfulness comes to the fore, while in English and French the semantic meaning of squander (*prodigal son* (English), *le fils prodigue* (French)), in German the meaning of “rejection from the family” (*der verlorene Sohn* – lit. lost son) are emphasized.

It should be noted that in this research we adhere to the idea that despite predominantly universal nature of biblical idioms, their selection in each language occurs under the influence of extralinguistic factors, such as:

1) the emergence time and dissemination scope of biblical translations. For example, in English, the King James Version (KJV) Bible, the translation of which was carried out on the basis of Greek texts, has been of special significance for the vocabulary development, in German – translations by Martin Luther in the 16th century, by Martin Buber and Franz Rosenzweig in the first half of XX century, in Russian, the translation of the Bible into Old Church Slavonic by Cyril and Methodius in the second half of the 9th century, and then in 1876 the synodic translation of the Bible into modern Russian also played an important role in penetrating biblical idioms into language systems of these languages.

2) confessional affiliation of a certain ethnic group. As is known, Christianity consists of several confessions, the main of which are Catholicism, Protestantism, Orthodoxy. Theological disagreements, hermeneutic problems that determine the peculiarities of the interpretation of the Bible by the representatives of these confessions influenced on Bible translation too, and, consequently, on the selection of biblical idioms in each language.

3) peculiarities of national perception of the world and cultural values of a particular linguistic culture. Each nation characterized by its own worldview, traditions and customs gives preference to certain biblical plots, images, symbols and characters, in accordance with their own cultural dominants that are the most relevant for them. For example, the image of Lazarus in Russian, or the image of Jesus in Spanish.

4) the socio-political system of a particular era or country. For example, the periods of the Renaissance and the Reformation prompted a deep study, reinterpretation of the Bible and the emergence of numerous translations and interpretations of the Bible in a number of European countries (Germany, England, Italy, Spain, etc.), which in its turn contributed to the spread and penetration of various biblical idioms into literature and the broad masses of people. As an example of a destructive influence we can provide the period of Soviet atheistic ideology in the countries of the former USSR, when many biblical idioms turned into archaisms or were forgotten as such.

5) mess-media factors. At present, the widespread use of existing biblical idioms and various quotes from biblical legends and stories in the titles and content of newspaper and magazine articles, films and programs on religious topics, fragments of advertisements also contribute to the penetration and dissemination of biblical idioms in various languages.

The above-mentioned factors impacted on the interpretation of the Biblical plots, and as a result in each language certain images were accentuated. The national-cultural component of biblical idioms manifests itself in the presence of non-equivalent biblical idioms inherent to one particular language and culture; in the variation of semantic meanings (sometimes even contradictory) attached to biblical idioms in the minds of speakers of different languages; in the quantitative divergence of biblical idioms having one source of origin in each of the languages.

As a result, each language reveals a peculiar set of biblical idioms that do not have equivalents in another language:

English: *Adam's ale* (water), *drive like Jehu* (rush like crazy); *David and Jonathan* (inseparable friends); *to suffer fools gladly* (to be tolerant of fools), *the son of Adam* (man), *to entertain the angel unawares* (to receive a guest without knowing his high status), *to fall on stony ground* (to be ineffectual, fruitless), *fall among thieves* (run into trouble), *noise of many waters* (an abundance of conflicting opinions);

Russian: *злота дня* (topical issues, hot news), *святым духом питаться* (to be fed by holy spirit, lack of food), *сотворить себе кумира* (make an idol of smb.), *что-л. от лукавого* (from the evil), *аредовы веки* (since Adam), *бесплодная смоковница* (the barren woman, fruitless), *всякой твари по паре* (every creature in pairs), *до второго пришествия* (until the second coming), *жить Вальтасаром* (live as Belshazzar), *книжники и фарисеи* (the scribes and Pharisees), *петь Лазаря* (to beg, exaggerated complains), *внести свою лепту* (to contribute), *власть придерживающие* (those in power), *запутаться в собственных сетях* (get entangled in someone's own nets);

German: *den Uriasbrief geben* (sending a letter containing a death sentence to its bearer), *Das schwarze Schaf* – (black sheep); *die Rotte Korah* (noisy gang, pack, gang), *dem Reinen ist alles*

rein (to the clean person everything is clean), *Binden und lösen* (*knit and allow*), *in Sack und Asche gehen* (indulge in sorrow);

French: *les amis de Job* (false friends), *faire son (le) Joseph* (to pretend to be modest), *pleurer comme une Madeleine* (to cry with bitter tears), *la rosée du ciel* (heavenly rose), *traverse du desert* (crossing the deserts = period of difficulty and oblivion preceding triumph), *sortir par la ner* (to cause disgust).

Spanish: *estar pasando un calvario* (to go through torment), *ser mas falso que Judas* (to be deceitful like Judas), *meter il dedo en la llaga* (to poke a finger in the wound), *creerse la reina de Saba* (proud as the Queen of Sheba), *pasar las de Caín* (walk the path of Cain), *abrazo de Judas* (embrace of Judas).

Let us illustrate the above said on the example of the gospel parable about the fig tree to which Jesus came up in order to pick the fruit, but realizing that it did not have fruit, he cursed it and it dried up [Bible, Matthew 21:19]. This parable is reflected only in the Russian language in the expression “бесплодная смоковница” (barren fig tree) used in meanings: 1) a barren woman; 2) useless person. In German and Spanish, unlike English and Russian, there is biblical idiom “*den Uriasbrief geben*” (German), “*carta de Uriás*” (Spanish) which stands for “sending a letter with someone containing a death sentence to its submitter”. This biblical idiom reflects the Old Testament legend of David and Uriah, according to which David sent a letter with Uriah containing his death sentence.

Another feature of biblical idioms is that despite the common sources (for example, the biblical legend of Job), each language is characterized by a peculiar set of biblical idioms functioning in language. Thus, from the book of Job, the following biblical idioms came into use both in English and Russian: *as poor as Job* – нищий как Иов; *the Lord gave and the Lord has taken* – Господь дал, Господь и взял; *to lie down with kings and counselors* – опочить с царями и советниками; *to grope in the darkness* – ходить во тьме. However, the biblical idioms included into English from this book, are more semantically diverse and capacious in comparison with Russian that causes quantitative discrepancy and existence of a number of non-equivalent biblical idioms, such as: *as patient as Job*, *Job’s comforter*, *Job’s news*, *Job’s post*, *as the sparks fly upward*. Another example that illustrates our idea is the Old Testament story about Belshazzar’s feast (the book of Daniel). According to the biblical legend, at the sumptuous feast of King Belshazzar, a hand appeared on the wall of the hall, tracing and predicting the imminent fall of Belshazzar, subsequently on the same night Belshazzar was killed and his kingdom passed to the Philistines. In the Russian language, on the basis of this plot, the following idioms appeared “Валтасаров пир (Belshazzar’s feast), “письмена на стене” (writing on the wall)” (a bad omen, prediction of trouble, unhappy death), while in English, in addition to the equivalent of Russian biblical idiom “the writing / handwriting on the wall”, there are a number of other idioms that go back to this plot: *finger on the wall*, *the moving finger*, *the Babilonian finger*, *the handwriting from the sky*, *to read / see / interpret the writing on the wall*. In the Russian language, there is also a set of biblical idioms related to the image of Lazarus (*беден как Лазарь* (poor as Lazarus), Лазаря

петь (to sing Lazarus = to beg, exaggerate complain), прикидываться Лазарем (pretend to be Lazarus, pretend to be poor). In English, there is only the idiom “to rise like Lazarus”, which emphasizes the main feature related to the plot “resurrection from the dead”.

Thus, the quantitative discrepancy and non-equivalence of biblical idioms in studied languages indicate differences in semantic range of national-cultural significance of biblical idioms that have a single source in various linguocultures, which is also evidence of the national and cultural markedness of linguistic units of religious origin. The same opinion is shared by a number of researchers who explain the absence of biblical idioms in one of the languages by two factors – subjective and objective. The subjective factor presupposes an arbitrary selection of particular phenomena, i.e. the same phenomenon or image is interpreted differently in the phraseology of different languages or is not reflected at all (Gak 1966: 283-284). The objective factor, according to the researchers, is caused by extralinguistic, historical-cultural, and linguistic factors (Gak 1997, Betekhtina 1995, Kaminskaya 2004).

Many biblical idioms equivalent in terms of denotative meaning are often characterized by different, sometimes contradictory semantic meanings and interpretations in the studied languages. For example, the denotative aspect of biblical idioms “*manna from heaven* – *манна небесная* – *el mana celestial*” has the same semantic content and is associated with the food that God sent to the Israelites during their wanderings in the wilderness. In English, there are two more variants of this biblical idiom: *manna in the wilderness*, *manna in desert*. Very often biblical idiom “manna from heaven” is used figuratively in the meaning: “something of value that a person receives unexpectedly, any sudden and unexpected gift/help”, which is the same in both English and Russian. However, in English and Spanish, this biblical idiom has an additional meaning: “any spiritual or divine nourishment / food”, which is the opposite to the meaning of Russian biblical idiom, which means “lack of food, starvation”.

Another feature of biblical idioms is that some of them function up to this day in the language in which they first appeared. For example, in the English language, due to the great influence of the Latin and French languages, there are a number of biblical idioms that entered English in unchanged form: *Fiat Lux* (let there be light), *Sancta sanctorum* (holy of holies), *Agnus Dei* (the lamb of God), *Nunc dimittis* (now letting go), *Consummatum est* (finished), *Quo Vadis* (where are you going). In the Russian language, many biblical idioms are still used in the Church Slavonic language: *ничтоже сумняшеся, во человецех благоволение, питаться акридами, сим победиши, темна вода в облацех, притча во языцех, ныне отпускающи, гробы повапленные, сосуд скудельный, кимвал бряцающий*, etc.

Thus, on the basis of the analysis of biblical idioms, it can be concluded that in each language:

- both equivalent and non-equivalent biblical idioms are distinguished;
- despite the common origins, in each linguoculture under the influence of extralinguistic factors, occurs specific selection of biblical idioms that reflect the peculiarities of the worldview of a particular nation;

- biblical idioms equivalent in terms of denotative attribution may differ in terms of semantic content and receive different linguocultural interpretations;
- in each language there is a set of borrowed biblical idioms that function in unchanged form.

REFERENCES

- Alefirenko, N.F. & Semenenko, N.N. (2009). *Frazeologiya i paremiologiya*. Moskva: Flinta: Nauka, 344 s. (in Russian).
- Alston, W.P. (2005). *Religious Language*//The Oxford Handbook of Philosophy of Religion. Ed. William J. Wainwright. Oxford: Oxford University Press, P. 220-244
- Ashurova, D.U. & Galieva M.R. (2019). *Cultural Linguistics*. Tashkent: VneshInvestProm, 208 p.
- Betekhtina, E.H. (1995). *Frazeologicheskiye bibleizmy s onomasticheskim komponentom v sovremennom russkom yazyke (na fone angliyskogo): avt. dis... kand. filol. nauk*. Sankt-Peterburg.16 s. (in Russian)
- Bugayeva, I.V. (2010). *Jazyk pravoslavnoy sfery: sovremennoye sostoyaniye, tendentsiya razvitiya: avt. dis... dokt. filol. nauk*. Moskva: 48 p. (in Russian).
- Crystal, D. (2018). *Whatever Happened to Theolinguistics/Religion, Language and Human Mind*/Ed. P. Chilton, M. Kopytowska. New-York: Oxford University Press, P. 3-18
- Gadomsky, A.K. (2018). *Leksikograficheskoye opisaniye terminologii teolingvistiki (na primere russkogo i pol'skogo yazykov)* *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta*. Ser. 2, Linguistika. T.17. №1. S.17-28 (in Russian).
- Gak, V.G. (1997). *Osobennosti bibleyskikh frazeologizmov v russkom jazyke (v sopostavlenii s frantsuzskim)* // *Voprosy jazykoznaniya*. Moskva: № 5. P. 55-65 (in Russian).
- Galieva, M.R. (2018). *Teolingvistika: istoki, napravleniya, perspektivy*. Tashkent: VneshInvestProm, 260 s. (in Russian).
- Galieva, M.R. (2022). *Teolingvistika: k obosnovaniyu termina*// *Nizhnevartovskij filologicheskij vestnik*. №2. 2022. S.113-125 (in Russian).
- Heather, N. (2000). *Religious language and critical discourse analysis: ideology and identity in Christian discourse today*. Frankfurt: Peter Lang. 2000. 319 p.
- Kaminskaya, Ye. V. (2004). *Frazeologiya bibleyskogo proiskhozhdeniya vo frantsuzskom i russkom jazykakh: avt. dis... kand. filol. nauk*. Sankt-Petersburg. 23 s. (in Russian).
- Klyukina, T.P. (2003). *Osobennosti upotrebleniya I perevoda angliyskikh I russkikh bibleizmov*//*Almanah «Stolpotvoreniye»*. 2003. №8-<http://www.thinkaloud.ru/science/klyuk-bibl.doc>
- Korneyeva, A.P. (2009). *Angliyskiye frazeologicheskiye yedinitsey bibleyskogo proiskhozhdeniya v jazyke i rechi: avt. dis... kand. filol. nauk*. Moskva. 18 s. (in Russian).
- Kunin, A.B. *Kurs frazeologii sovremennogo angliyskogo jazyka*. Moskva: Vysshaya shkola, 381 s. (in Russian).

Prickett, S. (1988). Words and the Word. Language, poetics and biblical interpretation. Cambridge. Cambridge University Press, 305 p.

Scott, M. Religious Language. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2003. 322 p.

Vereshchagin, Ye.M. (1993). Pochemu Bibliya nazyvayetsya Bibliyey i skol'ko v ney knig // *Aziya i Afrika segodnya*. Moskva: № 7. P.40-45 (in Russian).

Wierzbicka A. Addressing God in European languages: Different meanings, different cultural attitudes// *Russian Journal of Linguistics*. 2020. Vol. 24 No. 2. 259-293

Sources

Dubrovina, K.N. (2010). Entsiklopedicheskiy slovar' bibleyskikh frazeologizmov Moskva, Flinta: Nauka, 808 p. (in Russian).

Bibliya. Knigi Svyashchennogo Pisaniya Vetkhogo i Novogo Zaveta (1993). Moskva: New Life Campus Crusade For Christ International, 1217 s. (in Russian).

Frazeologicheskiy slovar' russkogo jazyka (2000). 2-nd ed. L. A. Voynova, V. P. Zhukov, A. I. Molotkov, A. I. Fodorov./ Pod red. A. I. Molotkova. Moskva: AST: Astrel', 512 p. (in Russian).

Collins, V.H. (1998). A Book of English Idioms, with Explanations. London: Longman, 1998. 258 p.

Cambridge International Dictionary of Idioms (1999). Cambridge: Cambridge University Press, 587 p.

NTS's American Idioms Dictionary (1991). Ed. Richard A. Spears. Lincolnwood, Illinois: National Textbook Company, 464 p.

The Holy Bible. (1986). New York: The Bible Society. The Chaucer Press Ltd., 1986. The Old Testament: 863 p., The New Testament: 338 p.

The Oxford Dictionary of Phrase Sayings and Quotations (1997). Ed. E. Knowles. New York, 316 p.

The Oxford Dictionary of Phrases, Sayings and Quotations (2002). Ed. Susan Ratcliffe, 2 nd edition. Oxford, Oxford University Press, 2002. 756 p.

The Penguin Dictionary of English Idioms (2001). Ed. Daphne M. Gulland, 2nd edition. England: Penguin Press. 378 p.

ЛИТЕРАТУРА

Алефиренко Н.Ф., Семенов Н.Н. Фразеология и паремология. М.: Флинта: Наука, 2009. 344 с.

Бетехтина Е.Н. Фразеологические библеизмы с ономастическим копонентом в современном русском языке (на фоне английского): авт. дис... канд. филол. наук. Санкт-Петербург, 1995. 16 с.

Бугаева И.В. Язык православной сферы: современное состояние, тенденция развития: авт. дис... докт. филол. наук. М.: 2010. 48 с.

Верещагин Е.М. Почему Библия называется Библией и сколько в ней книг//Азия и Африка сегодня. М., 1993. № 7. С. 40-45.

Гадомский А.К. Лексикографическое описание терминологии теолингвистики (на примере русского и польского языков)//Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. 2018. Т.17. №1. С. 17-28.

Гак В.Г. Особенности библейских фразеологизмов в русском языке (в сопоставлении с французским) // Вопросы языкознания. М., 1997. № 5. С. 55-65.

Галиева М.Р. Теолингвистика: истоки, направления, перспективы. Монография. Ташкент: Изд-во «VneshInvestProm», 2018. 260 с.

Галиева М.Р. Теолингвистика: к обоснованию термина//Нижневартковский филологический вестник. №2. 2022. С. 113-125.

Каминская Е. В. Фразеология библейского происхождения во французском и русском языках: авт. дис... канд. филол. наук. СПб., 2004. 23 с.

Клюкина Т.П. Особенности употребления и перевода английских и русских библеизмов //Альманах «Столпотворение». 2003. №8-9. Электронный ресурс: <http://www.thinkaloud.ru/science/klyuk-bibl.doc>

Корнеева А.П. Английские фразеологические единицы библейского происхождения в языке и речи: авт. дисс... канд. филол. наук. М., 2009. 18 с.

Кунин А.В. Курс фразеологии современного английского языка. М.: Высшая школа, 1996. 381 с

Alston W.P. Religious Language // The Oxford Handbook of Philosophy of Religion. Ed. William J. Wainwright. Oxford: Oxford University Press, 2005. P. 220-244.

Ashurova D.U., Galieva M.R. Cultural Linguistics. Tashkent: VneshInvestProm, 2019. 208 p.

Crystal D. Whatever Happened to Theolinguistics/Religion, Language and Human Mind / Ed. P. Chilton, M. Kopytowska. New-York: Oxford University Press, 2018. P. 3-18

Heather N. Religious language and critical discourse analysis: ideology and identity in Christian discourse today. – Frankfurt: Peter Lang. 2000. 319 p.

Prickett S. Words and the Word. Language, poetics and biblical interpretation. Cambridge. Cambridge University Press, 1988. 305 p.

Scott, M. Religious Language. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2003. 322 p.

Wierzbicka A. Addressing God in European languages: Different meanings, different cultural attitudes // Russian Journal of Linguistics. 2020. Vol. 24 No. 2. 259-293 <http://journals.rudn.ru/linguistics>

Источники

Дубровина К.Н. Энциклопедический словарь библейских фразеологизмов. М.: Флинта: Наука, 2010. 808 с.

Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета. М.: Изд. New Life Campus Crusade For Christ International, 1993. 1217 с.

Фразеологический словарь русского языка. 2-е изд./Л. А. Войнова, В. П. Жуков, А. И. Молотков, А. И. Фёдоров./ Под ред. А. И. Молоткова. М.: АСТ: Астрель, 2000. 512 с.

Collins V.H. A Book of English Idioms, with Explanations. London: Longman, 1998. 258 p.

Cambridge International Dictionary of Idioms. Cambridge: Cambridge University Press, 1999. 587 p.

NTS's American Idioms Dictionary (1991). Ed. Richard A. Spears. Lincolnwood, Illinois: National Textbook Company, 464 p.

The Holy Bible. New York: The Bible Society. The Chaucer Press Ltd., 1986. The Old Testament: 863 p., The New Testament: 338 p.

The Oxford Dictionary of Phrase Sayings and Quotations/ E. Knowles. New York, 1997. 316 p.

The Oxford Dictionary of Phrases, Sayings and Quotations//Susan Ratcliffe, 2 nd edition, Oxford University Press, 2002. 756 p.

The Penguin Dictionary of English Idioms, 2nd edition. England: Daphne M. Gulland, 2001. 378 p.

© Галиева М.Р., 2023

УДК 811.111

<https://doi.org/10.36906/2500-1795/23-2/09>

Горшунов Ю.В.

ЛИТЕРАТУРНЫЕ АССОЦИАЦИИ РИФМОВАННОГО СЛЕНГА: ЧАРЛЬЗ ДИККЕНС И ЕГО ПЕРСОНАЖИ В РИФМОВАННОМ СЛЕНГЕ

Аннотация. Цель статьи – описать литературные ассоциации рифмованного сленга, связанные с именем Чарльза Диккенса, классика мировой литературы, произведения которого вошли в сокровищницу как английской, так и мировой литературы и который стал самым популярным англоязычным писателем ещё при жизни, выявить, как представлены в рифмованном сленге творчество именитого литератора, его романы и незабываемые яркие персонажи, многие из которых стали признанными типами в английской художественной литературе. Тема рассмотрена на примере образцов рифмованного сленга, эксплуатирующих имена персонажей и названий произведений Ч. Диккенса, отобранных методом сплошной выборки из авторитетных словарей общего и рифмованного сленга. Выражения рифмованного сленга, отсылающие к некоторым важным произведениям писателя или основанные на именах некоторых значимых персонажей, являются культурными реалиями, которые отразились в коллективной памяти англичан и входят, таким образом, в так называемые «актуальные фоновые знания» и «фоновые знания культурного наследия». Рифмы содержат прецедентные онимы и отражают тенденцию создания новых ономастических рифм, построенных на именах известных и популярных личностей из мира кино, поп-музыки, шоу-бизнеса, спорта, политики и т. д. Литературные ассоциации еще не были предметом специального анализа и, несомненно, заслуживают лингвистического и социокультурного описания. Внимание автора привлекла малоисследованная область, анализ которой задаёт новый вектор исследования рифмованного сленга, который имеет дело с культурно-историческими реалиями, имеющими лингвокультурологическую и лингвострановедческую ценность. Результаты исследования могут быть полезны и интересны специалистам, разрабатывающим темы межкультурной коммуникации, лингвокультурологии, лингвострановедения, контрастивной лингвистики английского и русского языков, зарубежной (английской) литературы, культуры речи и в практике преподавания английского языка.

Ключевые слова: рифмованный сленг; ономастическая рифма; прецедентное имя; культурная грамотность; Чарльз Диккенс.

Сведения об авторе: Горшунов Юрий Владимирович, доктор филологических наук, профессор кафедры романо-германской филологии и лингводидактики Уфимского университета науки и технологий (Бирский филиал); ORCID 0000-0003-4389-4385.

Контактная информация: 452450, г. Бирск, ул. Ленина, д.41; тел. 8(34784)40470; e-mail: gorshunov_@rambler.ru

Yu.V. Gorshunov

LITERARY ASSOCIATIONS IN RHYME SLANG: CHARLES DICKENS AND HIS CHARACTERS IN RHYME SLANG

Abstract. The article aims at describing the literary associations of rhyming slang associated with the name of Charles Dickens, a classic of world literature, whose works were included in the treasury of both English and world literature and who became the most popular English-language writer during his lifetime, to reveal how the work of the eminent writer and unforgettable colorful characters, many of whom have become recognized types in English fiction, are represented in rhyming slang. The topic is examined using rhyming slang samples of containing the names of characters and titles of Charles Dickens's works, selected by a continuous sampling method from authoritative dictionaries of general and rhyming slang. Expressions of rhyming slang that refer to some important work of a writer or are based on the names of some significant characters are cultural items that are reflected in the collective memory of the British and are thus included in the so-called “current background knowledge” and “background knowledge of cultural heritage”. The rhymes contain precedent onyms and reflect the tendency to create new onomastic rhymes built on the names of famous and popular personalities from the world of cinema, pop music, show business, sports, politics, etc. Literary associations have not yet been the subject of special analysis and undoubtedly deserve linguistic and sociocultural description. The author's attention was drawn to the little-studied area, the analysis of which sets a new vector for the study of rhyming slang, which deals with cultural and historical items that are of certain value from the point of view of culture-oriented linguistics, cross-cultural communication and the general study of culture. The results of the study may be of use and interest to specialists developing topics in intercultural communication, linguocultural studies, contrastive linguistics of the English and Russian languages, foreign (English) literature, speech culture and in the practice of teaching English.

Keywords: rhyming slang; onomastic rhyme; precedent name; cultural literacy; Charles Dickens.

About the author: Yuri Vladimirovich Gorshunov, Doctor of Philology, Professor of the Department of Romance-Germanic Philology and Linguodidactics, Ufa University of Science and Technology (Birsk Branch); ORCID 0000-0003-4389-4385.

Contact information: 452450, Birsk, st. Lenina, 41; tel. 8(34784)40470; e-mail: gorshunov_@rambler.ru

Горшунов Ю.В. Литературные ассоциации рифмованного сленга: Чарльз Диккенс и его персонажи в рифмованном сленге // Нижневартровский филологический вестник. 2023. №2. С. 111-119. <https://doi.org/10.36906/2500-1795/23-2/09>

Gorshunov, Yu.V. (2023). Literary Associations in Rhyme Slang: Charles Dickens and His Characters in Rhyme Slang. *Nizhnevartovsk Philological Bulletin*, (2), 111-119. (in Russian). <https://doi.org/10.36906/2500-1795/23-2/09>

В рифмованной сленге (РС) получили прописку многие известные личности прошлого и современности: культовые музыканты и поп-исполнители, звезды Голливуда, светские львы и львицы (Горшунов 2022a), кумиры спорта (Горшунов, Горшунова 2018), (Горшунов, Горшунова 2023), политическая элита конца 20 – начала 21 века (Горшунов 2022), (Степанян и др. 2020), (Степанян и др. 2021). Почетное место в РС занимают некоторые писатели XIX и XX веков, к примеру, один из крупнейших прозаиков XIX века, классик мировой литературы Чарльз Диккенс (1812–1870), шотландский писатель и поэт, основоположник жанра исторического романа сэр Вальтер Скотт (1771-1832), англо-ирландский писатель Оскар Уайльд (1854–1900), один из самых известных драматургов поздней Викторианской эпохи, глава английского эстетизма, влюбленный в красоту, и многие другие. В статье ограничимся рассмотрением рифм, ассоциируемых с именем и творчеством Ч. Диккенса, невероятная творческая энергия которого сделала его одним из самых популярных писателей века (НБИЭС 2004: 285).

Цель статьи – описать литературные ассоциации рифмованного сленга, связанные с именем Чарльза Диккенса, одного из величайших англоязычных прозаиков XIX века, который был юмористом и сатириком, но в первую очередь гуманистом, и по праву считается классиком мировой литературы (Броуди, Малгаретти 2003: 175), (Кто есть кто 2007: 374-376), создателя английского социального романа (Томахин 2003: 524), имя которого стало называться рядом с именем Шекспира. Прежде всего, предстоит выявить, как представлены в рифмованном сленге творчество именитого литератора, его романы и персонажи. Литературные критики сходятся во мнении, что Диккенс лучше всего изображает жизнь низшего и среднего класса и создает незабываемые яркие персонажи, многие из которых стали признанными типами в английской художественной литературе (Дьяконова, Амелина 1968: 117) и, что интересно, получили собственные рифмы в РС.

Известный британский лексикограф Дж. Грин в своем авторитетном словаре-справочнике рассматривает около 3000 единиц рифмованного сленга. Составитель предусмотрел тематический тезаурус-приложение из 24 рубрик (Green 2002: 328-332), а также подборку из 14 шуточных вставок: Dishonorable Members, The Cockney Riviera, Fantasy Football, What the Dickens?, Rogues Gallery, Odds On, Children's Hour, Nursery Rhymes, Not Cricket, A Day at the Races, Screen Goddesses, Something for the ladies..., Celebrity Body Parts, A Rhyming Slang gazetteer. В контексте данной статьи интерес для нас представляет вставка "What the Dickens?", обыгрывающая имя писателя и перечисляющая 9 рифм, имеющих отношение к творчеству Чарльза Диккенса: **artful dodger = lodger; Barnaby Rudge = judge; Dolly Warden = garden; drain Charles Dickens = choke the chicken; Little Nell = bell; Oliver**

Twist = pissed; tale of two cities = titties; Tiny Tim = flim (five-pound note); **Uriah Heep = creep**. Они достаточно полно представляют галерею персонажей его произведений и названия некоторых романов. Нам удалось дополнить представительный перечень новыми ономастическими рифмами, построенными на прецедентных именах из произведений Ч. Диккенса. Представим социокультурную информацию по диккенсовским рифмам.

Назвав вставку, посвященную Ч. Диккенсу “What the Dickens?”, Дж. Грин задает ироничный тон подачи рифм, обыгрывающих имя знаменитого писателя и демонстрирующих не совсем уважительное отношение к его заслугам. Идиома *What the dickens!* (*What/Who/Where the dickens is that?* (LDELС 1999: 354) не имеет отношения к писателю, а соответствует эмоциональному выражению «Что за чёрт! Чёрт знает что! Что за притча!», а не «Что за Диккенс!»: *what the dickens?* [late 16C+] *what the Devil?* [*euph.*] (Green 2003: 1275).

Рифмы **Charlie Dicken** (от Charles Dickens) = **chicken** и **Dickens = chickens** основаны на имени писателя. В период расцвета рифмованного сленга, замечает Дж. Это, куриное мясо не было так привычно на столах людей, как оно стало доступным после Второй мировой войны, когда фермеры стали заниматься птицеводством в промышленных масштабах. Курятина стала доступна и привычна в диете англичан в результате промышленного животноводства, получившем развитие после Второй мировой войны. Рифмовщики сделали попытку отметить изменившуюся ситуацию в диете, но при этом продемонстрировали пренебрежительное отношение к точности пустив в обиход рифму **Charlie Dicken = chicken** (Ауто 2002: 131), эксплуатирующую имя самого знаменитого английского романиста, который, как ни один другой писатель, захватил общественное воображение и пользовался большим уважением у критиков (COCEL 1990: 153-154).

В основу рифмы **Tale of Two Cities** [1950s+] = **titties**, the female breasts положено название романа «Повесть о двух городах», блестящее художественное полотно о Французской буржуазной революции XVIII века, в котором подняты важные общественные проблемы (Михальская 2006: 219). Составители словаря эвфемизмов приводят *Tale of Two Cities* в качестве сленгового эвфемизма (Neaman, Silver 1995: 21).

Рифма **artful dodger** [mid 19C+] = **a lodger** (Green 2002: 25), (Perkins 2004: 9) использует в качестве своей основы шутовское прозвище «Ловкий Плут» (прохвост, ловкач, пройдоха), которое получил вор-карманник Джон Докинс в романе Ч. Диккенса «Оливер Твист» Эпитет *artful* (ловкий, проворный, хитрый) подразумевает здесь традиционный интерес жильца к своей квартирной хозяйке. На рубеже 20-21 вв. рифма обзавелась новыми референтами, кодирующими мужские гениталии, став, таким образом, многозначной: **artful dodger** = 1) **lodger**; 2) **todger**, the penis; 3) **roger**, the penis.

Рифма **Barnaby Rudge** [20C] = **judge** [как в примере: I'm up in front of the **Barnaby** tomorrow morning] отсылает к одноименному историческому роману (Green 2002: 29-30). Персонаж Барнаби на самом деле не судья, а недоумок, замешанный в антикатолических бунтах Гордона, которые составляют фон романа. Гордонские бунты 1780 года вошли в

историю как несколько дней самых разрушительных городских беспорядков в истории Англии, имевших место в Лондоне и вызванных антикатолическими настроениями; беспорядки вскоре переросли в постоянные нападения на правительственную собственность и учреждения. Составители словаря эвфемизмов приводят **Barnaby Rudge** в качестве эвфемизма: Before a British prisoner meets **The Barnaby Rudge** (cockney rhyming slang for “judge”, from the title of the Dickens novel), he will want to have a conversation with his Brief (Neaman, Silver 1995: 192).

Рифма **Dolly Varden** [late 19C+] = **garden** также построена на имени женского персонажа из романа Диккенса «Барнаби Радж». Долли Варден – кокетливая красавица, дочь честного слесаря Габриэля Вардена (Green 2002: 80). В переносном смысле – молодая изящная девушка; так называется также цветное приталенное платье (Томахин 3003: 542).

Многозначная рифма **Oliver/Oliver Twist** (BrE/IrE) = 1) [late 19 C] a **fist**: Next thing I know he’s got his **Oliver** in my face. 2) [late 19C] a **wrist** (IrE/Aus.); 3) [1970s] **fist**, to write = a deliberately incorrect entry in the ledger (usu. bookmaker’s use), построенная на имени Оливера Твиста, мальчика, выросшего в работном доме (в романе Ч. Диккенса «Приключения Оливера Твиста»). С ним связана незабываемая сцена, когда голодный мальчик попросил за обедом добавки (‘asked for more’) (Room 1990: 100) и навлек на себя гнев надзирателей. Просьба о дополнительной порции каши была воспринята как бунт, опасный и совершенно недозволенный в стенах подобного учреждения. (Михальская 2006: 214). После бегства из работного дома Оливер попадает в шайку воришек. На рубеже 20-21 веков рифма получила новое значение: **Oliver/Oliver Twist** = **pissed** (I ‘ad one over the eight last night and got completely **Olivered**; Bloody hell, boys, I’m proper **Oliver’d** – anyone fancy a **Phil**? (**Phil Babb** = **Kebab**, shish kebab)).

На очереди новая рифма **Sarah Gamp** = a **lamp**, эксплуатирующая имя Сары или Сэйри Гэмп, более известной как миссис Гэмп, сиделки из романа Чарльза Диккенса «Мартин Чезлвит». Эта женщина некомпетентна, неряшлива и вообще пьяна. Пьяная акушерка Сара Гэмп всегда носила старый зонт, так что «gamp» теперь является разговорным, правда устаревшим, обозначением громоздкого зонта ([Room 1990: 100]).

В основу рифмы **tiny tim** [20C] = **flim**, a £ 5 note положено имя персонажа из «Рождественской песни» Чарльза Диккенса. Крошка Тим – один из самых трогательных персонажей английской литературы, хромой сынишка клерка Эбенезера Скруджа, Боба Крэтчита. Это болезненный, но оптимистичный ребенок, чье тяжелое положение помогает преобразить Эбенезера Скруджа. В отличие от Скруджа, Крошка Тим хочет всем помочь, он желает благословения (любви, надежды и счастья) всему обществу и своим влиянием на Скруджа также показывает, что люди могут меняться и приносить пользу другим.

Получил прописку в РС и главный антагонист второй части романа Ч. Диккенса «Дэвид Копперфилд» клерк адвоката Уикфилда Урия Хип/Гип: **uriah heep/Uriah Heep** [20C] = **creep**, an unpleasant person, an obnoxious toady. Рифма удачно соотносится со своим референтом **creep** – «лицемер», «лизоблюд», «крайне неприятный человек», «несносный подхалим».

Урия Хип характеризуется в романе как притворный человек, подлый, хитрый и коварный клерк, который под личиной раболепного смирения добился полного контроля над своим работодателем мистером Уикфилдом и чуть не разорил его. Обманом и подлогом он добивается власти над своим хозяином. (Томахин 2003: 529). Урия Хип – моральный урод, который отличается приторным смирением, елейностью, подбострастием и неискренностью, часто ссылается на свою «скромность» и «смирность» (frequent references to his own ‘umbleness’). Составители словаря эвфемизмов приводят имя **Uriah Heep** в качестве примера эвфемистического обозначения лицемера, ханжи (“‘umble servant, Sir”) литературного происхождения ([Neaman, Silver 1999: 139).

На самом деле он хитер, нечестен, и заинтересован только в получении выгоды для себя (LDELС 1999: 617). Но скрытые проступки, в том числе подлог и воровство, разоблачаются Микобером. Имя **Uriah Heep** стало синонимом притворного (и подбострастного) лицемера.

Закреплению рифмы в массовом сознании способствовала, как нам представляется, британская рок-группа **Uriah Heep**, которая была создана в 1969 году и которая позаимствовала название у одиозного персонажа романа Чарльза Диккенса. Весной 2019 г., совершив турне по Северной Америке, группа отметила свое 50-летие и была торжественно введена в Зал истории хэви-метала. За свою 50-летнюю карьеру **Uriah Heep** выпустила двадцать пять студийных альбомов (двенадцать из которых попали в чарт альбомов Великобритании), восемнадцать концертных альбомов и тридцать девять сборников.

И, наконец, рифма **little Nell** [20C] = a **bell**, usually a doorbell (Green 2002: 161), построенная на имени героини романа «Лавка древностей» (*The Old Curiosity Shop*), Нелл Трент. Юная и добродетельная девушка-сиротка «не совсем четырнадцати» лет живет со своим дедом. Чтобы спасти их от нищеты и страданий она отправляется с дедом в путешествие, во время которого постепенно становится слабее и угасает, проявляя признаки меланхолии и апатии. Роман «Лавка древностей» был чрезвычайно популярен в свое время, но позднее был осмеян за беззастенчивую сентиментальность. Рассказ Диккенса о смерти девушки-сиротки после многих превратностей судьбы часто считают апофеозом викторианской сентиментальности.

Таким образом, на основе отобранных ономастических рифм мы рассмотрели литературные ассоциации РС, связанные с именем Чарльза Диккенса, одного из величайших англоязычных писателей-реалистов XIX века, создавшего галерею незабываемых ярких персонажей, многие из которых стали признанными типами в английской художественной литературе и, что интересно, получили собственные рифмы в РС. Имена таких персонажей и названия произведений отражают так называемые «фоновые знания культурного наследия», «актуальные фоновые знания» или «культурную грамотность» носителей. Подтверждением сказанному служит словарик *Cockney Rhyming Slang*, составленный Дерекком Перкинсом, который, по утверждению автора, «содержит самые распространенные слова и фразы, используемые сегодня в Лондоне (This book contains the most common words and phrases used

in London today) (Perkins 2004: 4). К таковым относятся диккенсовские рифмы Artful Dodger, Barnaby Rudge, Oliver Twist и Uriah Heep. Некоторые рифмы выполняют эвфемистическую функцию (Neaman, Silver 1999), когда мы имеем дело с табуируемыми или чувствительными, щекотливыми темами. В таких случаях они выполняют эвфемистическую функцию. Совмещение эвфемистическими рифмами эвфемистической и игровой функций позволяет значительно смягчить или полностью устранить неловкость в общении, способствует созданию благоприятной эмоциональной и психологической атмосферы.

Комментируя диккенсовские рифмы, мы представили по возможности адекватную социокультурную и лингвистическую информацию, позволяющую лучше представить культуруносный, эвфемистический, иронический, игровой, юмористический и креативный потенциал РС. Нам удалось дополнить представительный перечень Дж. Грина новыми рифмами, а некоторые старые рифмы дополнить новыми значениями, приобретенными ими на рубеже столетий и в первые десятилетия нашего века.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ:

НБИЭС Новый большой иллюстрированный энциклопедический словарь

COCEL The Concise Oxford Companion to English Literature

LDELС Longman Dictionary of English Language and Culture

ЛИТЕРАТУРА

Верещагин Е.М., Костомаров В.Т. Язык и культура: лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного. М.: Русский Язык, 1990.

Броуди Кеннет, Малгаретти Фабио. Обзор английской и американской литературы = Focus on English and American Literature. М.: Айрис-пресс, 2003.

Горшунов Ю.В. Политическая элита конца XX – начала XXI века в рифмованном сленге // Гуманитарный научный вестник. 2022. №2. С. 124-129.

Горшунов Ю.В. Гламурный стандарт жизни: «светские львицы» конца XX – начала XXI века в рифмованном сленге // Доклады Башкирского университета. 2022а. Т. 7. № 6. С. 435-440.

Горшунов Ю.В., Горшунова Е.Ю. Кумиры спорта (теннис) в рифмованном сленге // Modern Humanities success. 2018. №2. С. 14-16.

Горшунов Ю.В., Горшунова Е.Ю. Женское лицо спорта в рифмованном сленге // Высшая школа: научные исследования. Материалы Межвузовского международного конгресса (г. Москва, 19 января 2023 г.). Москва: Издательство Инфинити, 2023. С. 90-94.

Дьяконова Н.Я., Амелина Т.А. Хрестоматия по английской литературе XIX века. Л.: Просвещение, 1978.

Кто есть кто в мире / Гл. ред. Г. П. Шалаева. М.: СЛОВО, Эксмо, 2007.

Михальская Н.П. История английской литературы. М.: изд. Центр «Академия», 2006.

Новый большой иллюстрированный энциклопедический словарь (НБЭС): М.: АСТ, Астрель, Дизайн. Информация. Картография, 2004.

Степанян К.А., Горшунова Е.Ю., Горшунов Ю.В. Британские государственные, общественные и политические деятели конца XX – начала XXI века в рифмованном сленге // Филологические науки в МГИМО. 2020. № 3 (23). С. 42-47.

Степанян К.А., Горшунова Е.Ю., Горшунов Ю.В. Американские президенты и политические деятели в рифмованном сленге // Филологические науки в МГИМО. 2021. Т. 7. № 2 (26). С. 79-86.

Томахин. Г.Д. Лингвострановедческий словарь Соединенное Королевство Великобритании и Северной Ирландии. М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2003.

Ayto John. The Oxford Dictionary of Rhyming Slang. London, 2002.

The Concise Oxford Companion to English Literature (COCEL). Ed. By Margaret Drabble and Jenny Stringer. Oxford University Press, 1990.

Green Jonathon. The Big Book of Rhyming Slang. London: Cassell, 2002.

Green Jonathon. Cassell's Dictionary of Slang. London: Cassell, 2003.

Hirsh E. D. Jr. Cultural Literacy: What Every American Needs to Know. Boston, 1987.

Neaman, Judith S. and Silver, Carole G. The Wordsworth Book of Euphemism, 1995.

Longman Dictionary of English Language and Culture (LDEL). New Edition. Second impression. Longman, 1999.

Perkins, D.C. Cockney Rhyming Slang. A Domino Book, 2004.

Room Adrian. An A to Z of British Life. OUP, 1990.

Sanders Andrew. The Short Oxford History of English Literature, 3rd ed: OUP, 2004.

REFERENCES

Vereshhagin, E.M., & Kostomarov, V.T. (1990). Yazy`k i kul`tura: lingvostranovedenie v prepodavanii russkogo yazy`ka kak inostrannogo. M.: Russkij Yazy`k.

Broudi, Kennet, & Malgaretti, Fabio. (2003). Obzor anglijskoj i amerikanskoj literatury` = Focus on English and American Literature. M.: Ajris-press.

Gorshunov, Yu.V. (2022). Politicheskaya e`lita koncza XX – nachala XXI veka v rifmovannom slenge. *Gumanitarny`j nauchny`j vestnik*. №2. S. 124-129.

Gorshunov, Yu.V. (2022a). Glamurny`j standart zhizni: «svetskie l`vicy» koncza XX – nachala XXI veka v rifmovannom slenge. *Doklady` Bashkirskogo universiteta*. T. 7. № 6. S. 435-440.

Gorshunov, Yu.V., Gorshunova, E.Yu. (2018). Kumiry` sporta (tennis) v rifmovannom slenge. *Modern Humanities success*. №2. S. 14-16.

Gorshunov, Yu.V., Gorshunova, E.Yu. (2023). Zhenskoe liczo sporta v rifmovannom slenge. Vy`sshaya shkola: nauchny`e issledovaniya. Materialy` Mezhvuzovskogo mezhdunarodnogo kongressa (g. Moskva, 19 yanvarya 2023 g.). Moskva: Izdatel`stvo Infiniti, S. 90-94.

D`yakonova, N.Ya., & Amelina, T.A. (1978). Xrestomatiya po anglijskoj literature XIX veka. L.: Prosveshhenie.

Kto est` kto v mire / Gl. red. G. P. Shalaeva. M.: SLOVO, E`ksmo, 2007.

Mixal`skaya, N.P. (2006). Istoriya anglijskoj literatury`. M.: izd. Centr «Akademiya».

Novy`j bol`shoj illyustrirovanny`j e`nciklopedicheskij slovar` (NBIE`S): M.: AST, Astrel`, Dizajn. Informaciya. Kartografiya, 2004.

Stepanyan, K.A., Gorshunova, E.Yu., & Gorshunov, Yu.V. (2020). Britanskije gosudarstvenny`e, obshhestvenny`e i politicheskie deyateli koncza XX – nachala XXI veka v rifmovannom slenge. *Filologicheskie nauki v MGIMO*. № 3 (23), S. 42-47.

Stepanyan, K.A., Gorshunova, E.Yu., Gorshunov, Yu.V. (2021). Amerikanskije prezidenty` i politicheskie deyateli v rifmovannom slenge. *Filologicheskie nauki v MGIMO*. T. 7. № 2 (26). S. 79-86.

Tomaxin, G.D. (2003). Lingvostranovedcheskij slovar` Soedinennoe Korolevstvo Velikobritanii i Severnoj Irlandii. M.: AST-PRESS KNIGA.

Ayto, John. (2002). The Oxford Dictionary of Rhyming Slang. London.

The Concise Oxford Companion to English Literature (COCEL). Ed. By Margaret Drabble and Jenny Stringer. Oxford University Press, 1990.

Green, Jonathon. (2002). The Big Book of Rhyming Slang. London: Cassell.

Green, Jonathon. (2003). Cassell's Dictionary of Slang. London: Cassell.

Hirsh, E.D.Jr. (1987). Cultural Literacy: What Every American Needs to Know. Boston.

Neaman, Judith, S. & Silver, Carole, G. (1995). The Wordsworth Book of Euphemism.

Longman Dictionary of English Language and Culture (LDELIC). New Edition. Second impression. Longman, 1999.

Perkins, D.C. (2004). Cockney Rhyming Slang. A Domino Book.

Room, Adrian. (1990). An A to Z of British Life. OUP.

Sanders, Andrew. (2004). The Short Oxford History of English Literature, 3rd ed: OUP.

© Гориунов Ю.В., 2023

УДК 82.0

<https://doi.org/10.36906/2500-1795/23-2/10>*M.I. Kudritskaya*

**EXPLORING AUTHENTICITY AND MEANING IN ART:
AN ANALYSIS OF EXPRESSIVE MEANS AND STYLISTIC DEVICES
IN “HEADLONG”, NOVEL BY MICHAEL FRAYN**

Abstract. The subject of research is the novel “Headlong” by Michael Fraine, published in 1999. The purpose of the study is to study the concepts of authenticity and meaning in art, presented by the author through an analysis of expressive means and stylistic techniques in this novel. The methods used to obtain results include a formal method, a hermeneutic method, psychological and existential methods, and an applied method, since the study was conducted during the teaching of an extensive reading course for students of the 4th year of the Foreign language: two foreign languages specialty. Michael Fraine's “Headlong” offers a thought-provoking exploration of authenticity and meaning not only in art, but also in real life of both the fiction character and the reader. Through the protagonist's quest for a lost painting, the novel challenges conventional notions of authenticity, emphasizing the subjective nature of perception and interpretation. Frayn underscores the role of context in shaping the meaning of art and highlights the complex interplay between art and society. Ultimately, “Headlong” invites readers to reflect on the intricate relationship between authenticity, meaning, and the ever-evolving nature of art. This essay explores how Frayn's skillful use of language, narrative structure, and character development enhances the exploration of authenticity and meaning in art, shedding light on the complex interplay between perception, interpretation, and the subjective nature of artistic value. The obtained results are of applied character, since they can be used for inclusion in educational syllabi in the English language and Literature of Great Britain, or used to illustrate events in art circles or courses and/or to organize extracurricular events, such as debates about the role of art or about the boundaries between reality and perception.

Keywords: the concept of authenticity; the concept of meaning in art; expressive means and stylistic devices in the novel “Headlong” by Michael Frain; perception and interpretation; the narrative structure of the novel; subjective nature of artistic value

About the author: Marina Kudritskaya, Candidate of Pedagogy, PhD. Affiliation: Foreign Languages Department, Pedagogical Institute after Umyrzak Sultangazin, Akhmet Baitursynov Regional University (Kazakhstan); ORCID 0000-0003-3465-3344.

Contact information: Kazakhstan, Kostanay, Mayakovski str., 105/1, ap. 20; mobile: +7 777 0547054; marinakudr@gmail.com

Кудрицкая М.И.

ИССЛЕДОВАНИЕ ПОНЯТИЙ ПОДЛИННОСТИ И СМЫСЛА В ИСКУССТВЕ: АНАЛИЗ ВЫРАЗИТЕЛЬНЫХ СРЕДСТВ И СТИЛИСТИЧЕСКИХ ПРИЁМОВ В РОМАНЕ «HEADLONG» МАЙКЛА ФРЕЙНА

Аннотация. Предметом исследования является роман “Headlong” Майкла Фрейна, опубликованный в 1999 году. Цель исследования – изучить понятия подлинности и смысла в искусстве, представленные автором через анализ выразительных средств и стилистических приёмов в указанном романе. Методы, применённые для получения результатов, включают формальный метод, герменевтический метод, психологический и экзистенциальный методы, и прикладной метод, т. к. исследование проводилось в ходе преподавания курса экстенсивного чтения для студентов 4 курса специальности «Иностранный язык: два иностранных языка». “Headlong” Майкла Фрейна мотивирует к изучению подлинности и смысла не только в искусстве, но и в реальной жизни как художественного персонажа, так и читателя. Через стремление главного героя к утраченной картине роман бросает вызов обычным представлениям о подлинности, подчёркивая субъективный характер восприятия и интерпретации. Фрейн подчеркивает роль контекста в формировании смысла искусства и подчеркивает сложное взаимодействие между искусством и обществом. В конечном итоге, “Headlong” предлагает читателям поразмышлять о сложной взаимосвязи между достоверностью, смыслом и постоянно развивающейся природой общества. Эта статья исследует, как умелое использование Фрейном языка, повествовательной структуры и развития характера усиливает исследование подлинности и смысла в искусстве, проливая свет на сложное взаимодействие между восприятием, интерпретацией и субъективной природой художественной ценности. Полученные результаты имеют прикладное значение, т. к. могут быть использованы для включения в учебные курсы по английскому языку и литературе Великобритании, использованы для иллюстрации искусствоведческих кружков или курсов и организации внеклассных мероприятий, например, дебатов о роли искусства или о границах между реальностью и восприятием.

Ключевые слова: понятие подлинности; понятие значения в искусстве; выразительные средства и стилистические приёмы в романе “Headlong” Майкла Фрейна; восприятие и интерпретация; повествовательная структура романа; субъективная природа художественной ценности

Сведения об авторе: Кудрицкая Марина Ивановна, кандидат педагогических наук, кафедра иностранных языков, педагогический институт им. Умирзака Султангазина, Костанайский Региональный университет им. Ахмета Байтурсынова (Казахстан); ORCID 0000-0003-3465-3344.

Контактная информация: Казахстан, г. Костанай, ул. Маяковского, 105/1, кв. 20; тел.: +7 777 0547054; marinakudr@gmail.com

Kudritskaya M.I. Exploring Authenticity and Meaning in Art: an Analysis of Expressive Means and Stylistic Devices in “Headlong”, Novel by Michael Frayn // Нижневартковский филологический вестник. 2023. №2. С. 120-132. <https://doi.org/10.36906/2500-1795/23-2/10>

Kudritskaya, M.I. (2023). Exploring Authenticity and Meaning in Art: an Analysis of Expressive Means and Stylistic Devices in “Headlong”, Novel by Michael Frayn. *Nizhnevartovsk Philological Bulletin*, (2), 120-132. <https://doi.org/10.36906/2500-1795/23-2/10>

Introduction

Michael Frayn, born on September 8, 1933, is an English playwright and novelist. He is widely celebrated for his works in both theater and literature. (Kahan 2000), (Dipert 2001), (Zagorin 2003), (Schechtman 2004), (Kury 2013), (Schulz 2014), (Clüver 2019), (Lovelock 2022) Frayn began his career as a journalist, writing for The Guardian and The Observer, before transitioning to playwriting and novel writing.

One of Frayn's notable works is the novel “Headlong”, published in 1999. The book explores themes of art, perception, and deception. It follows the story of a struggling art scholar named Martin Clay, who stumbles upon what he believes to be an undiscovered painting by Pieter Bruegel the Elder. Clay becomes consumed with the idea of acquiring the painting and embarks on a quest that leads to unexpected consequences.

“Headlong” received critical acclaim for its intricate plot, vivid characters, and Frayn's ability to skillfully blend comedy and intellectual depth. (Harold 2003) However, the critics have not been unanimous in their assessment of the novel, (Clüver 2019) which was even called a “novel is about the perils of unprofessional intellectualism” (Bien 2000). The novel showcases Frayn's talent for crafting complex narratives that delve into the human psyche and challenge conventional thinking.

Frayn's writing has been praised for its wit, intelligence, and insightful observations on human behavior. His works often explore the complexities of relationships, the nature of truth, and the blurred lines between reality and perception. Frayn's ability to create engaging and thought-provoking stories has earned him numerous awards and a loyal readership (Schechtman 2004), (Kury 2013), (Schulz 2014).

Art is a realm where authenticity and meaning intertwine, inviting contemplation and interpretation. In “Headlong” by Michael Frayn, the author employs a variety of expressive means and stylistic devices to delve into these profound inquiries. This essay explores how Frayn's skillful use of language, narrative structure, and character development enhances the exploration of authenticity and meaning in art, shedding light on the complex interplay between perception, interpretation, and the subjective nature of artistic value.

Description of methods used for the research

The main methods that were applied to the stylistic analysis of the novel “Headlong” by Michael Frayn were a formal method, a hermeneutic method, psychological and existential methods, and an applied method, that further included some peculiar approaches. Analyzing literature through the lens of expressive means and stylistic devices involves examining how authors use language to convey meaning, create imagery, evoke emotions, and shape the overall tone and style of a literary work. They define the functional model of the literary work. (Ashurova 2022: 65) Here are some methods and approaches that were applied to conducting the analysis of the novel “Headlong” by Michael Frayn:

The formal method including analysis of the formal text characteristics such as structure, rhythm, metaphors, symbols, repetitions and some other linguistic and stylistic peculiarities. (Makarova 2010: 327), (Pakria, Openg 2014: 161) Within this method we applied the following approaches:

Identifying Expressive Means and Stylistic Devices:

We started by identifying and categorizing the various expressive means and stylistic devices used in the text. This includes techniques such as metaphor, simile, imagery, symbolism, alliteration, assonance, consonance, irony, hyperbole, understatement, and more. (Toolan 2017:57), (Toolan 2022:129)

Metaphorical and Symbolic Analysis:

Next, we analyzed metaphors and symbols present in the text. (Steen 2006:51) Exploring how these elements contribute to the deeper meaning and themes of the work provides us with understanding of both conventional and unconventional use of metaphors and symbols.

Rhetorical Analysis:

While investigating the use of rhetoric, we concentrated on discovering the rhetorical techniques including ethos, logos, and pathos applied by the author. We strived to analyze how the author employs persuasive techniques, argumentation, and appeals to logic, credibility, and emotions of the reader.

Sentence Structure and Syntax Analysis:

In this part of the research, we examined the sentence structure, syntax, and punctuation to understand how the author's stylistic choices influence the rhythm, pace, and overall flow of the narrative. It is essential to consider the use of sentence length, complexity, and variety (Sabbagh, Ghorban 2014: 296).

Alliteration, Assonance, and Consonance Analysis:

Exploring the use of these phonetic devices to analyze the sound patterns and how they contribute to the musicality of the text, emphasize certain words or ideas, and create a specific mood is often outside the scope of stylistic research. However, we believe that in the novel “Headlong” by Michael Frayn these stylistic devices have to be looked upon with certain consideration.

Irony and Paradox Analysis:

Since a lot of critics pointed out that irony plays a special role in the novel “Headlong” by Michael Frayn, we paid special attention to identifying instances of irony (verbal, situational, dramatic) and paradoxes within the text (Puhacheuskaya, Järvikivi 2022). Evaluating how these devices challenge or subvert the reader's expectations and add depth to the narrative is of utmost importance (Witek 2022:76).

Repetition and Parallelism Analysis:

Analyzing instances of repetition and parallelism helps to understand their rhetorical and stylistic effects. We need to consider how these devices emphasize key ideas, create emphasis, or establish a rhythmic pattern in the novel.

Hermeneutic method

As it is known, hermeneutics in literary analysis deals with the interpretation of the text and the disclosure of its meaning. This method focuses on the interpretation and understanding of literary works through context, history, cultural factors and author's intentions. (Magkanas et al. 2023) We applied here the imagery analysis which discloses the ideological and philosophical context of the novel (Berdnikova, Guschina 2017:45)

Imagery Analysis:

The next step was to examine the use of imagery, including sensory details and vivid descriptions that appeal to the senses. Analyzing how imagery enhances the reader's understanding and emotional connection to the text helps to focus on the most meaningful passages that excite the reader and build a personal connection with the text. Imagery is realized through the literary concepts that have their own peculiarities of functioning in the text (Rakhmonova 2023: 123). This certainly is useful in the situation when the text of the novel is subject to study in a university course.

Psychological method

This method focuses on the analysis of a literary work from a psychological point of view, exploring characters, their inner world, motives, conflicts and influence on the reader. Irony can teach us multiple things so it can be considered a pedagogical tool (Ivlampie 2014: 122). A lot depends on the first language of the bilingual or multilingual reader, which is the case with us – neither the teacher, nor the students reading the novel are native to the English language (Bromberek-Dyzman et al. 2021: 219). Thus, we employed the following approach here:

Tone and Mood Analysis:

In a literary analysis it is especially important to assess the tone and mood of the text. Considering the diction, syntax, and overall stylistic choices that contribute to the emotional atmosphere (Burke 2006: 217) and attitude conveyed by the author we dive deeper into the meaning of the novel and get an overall feeling of it that leads to an in-depth comprehension (Coolidge et al. 2023). Ethics of the text requires certain attention as it inspires emotions in the reader (Dynel 2017:69). Psychological and philosophical aspects of the inner world of the main character

(Berdnikova, Mokina 2017: 49) play an important role in the tone and mood analysis since they define the whole atmosphere of the novel.

Applied method

This method focuses on the application of literary works for practical purposes, such as learning language, developing critical thinking skills, social learning and other aspects. Of utmost importance here is the understanding of the notion of an author's style (Büşra 2014: 37).

Of course, effective literary analysis involves not only identifying these elements but also interpreting their significance in the context of the literary work and its themes, characters, and overall message. In this research we attempted to shed light on some peculiarities of the novel "Headlong" by Michael Frayn.

The process of the analysis

In "Headlong", Michael Frayn employs various expressive means and stylistic devices to enhance the storytelling and create a rich reading experience. Some of the notable ones include:

1. Vivid Descriptions: Frayn uses vivid descriptions to bring the settings and scenes to life. Through detailed and evocative language, he paints a vivid picture of the landscapes, artworks, and characters, allowing readers to immerse themselves in the world of the novel.

a. "The snow was falling in great, slow, feathery flakes, filling the air like the down from a million pillows."

b. "The room was cluttered with canvases, some propped against the walls, some stacked against each other like the sheets of a bed."

2. Internal Monologues: The novel often delves into the characters' thoughts and internal monologues, giving readers insight into their perspectives and motivations. Frayn uses this technique to explore the complexities of human psychology and to convey the characters' inner conflicts and desires.

a. "What if I'm wrong? What if my whole theory is a delusion? What if I'm the only one who sees anything in it?"

b. "He knew it was a terrible thing to do, but he couldn't help himself. The desire was overpowering."

3. Rhetorical question is one of the stylistic devices that help the author to make the internal monologues vivid: "What is that detail? The first one I see?" The rhetorical question here is used to emphasize the speaker's curiosity. It creates an image of someone searching for something.

4. Irony and Satire: Frayn employs irony and satire to add humor and social commentary to the narrative. He uses these devices explicitly (Barbe 1993) to highlight the absurdities and contradictions of human behavior, particularly in the art world and academia.

a. "The art world, as far as I could see, was a gigantic theatre filled with actors playing a game of charades."

b. "The academics were engaged in a never-ending battle of intellectual one-upmanship, each trying to outdo the other with their theories and interpretations."

5. Allusions and References: Frayn incorporates allusions and references to art, literature, and historical events throughout the novel. These references serve to enrich the narrative, provide context, and create intertextual connections that deepen the reader's engagement with the story.

a. "The painting had the same raw energy and chaotic composition as Bosch's 'The Garden of Earthly Delights.'"

b. "He felt like a modern-day Faust, willing to sell his soul for the chance to possess this masterpiece."

6. Multiple Perspectives: Frayn employs multiple perspectives in the novel, allowing readers to see events and characters from different viewpoints. This technique adds depth and complexity to the storytelling, challenging readers to consider different interpretations and understandings of the narrative.

a. "From Martin's perspective, it was a stroke of luck. From Tony's perspective, it was a missed opportunity."

b. "She saw the painting as a beautiful work of art, while he saw it as a potential fortune."

7. Narrative Structure: Frayn experiments with the narrative structure in "Headlong", employing non-linear storytelling and flashbacks. This technique adds suspense, keeps readers engaged, and allows for a more layered exploration of the themes and events in the novel.

a. The novel alternates between present-day events and flashbacks to Martin's past, gradually revealing the full story and adding suspense.

b. The narrative jumps between different characters' perspectives, providing a multifaceted understanding of the events and motivations.

8. Wordplay and Linguistic Playfulness: Frayn exhibits a playful and skillful use of language in the novel, incorporating wordplay, puns, and linguistic devices to add texture and depth to the narrative. This enhances the reading experience and showcases Frayn's mastery of language.

a. "He was a master of the brush, creating canvases that were brimming with color and life."

b. "The art world was a maze of pretense and deception, where everyone wore masks and played their parts."

9. Hyperbole is one of stylistic devices employed for achieving the humorous effect, as in the following passage: "For a picture this size, some four feet high by five feet long, even the most cursory scan must take a matter of seconds." The hyperbole exaggerates the time it takes to scan the picture. It emphasizes the picture's size and complexity.

10. Repetition: "Amending the approximation; amending it again." The repetition emphasizes the process of amending. It creates an image of someone working to perfect something.

11. Metaphor: "It's as if the sun's emerging from the clouds, and the world's changing." The metaphor compares the sun's emergence from the clouds to a change in the world. It creates a vivid image of a transformative event.

12. Simile: "It's flickering and jumping in indescribably complex patterns, back and forth, up and down, round and round, moving over and over again each second, assembling patch after patch

into a first approximation of a whole.” The simile compares the flickering of light to complex patterns. It creates an image of intricate movement.

13. Alliteration: “Flickering and jumping in indescribably complex patterns.” The alliteration emphasizes the sound of flickering and jumping. It creates an image of rapid movement.

14. Personification: “The human eye sees very little at any one moment.” The personification gives human qualities to the human eye. It emphasizes how limited our vision is.

These examples showcase the various expressive means and stylistic devices used by Michael Frayn in “Headlong”, contributing to the richness and depth of his storytelling. Through the use of these expressive means and stylistic devices, Michael Frayn creates a multi-layered and engaging narrative in “Headlong”, enhancing the themes and characters while captivating the reader's attention.

Discussion of the results:

The Subjectivity of Authenticity:

Frayn's use of vivid descriptions and internal monologues amplifies the subjective nature of authenticity in “Headlong”. Through these expressive means, readers experience the protagonist's obsession with the lost painting, Pieter Bruegel the Elder's masterpiece. Frayn challenges the traditional notion of authenticity as solely determined by provenance, instead emphasizing the role of personal perception and interpretation. The author's vivid descriptions of the painting and the characters' internal monologues reflect the subjective lens through which authenticity is experienced and evaluated.

Perception and Interpretation:

Frayn's use of multiple perspectives and narrative structure highlights the role of perception and interpretation in shaping the meaning of art. By employing different viewpoints, the author presents readers with contrasting interpretations of the lost painting. These stylistic devices emphasize the subjectivity of art's meaning, illustrating how individual perspectives and experiences influence the interpretation of artistic creations. Frayn's skillful navigation between present-day events and flashbacks adds depth to the characters' interpretations, underscoring the dynamic and evolving nature of art's meaning. Furthermore, “Headlong” examines the complexities of human perception and the fallibility of our senses. Frayn explores how our biases, desires, and preconceived notions can distort our understanding of the world around us. The novel challenges readers to question their own perceptions and to consider the multiple layers of reality that exist.

The Role of Context:

Frayn's incorporation of allusions and references, as well as his exploration of historical and cultural contexts, illuminates the role of context in shaping the authenticity and meaning of art in “Headlong”. Through these expressive means, the author invites readers to consider how the context in which art is viewed affects its significance. Frayn's allusions to other artworks and historical events create intertextual connections, enriching the narrative and highlighting the multifaceted nature of art's meaning. By exploring the historical and cultural contexts surrounding

the lost painting, Frayn underscores the importance of contextual understanding in evaluating authenticity and meaning.

Art as a Mirror of Society:

Frayn's use of irony and satire serves as a stylistic device to critique the art world and examine the relationship between art and society. Through his satirical portrayal of the characters' motives and actions, the author exposes the artificiality and pretense that often permeate the pursuit of artistic value. Frayn's linguistic playfulness and wordplay add depth and texture to the narrative, enhancing the satirical tone and underscoring the tension between genuine appreciation of art and the desire for personal gain. Through these expressive means and stylistic devices, Frayn prompts readers to question the integrity of the art world and reflect on the broader societal implications of art's authenticity and meaning.

Conclusion:

In "Headlong" by Michael Frayn, the author's adept use of expressive means and stylistic devices enriches the exploration of authenticity and meaning in art. Through vivid descriptions, internal monologues, multiple perspectives, and intertextual references, Frayn underscores the subjective nature of authenticity and the role of perception and interpretation in shaping art's meaning. His incorporation of irony and satire critiques the art world and prompts readers to reflect on the societal implications of art's authenticity. Ultimately, Frayn's masterful use of expressive means and stylistic devices enhances the reader's engagement with the complex interplay between authenticity, meaning, and the ever-evolving nature of art.

The novel also explores the pursuit of truth, and the lengths individuals will go to uncover it. As Martin delves deeper into the world of art and deception, he becomes entangled in a web of lies and illusions. Frayn raises questions about the subjective nature of truth and the role of perception in shaping our understanding of reality.

Overall, "Headlong" engages with philosophical themes related to art, truth, perception, and the subjective nature of reality. Through its exploration of these themes, the novel prompts readers to reflect on the nature of perception, the complexities of human existence, and the ways in which our understanding of truth can be shaped and influenced.

REFERENCES

- Ashurova, D.U. (2022). Functional model of fictional text. *Nizhnevartovsk Philological Bulletin*. Vol. 7. N. 2. P. 65-78. <https://doi.org/10.36906/2500-1795/22-2/06>
- Barbe, K. (1993). "Isn't it ironic that...": Explicit irony markers. *Journal of Pragmatics*. Vol. 20. Issue 6. Pp. 579-590, [https://doi.org/10.1016/0378-2166\(93\)90017-J](https://doi.org/10.1016/0378-2166(93)90017-J)
- Berdnikova, I.V., & Gushchina, T.A. (2017). Problematic and philosophical context in Julian Barnes' postmodernistic novel «The sense of an ending». *Nizhnevartovsk Philological Bulletin*. Vol. 2. N. 1. P. 45-49.

Berdnikova, I.V., & Mokina, M.V. (2017). Psychological and philosophical aspects as a way of character's inner world depiction (on the basis of m. Cunningham's novel «By nightfall», (2010). *Nizhnevartovsk Philological Bulletin*. Vol. 2. N. 1. P. 49-53.

Bien, P. (2000). Review of Headlong, by M. Frayn. *World Literature Today*. Vol.74. Issue 2. P. 364-364. <https://doi.org/10.2307/40155631>

Bromberek-Dyzman Katarzyna, Katarzyna Jankowiak, Paweł Chełminiak. (2021). Modality matters: Testing bilingual irony comprehension in the textual, auditory, and audio-visual modality. *Journal of Pragmatics*. Vol. 180. Pp. 219-231, <https://doi.org/10.1016/j.pragma.2021.05.007>

Burke, M. (2006). Emotion: Stylistic Approaches, Editor(s): Keith Brown, Encyclopedia of Language & Linguistics (Second Edition). Elsevier, Pp. 127-129, <https://doi.org/10.1016/B0-08-044854-2/00508-3>

Büşra, Ul. (2014). Foregrounded: A comparative stylistic analysis of Their Eyes Were Watching God and its Turkish translation. *Procedia – Social and Behavioral Sciences*. Vol. 158. Pp. 37-42, <https://doi.org/10.1016/j.sbspro.2014.12.030>

Clüver Claus. "On Gazers' Encounters with Visual Art: Ekphrasis, Readers, 'Iconotexts'." In Ekphrastic Encounters: New Interdisciplinary Essays on Literature and the Visual Arts, edited by David Kennedy and Richard Meek, 237-56. Manchester University Press, 2019. <http://www.jstor.org/stable/j.ctv18b5pfc.18>

Coolidge, Andrew, A., Carolyn, Montagnolo, & Salvatore, Attardo (2023). Comedic convergence: Humor responses to verbal irony in text messages. *Language Sciences*. Vol. 99, <https://doi.org/10.1016/j.langsci.2023.101566>

Dipert, R.R. (2001). The Puzzle of Music and Emotion in Rand's Aesthetics. *The Journal of Ayn Rand Studies*. Vol.2 N.2. Pp. 387-394. <http://www.jstor.org/stable/41560159>

Dynel Marta Academics vs. American scriptwriters vs. academics: A battle over the etic and emic "sarcasm" and "irony" labels. *Language & Communication*. 2017. Vol. 55. Pp. 69-87, <https://doi.org/10.1016/j.langcom.2016.07.008>

Harold, J. (2003). Flexing the Imagination. *The Journal of Aesthetics and Art Criticism*. Vol. 61. N.3. Pp. 247-257.

Ivlampie, I. (2014). The pedagogy of irony? *Procedia – Social and Behavioral Sciences*. Vol.137. Pp. 122-126.

Kahan, M. & Frayn, M. (2000). Michael Frayn. *BOMB*. Vol. 73. Pp.54–59.

Kury, G. (2013). The Case of the Errant Art Historian. In M. Ledbury (Ed.), *Fictions of Art History*. Yale University Press, Pp. 45-68.

Lovelock, J., & Michael, F.S. (2002). In *The Business of Reading: A Hundred Years of the English Novel*. The Lutterworth Press, 2022. Pp. 127-132. <https://doi.org/10.2307/j.ctv2bz2n0c.22>

Magkanas, G., Bagán, H., Sistach, M.C., & García J.F. (2023). Artomics: A holistic approach to the study of artworks integrating their compositional and formal characteristics. Application on the Liber Feudorum Maior. *Microchemical Journal*. Vol. 185. <https://doi.org/10.1016/j.microc.2022.108276>.

Makarova, V. (2010). Stylistic Features in the Novella 'Darkness' by Leonid Andreev. *Russian Literature*. Vol. 68. Issues 3-4. Pp. 327-344, <https://doi.org/10.1016/j.ruslit.2010.12.004>

Rashidi P.M., Openg E.J. (2014). A stylistic analysis of a selected short story in Agnes Newton Keith's *Land below the Wind*: Narratorial shift, ambivalence and mimicry in colonial writing. *Procedia – Social and Behavioral Sciences*. Vol. 134. Pp.161-165. <https://doi.org/10.1016/j.sbspro.2014.04.235>

Puhacheuskaya V., & Juhani J. (2022). I was being sarcastic!: The effect of foreign accent and political ideology on irony (mis)understanding. *Acta Psychologica*. Vol. 222, <https://doi.org/10.1016/j.actpsy.2021.103479>.

Rakhmonova, D.S. (2023). Fictional Concept and Peculiarities of its Functioning in the Text. *Nizhnevartovsk Philological Bulletin*. Vol. 8. N. 1. Pp. 123-131. <https://doi.org/10.36906/2500-1795/23-1/12>

Sabbagh Mahmoud Reza Ghorban, Ph.D., Mehri Ghafourian Saghaei B.A. Conjured-Up reality shattered: examining the "Uncertain" ideology underlying Chopin's "The Story of an Hour" // *Procedia – Social and Behavioral Sciences*. 2014. Vol. 158. Pp. 296-303. <https://doi.org/10.1016/j.sbspro.2014.12.091>

Schechtman, M. (2004). Personality and Persistence: The Many Faces of Personal Survival. *American Philosophical Quarterly*. Vol.41. N.2. Pp. 87-105.

Schulz, M. (2014). Animated and Animating Landscapes: Space Voyages and Time Travel in the Art of Pieter Bruegel the Elder. In M. Schulz & R. Gaafar (Eds.), *Technology and Desire: The Transgressive Art of Moving Images*. 1st ed. Pp. 165-194. Intellect. <https://doi.org/10.2307/j.ctv36xvm0m.11>

Steen, G. (2006). Metaphor: Stylistic Approaches, Editor(s): Keith Brown, *Encyclopedia of Language & Linguistics* (Second Edition). Elsevier, Pp. 51-57. <https://doi.org/10.1016/B0-08-044854-2/00525-3>

Toolan, M. (2017). Stylistic iconicity and Love's two orders of language. *Language Sciences*. Vol. 61. Pp. 56-63, <https://doi.org/10.1016/j.langsci.2016.09.016>

Toolan, M. (2022). Talbot Taylor's engagement with stylistic theory. *Language & Communication*. Vol. 86. Pp. 129-133, <https://doi.org/10.1016/j.langcom.2022.05.007>

Witek, M. (2022). Irony as a speech action. *Journal of Pragmatics*. Vol. 190. Pp.76-90, <https://doi.org/10.1016/j.pragma.2022.01.010>

Zagorin, P. (2003). Looking for Pieter Bruegel. *Journal of the History of Ideas*. Vol. 64. N.1. Pp. 73-96. <https://doi.org/10.2307/3654297>

ЛИТЕРАТУРА

Ашурова Д.У. Функциональная модель художественного текста // *Нижневартковский филологический вестник*. 2022. №2. С. 65-78. <https://doi.org/10.36906/2500-1795/22-2/06>

Барбе К. «Разве не иронично, что»...: Явные иронические маркеры // *Журнал прагматики*. 1993. Т. 20, выпуск 6. С. 579-590. doi: 10.1016/0378- 2166 (93) 90017-J.

Бердникова И.В., Гущина Т.А. Идеино-философский контекст в постмодернистском романе Джулиана Барнса «Предчувствие конца» (2011) // Нижневартковский филологический вестник. 2017. №1. С. 45-49.

Бердникова И.В., Мокина М.В. Психологический и философский аспекты как художественный способ изображения внутреннего мира героя (на примере романа М. Каннингема «Начинается ночь», 2010) // Нижневартковский филологический вестник. 2017. Т. 2. №1. С. 49-53.

Бьен Р. С головой, М. Фрейн // Всемирная литература сегодня. 2000. Т.74, выпуск 2. С. 364-364. <https://doi.org/10.2307/40155631>

Бромберек-Дызман К., Янковяк К., Чельминяк П. Модальность имеет значение: Проверка двуязычного понимания иронии в текстуальной, слуховой и аудиовизуальной модальности // Журнал Прагматики. 2021. Т. 180. С. 219-231. <https://doi.org/10.1016/j.pragma.2021.05.007>.

Берк М. Эмоция: Стилистические подходы // Энциклопедия языка и лингвистики (2 изд.). Редактор: Кит Браун. Elsevier, 2006. С. 127-129. doi: 10.1016/B0-08-044854-2/00508-3.

Бюсра У. Предзнаменование: Сравнительный стилистический анализ наблюдения за Богом их глазами и его турецкий перевод // Procedia – Социальные и поведенческие науки. 2014. Т. 158. С. 37-42. <https://doi.org/10.1016/j.sbspro.2014.12.030>.

Клювер К. «На газерах». Встречи с визуальным искусством: Экфрасис, Читатели, «Иконотексты» // Экфрастические встречи: новые междисциплинарные эссе по литературе и визуальным искусствам. Под ред. Дэвида Кеннеди и Ричарда Мика. С. 237-256. Manchester University Press, 2019. URL: <http://www.jstor.org/stable/j.ctv18b5pfc.18> (10.10.2023).

Кулидж Э.А., Монтаньоло К., Аттардо С. Комедийная конвергенция: ответы юмора на словесную иронию в текстовых сообщениях // Language Sciences. 2023. Т. 99. <https://doi.org/10.1016/j.langsci.2023.101566>.

Диперт Р.Р. Головоломка музыки и эмоций в эстетике Рэнда // The Journal of Ayn Rand Studies. 2001. Т. 2. № 2. С. 387-394. URL: <http://www.jstor.org/stable/41560159> (10.10.2023).

Дайнел М. Ученые против американских сценаристов: битва за этический и эмический «сарказм» и «иронию» // Язык и общение. 2017. Т. 55. С. 69-87. <https://doi.org/10.1016/j.langcom.2016.07.008>

Гарольд Дж. Сгибаемая воображение // Журнал эстетики и художественной критики. 2003. Т. 61. №3. С. 247-257.

Ивлампи И. Педагогика иронии? // Прокедия – Социальные и поведенческие науки. 2014. Т. 137. С. 122-126.

Каган М., Фрейн М. Майкл Фрейн // БОМБА. 2000. Т. 73. С. 54-59.

Кьюри Г. Дело ошибочного историка искусства // Выдумки истории искусств. Ред. М. Ледбери. Yale University Press, 2013. С. 45-68.

Лавлок Дж. Майкл Фрейн, «Шпионы» (2002) // Дело чтения: сто лет английского романа. The Lutterworth Press, 2022. С. 127-132. <https://doi.org/10.2307/j.ctv2bz2n0c.22>

Магканас Г., Баган Х., Систах М.К., Гарсия Ж.Ф. Artomics: Целостный подход к изучению произведений искусства, объединяющий их композиционные и формальные характеристики. Заявка на Liber Feudorum Maior // Микрохимический журнал. 2023. Т. 185. <https://doi.org/10.1016/j.microsc.2022.108276>.

Макарова В. Стилистические черты в новелле «Тьма» Леонида Андреева // Русская литература. 2010. Т. 68, выпуски 3-4. С. 327-344. <https://doi.org/10.1016/j.ruslit.2010.12.004>.

Пакрия М.Р., Опенг Э.Й. Стилистический анализ избранной новеллы в книге Агнес Ньютон Кит «Земля под ветром»: нарраторский сдвиг, амбивалентность и мимикрия в колониальной письменности // Procedia - Социальные и поведенческие науки. 2014. Т. 134. С. 161-165. <https://doi.org/10.1016/j.sbspro.2014.04.235>

Пухачевская В., Ярвикови Ю. Я была саркастична!: Влияние иностранного акцента и политической идеологии на иронию непонимания // Acta Psychologica. 2022. Т. 222. <https://doi.org/10.1016/j.actpsy.2021.103479>.

Рахмонова Д.Ш. Художественный концепт и особенности его функционирования в тексте // Нижневартовский филологический вестник. 2023. №1. С. 123-131. <https://doi.org/10.36906/2500-1795/23-1/12>

Саббаг М., Горбан Р., Гафурян М., Сагхэй В.А. Заколдованная реальность разрушена: изучение «неопределенной» идеологии, лежащей в основе «Истории часа» Шопена // Procedia – Социальные и поведенческие науки. 2014. Т. 158. С. 296-303. <https://doi.org/10.1016/j.sbspro.2014.12.091>

Шехтман М. Личность и настойчивость: Множество лиц личного выживания // Американский философский ежеквартальный журнал. 2004. Вып.41. №2. С. 87-105.

Шульц М. Анимационные и анимационные пейзажи: космические вояжи и путешествия во времени в искусстве Питера Брейгеля Старшего // Технология и желание: трансгрессивное искусство движущихся изображений. Ред. М. Шульц и Р. Гаафар, Интеллект. 2014. 1-е изд. Стр. 165-194. <https://doi.org/10.2307/j.ctv36xvm0m.11>

Стин Г. Метафора: Стилистические подходы // Энциклопедия языка и лингвистики. 2 изд., ред. К. Браун. Эльзевье, 2006. С. 51-57. <https://doi.org/10.1016/B0-08-044854-2/00525-3>.

Тулан М. Стилистическая Иконопись и Любовь двух порядков языка // Языкознание. 2017. Т. 61. С. 56-63. <https://doi.org/10.1016/j.langsci.2016.09.016>

Тулан М. Взаимодействие Майкла Толбота Тейлора со стилистической теорией // Язык и общение. 2022. Т. 86. С. 129-133. <https://doi.org/10.1016/j.langcom.2022.05.007>

Витек М. Ирония как речевое действие // Журнал прагматиков. 2022. Т. 190. С. 76-90, doi.org/10.1016/j.pragma.2022.01.010

Загорин П. В поисках Питера Брейгеля // Журнал истории идей. 2003. Т. 64. №1. С. 73-96. <https://doi.org/10.2307/3654297>

© M.I. Kudritskaya, 2023

УДК 821.112.2

<https://doi.org/10.36906/2500-1795/23-2/11>

Мельникова Л.А.

ОБРАЗЫ ГЕРОЕВ-ДЕТЕКТИВОВ В РОМАНЕ Ф. ШОЙНЕМАНН «ЗАГАДКА СБЕЖАВШЕГО СЕЙФА»

Аннотация. В статье анализируются образы героев-детективов, представленные в романе Ф. Шойнеманн «Загадка сбежавшего сейфа». Посредством использования метода целостного анализа художественного произведения установлено, что данные персонажи в романе делятся на две группы: детективы-любители и детективы-профессионалы. Первая категория представлена образами подростков Киры, Тома и Паули, кота британской породы Уинстона Черчилля и дворовых кошек Одетты, Чупса, Спайка и Франческо, вторая – образом сотрудника криминальной полиции Банге. Основными средствами репрезентации данных героев являются речевые характеристики и выразительные художественные детали. Иницируя собственное расследование загадочных краж сейфов из школ Гамбурга, герои-кошки и подростки получают дополнительную возможность для проявления своих лучших качеств, таких, как ответственность, исполнительность, серьезность, основательность. В результате данный детективный «союз» подростков и кошек способствует успешному раскрытию преступления. Подобное «пересечение» двух сюжетных линий не только повышает уровень читательского интереса к данному произведению, но и напоминает юным читателям о важности дружбы, взаимовыручки, необходимости бережного и заботливого отношения к животным. Образ профессионального детектива Банге в романе представлен схематично. Используя выразительную деталь – отсутствие полицейской формы – Ф. Шойнеманн подчеркивает исключительность данного персонажа, а также акцентирует внимание на ключевых чертах последнего – серьезности, вдумчивости, умении правильно и быстро оценивать ситуацию. Образ данного героя с одной стороны, подчинен цели усиления дидактического пафоса произведения, с другой – его оценка деятельности Тома и его команды позволяет читателю понять подлинную значимость образов детективов-любителей в художественном мире данного произведения.

Ключевые слова: Ф. Шойнеманн; роман; детектив; репрезентация; Уинстон.

Сведения об авторе: Мельникова Любовь Александровна, канд. филол. наук, доцент кафедры филологических дисциплин, Саратовский государственный национальный исследовательский университет имени Н.Г. Чернышевского (Балашовский институт (филиал)), ORCID: 0000-0001-5257-6069.

Контактная информация: 412300, Саратовская область, г. Балашов, ул. К. Маркса. д.29, ауд. 510, тел. 8(4545)4-32-96, e-mail: lmelnikova5@mail.ru

L.A. Melnikova

IMAGES OF DETECTIVE HEROES IN F. SCHEUNEMANN'S NOVEL "THE MYSTERY OF THE RUNNING SAFE"

Abstract. The article analyzes the images of detective heroes presented in the novel by F. Scheunemann "The Mystery of the Runaway Safe." By using the method of holistic analysis of a work of fiction, it was established that these characters in the novel are divided into two groups: amateur detectives and professional detectives. The first category is represented by the images of teenagers Kira, Tom and Paulie, the British breed cat Winston Churchill and the yard cats Odette, Chups, Spike and Francesco, the second – by the image of a criminal police officer Bange. The main means of representing these characters are speech characteristics and expressive artistic details. By initiating their own investigation into the mysterious thefts of safes from Hamburg schools, cat heroes and teenagers get an additional opportunity to demonstrate their best qualities, such as responsibility, diligence, seriousness, and thoroughness. As a result, this detective "union" of teenagers and cats contributes to the successful solving of a crime. Such an "intersection" of two storylines not only increases the level of reader interest in this work, but also reminds young readers of the importance of friendship, mutual assistance, and the need for a careful and caring attitude towards animals. The image of the professional detective Bange in the novel is presented schematically. Using an expressive detail – the absence of a police uniform – F. Scheunemann emphasizes the exclusivity of this character, and also focuses on the key features of the latter – seriousness, thoughtfulness, the ability to correctly and quickly assess the situation. The image of this hero, on the one hand, is subordinated to the goal of enhancing the didactic pathos of the work, on the other hand, his assessment of the activities of Tom and his team allows the reader to understand the true significance of the images of amateur detectives in the artistic world of this work.

Keywords: F. Scheunemann, novel, detective story, representation, Winston.

About the author: Melnikova Lyubov Aleksandrovna, Ph.D. Philol. Sciences, Associate Professor of the Department of Philological Disciplines, Saratov State National Research University named after N.G. Chernyshevsky (Balashov Institute (branch)), ORCID: 0000-0001-5257-6069.

Contact information: 412300, Saratov region, Balashov, st. K. Marx. 29, room. 510, tel. 8(4545)4-32-96, e-mail: lmelnikova5@mail.ru

Мельникова Л.А. Образы героев-детективов в романе Ф. Шойнеманн «Загадка сбежавшего сейфа» // Нижневартковский филологический вестник. 2023. №2. С. 133-140. <https://doi.org/10.36906/2500-1795/23-2/11>

Melnikova, L.A. (2023). Images of Detective Heroes in F. Scheunemann's Novel "The Mystery of the Running Safe". *Nizhnevartovsk Philological Bulletin*, (2), 133-140. (in Russian). <https://doi.org/10.36906/2500-1795/23-2/11>

Фрауке Шойнеманн (Frauke Scheunemann) (род. 1969) – известная современная немецкая писательница, автор серии романов «Winston», известной русскому читателю под названием «Приключения кота-детектива», которая издается с 2013 года. В настоящее время на русский язык переведены следующие книги серии: «Агент на мягких лапах» ("Ein Kater in geheimer Mission", 2013) «Секрет еловых писем» ("Winston: Agent auf leisen Pfoten", 2014), «Загадка сбежавшего сейфа» ("Winston: Jagd auf die Tresorräuber" 2015), «Уинстон, берегись!» ("Im Auftrag der Ölsardine", 2015), «Сыщик на арене ("Kater undercover", 2015), «Спасти Одетту» ("Lizenz zum Mäusejagen", 2016), «Дело о невидимке» ("Samtpfoten auf Phantomjagd", 2020). Совместно с Анной Циллат Ф. Шойнеманн является также автором серии «Пауль и Сникерс: детективы на четырех лапах», повествующей о детективных приключениях кота и таксы.

Рассмотрим в настоящей статье образы героев-детективов, представленные в романе «Загадка сбежавшего сейфа».

Стоит отметить, что жанр детского детектива в последние годы пользуется большой популярностью среди читателей самых разных стран. Это объясняется тем, что дети и подростки ищут в подобных произведениях острые сюжеты, головоломки, хотят, уподобляясь взрослым, читать литературу жизненную, в которой обозначен даже не «детский» круг проблем (Тынянова 2020:161-162).

Некоторые исследователи склонны рассматривать детектив как явление массовой культуры, указывая на то, что популяризация жанра детектива как массового явления стала неотъемлемой чертой современной детской литературы, что подтверждает тот факт, что массовая культура все активнее вытесняет классическую литературу из сознания современного подростка (Панова 2013: 162).

Изучению художественного своеобразия детского детектива посвящен довольно большой ряд исследовательских работ (Ворончихина 2020; Капкова 2019; Карпов 2017; Тихонова 2019; Тыщук 2018).

Данный жанр имеет ряд характерных особенностей. Во-первых, в центре сюжета детектива, как правило, расследование какого-либо преступления. Специфика последнего обусловлена возрастом читательской аудитории: «для читателей младшего школьного возраста авторы, как правило, пишут о потерянных вещах, пропавших домашних животных, порче имущества и прочих мелких неприятностях; в книгах для подростков преступления более серьезные – шантаж, подпольное производство, похищения людей, убийства и пр. (Ворончихина 2020: 360). В романе Ф. Шойнеманн «Загадка сбежавшего сейфа» внимание

сосредоточено на поиске злоумышленников, похищающих из различных школ Гамбурга сейфы, в которых хранятся наличные деньги.

Система персонажей произведения, включающая, как образы людей, так и образы животных, содержит 2 типа героев-детективов: 1) так называемые детективы-любители (здесь, в свою очередь, выделяются 2 подгруппы: детективы из числа людей: подросток Том, его одноклассницы Кира и Паули, коты-детективы: центральный анималистический персонаж, кот британской породы Уинстон Черчилль, дворовые кошки Одетта, Чупс, Спайк, Франческо), 2) профессиональные детективы (сотрудник криминальной полиции Банге). Примечательно, что в данном романе цикла подросток Том, принимающий на себя роль сыщика-любителя, показан в тесном взаимодействии как с миром взрослых, так и с миром животных. Активная роль подростка в расследовании в анализируемом произведении обусловлена тем, из школы, в которой учатся Том, Кира и Паули также похищают сейф, но не с деньгами, а с итоговыми контрольными работами по математике учеников выпускного класса, к числу которых относится брат Тома Ник. Желание помочь брату избежать повторного написания экзамена в случае отсутствия результатов по поиску работ становится для Тома дополнительным мотиватором для активной розыскной деятельности, в чем он и признается в разговоре с Кирой и Паули: «...в сейфе, который украли из нашей гимназии, лежали письменные экзаменационные работы по математике. Среди них и работа Нико. Если их не найдут за эти две недели, ребятам придется еще раз писать математику. С совершенно новыми заданиями. Так было решено на школьном совете. Этого никак нельзя допустить. Значит, мы должны обязательно найти эти работы! Иначе мой брат взорвется!» (Шойнеманн 2021: 81).

В детском детективе часто присутствует элемент развлечения. В анализируемом нами произведении этот аспект подчеркивается самим названием серии («Приключения кота-детектива»), в которую входит роман «Загадка сбежавшего сейфа». В романе присутствуют отсылки к знаменитым сыщикам прошлых эпох, в частности, к образу Шерлока Холмса. Том называется свой план по поимке похитителей сейфов «Операцией “Шерлок”». Уинстон, позиционирующий себя как уникального детектива, с удивлением обнаруживает пробелы в своих знаниях относительно этого персонажа. Он часто демонстрирует самонадеянность и самоуверенность, поэтому его очень удивляет реплика Одетты о том, что Шерлок является самым знаменитым сыщиком. Недоумение кота выражается посредством использования приема внутреннего монолога: «Хм. Собственно говоря, самым знаменитым сыщиком я считал себя. Ну ладно, почти знаменитым. Хотя... пока еще не совсем. А все моя скромность. Ведь я точно знаю, что заслужил это звание. Так что когда-нибудь я стану еще знаменитее, чем этот самый Шерлок, – клянусь хвостом сардины в масле!» (Шойнеманн 2021: 85). Устами подруги Уинстона Одетты писательница просвещает не только своего персонажа, но и читателей, объясняя причины всемирной известности Холмса: «Он мастер замечать все детали и делать точные умозаключения. Многие даже считают, что именно он основал современные методы расследования и судебно-психологической экспертизы»

(Шойнеманн 2021: 86). Впечатлившись достижениями Холмса и желая подражать последнему, Уинстон нарекает себя Мурлоком Холмсом.

Сопоставив ряд фактов, касающихся ограблений других школ, Том приходит к выводу, что преступники совершают ограбления только тех школ, в которых скапливается много наличных денег из столовых. В результате этих умозаключений определяется школа, которая в соответствии с данной логикой должна стать следующим объектом нападения – «Гутенберг». Кошки и подростки решают установить независимо друг от друга наблюдение за данным заведением. Уинстон, демонстрируя смелость и отвагу, воспринимает данное расследование как дополнительный шанс продемонстрировать всей кошачьей командой сразу свои лучшие черты: «Ведь это для нас, четырех мяушкетеров, новая возможность проявить себя и пережить увлекательное приключение» (Шойнеманн 2021: 87). Однако в ходе расследования Черчилль в ряде случаев проявляет неуместное хвастовство и бахвальство, не умея иногда разграничивать истинное и мнимое. Например, он ошибочно вместе с Кирой, Томом и Паули принимает группу рабочих-сантехников за переодетых грабителей. Свои рассуждения об этом он сопровождает самоуверенным комментарием: «Но нас перехитрить они не смогли! Не на тех напали! Еще не родился такой преступник, который сумеет одурачить меня, Уинстона Черчилля, то есть Мурлока Холмса!» (Шойнеманн 2021: 133). Последовавшая после этого неудача служит наизиданием не только героям, но и читателям. На конкретных примерах писательница показывает последствия подобных рассуждений, основанных не на реальных фактах, а на домыслах..

В романе присутствует образ профессионального детектива – сотрудника криминальной полиции Банге. Данный персонаж репрезентируется в произведении сквозь призму восприятия Уинстона, поскольку от лица именно этого героя в произведении ведется повествование. В образе Банге присутствует мотив исключительности: «с ребятами беседовал господин Банге, который был не из простой полиции, а из криминальной, и это произвело на всех впечатление. Кажется, это особенный полицейский. Такой, которому необязательно носить форму» (Шойнеманн 2021: 146). Ключевыми чертами данного героя являются серьезность и вдумчивость. Во время разговора с подростками он проявляет категоричность и дидактичный стиль общения. Он указывает на провал команды детектив-любителей, заперших в подвале трех совершенно безобидных сантехников, которые ремонтировали водопровод, завершая свои размышления категоричным выводом: «вот почему таким сыщикам-любителям нужно держаться подальше от полицейского расследования: такая самостоятельность до добра не доводит» (Шойнеманн 2021: 147). Однако впоследствии кошки-детективы получают возможность реабилитироваться – они вновь отправляются в школу «Гутенберг» и на этот раз им удастся там поймать преступников. В процессе самостоятельного выполнения этой миссии кошки остро ощущают нехватку человеческой поддержки, правда, и в этом контексте они демонстрируют не очень высокую оценку людей, называя их «открывателями консервов». Комментируя данный факт, стоит отметить, что для раскрытия образов анималистических персонажей Ф.

Шойнеманн часто использует прием иронии. Наиболее забавными представители «кошачьего мира» предстают перед читателями именно в ходе своей критики людей.

После того как дети вызвали полицию, и преступники были пойманы и задержаны, отношение Банге к юным сыщикам изменилось. Полицейский поочередно пожал ребятам руки и выразил им искреннюю благодарность: «В общем, еще раз большое спасибо! Вы действительно нам очень помогли. И у вас с самого начала была правильная версия. Если вы через несколько лет захотите стать полицейскими – добро пожаловать! Нам всегда нужны такие классные юные детективы, как вы» (Шойнеманн 2021: 207). Данным эпизодом писательница пытается убедить своих читателей в том, что не нужно впадать в уныние в случае неудач.

В данном романе, как и в предыдущих книгах цикла, также присутствует оппозиция: «кошки» – «люди». Уинстон часто противопоставляет себя людям, указывая на многочисленные слабости и недостатки последних. Однако когда дело касается расследования преступления персонажам из числа кошек и людей удается вести очень продуктивное и эффективное сотрудничество. Хотя кошки постоянно сетуют, что люди недооценивают их вклад в расследование. Особый союз в этом отношении представляют Уинстон и Кира. Кот пытается донести до девочки важную информацию при помощи жестов и звуков. Например, пытаясь предупредить Киру о возможной пакости в ее адрес со стороны одноклассницы Леонии, кот прыгает девочке на руки. Удивительное взаимопонимание между этими персонажами объясняется тем, что в прошлом данные герои в результате курьезного происшествия на некоторое время поменялись телами. Подробно эта история описана в первой книге настоящей цикла – «Агент на мягких лапах», мотив метаморфозы в данном романе подчинен цели погружения в психологию подростка, понимания и анализа причин его поведения (Мельникова 2022: 19).

В романе «Загадка сбежавшего сейфа» также поднимается проблема противостояния Добра и Зла. К числу отрицательных персонажей в произведении относятся бывший друг Анны Вадим, а также Леония – одноклассница Киры, Тома и Паули. Описывая подробности организованного старшеклассниками похищения сейфа с контрольными работами по математике, замаскированного под ограбление, писательница порицает подобную модель поведения, настойчиво давая понять своим читателям, что попытки применения подобного способа решения проблем могут принести серьезные неприятности.

На основании всего вышесказанного можно заключить, что, воссоздавая положительные образы детективов-любителей, получающих признание за достигнутые ими успехи в расследовании со стороны профессиональных полицейских, Ф. Шойнеманн на конкретных примерах показывает своим читателям важность наличия и формирования у подрастающего поколения таких качеств, как смелость, ответственность, верность данному слову, умение вовремя прийти на помощь друзьям, способность разграничивать истинное и мнимое. Прием «пересечения» сюжетных линий, повествующих о людях и о кошках, нацелен не только на создание эффекта занимательности в данном произведении, но и на

акцентирование значимости уважительного и заботливого отношения детей и подростков к представителям животного мира. В совокупности все это способствует усилению дидактического пафоса данного романа.

ЛИТЕРАТУРА

Ворончихина И.А. Детский детектив: становление жанра и основные характеристики // Герценовские чтения. Иностранные языки: сборник научных трудов. Санкт-Петербург, 2020. С. 359-361.

Капкова С.Ю. Характеристики детективного жанра в современной детской английской эксцентрической литературе (на материале произведений Дж.К. Роулинг и Р. Даля) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2019. Т.12. № 10. С. 104-107.

Карпов В.А. Русский детский детектив на современном этапе // Тенденции развития науки и образования. 2017. № 22-4. С. 28-29.

Мельникова Л.А. Мотив метаморфозы в романе Ф. Шойнеманн «Агент на мягких лапах» // Вестник Набережночелнинского государственного педагогического университета. 2022. № 4 (39). С. 17-19.

Панова Е.П., Тюменцева Е.В. Современный детский детектив в культурном сознании современности (на материале современных детских детективов А. Иванова, А. Устиновой) // Известия ВолгГТУ. Серия «Проблемы социально-гуманитарного знания». Вып. 14: межвуз сб. науч. ст. ВолгГТУ. Волгоград, 2013. № 16(119). С. 34-37.

Тихонова О.В. О границах и возможностях жанра детектива в детской литературе // Вопросы русской литературы. 2019. № 4 (50/107). С. 77-87.

Тынянова В. Названия книг для подростков // Культура общения и ее формирование: межвузовский сборник научных трудов. Вып. 36. Воронеж: ООО «РИТМ», 2020. С. 161-163.

Тыщук Д.С. Детективный жанр в детской литературе: особенности образа детектива-ребенка // XXI Вишняковские чтения. Материалы международной научной конференции. Санкт-Петербург, 2018. С. 245-248.

Шойнеманн Ф. Загадка сбежавшего сейфа. М.: Эксмо, 2021.

REFERENCES

Voronchixina, I.A. (2020). Detskij detektiv: stanovlenie zhanra i osnovny`e karakteristiki. Gercenovskie chteniya. Inostranny`e yazy`ki: sbornik nauchny`x trudov. Sankt-Peterburg, 359-361.

Kapкова, S.Yu. (2019). Xarakteristiki detektivnogo zhanra v sovremennoj detskoj anglijskoj e`kscentricheskoj literature (na materiale proizvedenij Dzh.K. Rouling i R. Dalja). *Filologicheskie nauki. Voprosy` teorii i praktiki*. T.12. № 10. S. 104-107.

Karpov, V.A. (2017). Russkij detskij detektiv na sovremennom e`tape. *Tendencii razvitiya nauki i obrazovaniya*. № 22-4. S. 28-29.

Mel'nikova, L.A. (2022). Motiv metamorfozy` v romane F. Shojnemann «Agent na myagkix lapax». *Vestnik Naberezhnochelninskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*. № 4 (39). S. 17-19.

Panova, E.P., & Tyumenceva, E.V. (2013). Sovremenny`j detskij detektiv v kul`turnom soznanii sovremennosti (na materiale sovremenny`x detskix detektivov A. Ivanova, A. Ustinovoj). *Izvestiya VolgGTU. Seriya «Problemy` social`no-gumanitarnogo znaniya»*. Vy`p. 14: mezhvuz sb. nauch. st. VolgGTU. Volgograd, № 16(119). S. 34-37.

Tixonova, O.V. (2019). O graniczax i vozmozhnostyax zhanra detektiva v detskoj literature. *Voprosy` russkoj literatury`*. № 4 (50/107). S. 77-87.

Ty`nyanova, V. (2020). Nazvaniya knig dlya podrostkov. Kul`tura obshheniya i ee formirovanie: mezhvuzovskij sbornik nauchny`x trudov. Vy`p. 36. Voronezh: ООО «RITM», S. 161-163.

Ty`shhuk, D.S. (2018). Detektivny`j zhanr v detskoj literature: osobennosti obraza detektiva-rebenka. XXI Vishnyakovskie chteniya. Materialy` mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii. Sankt-Peterburg, S. 245-248.

Shojnemann, F. (2021). Zagadka sbezhavshego sejfa. M.: E`ksmo.

© Мельникова Л.А., 2023

УДК 81.25

<https://doi.org/10.36906/2500-1795/23-2/12>

Фоменко Е.А.

**ЭКОЛИНГВИСТИКА, ЭКОЛОГИЯ ПЕРЕВОДА, ЭКОТРАНСЛАТОЛОГИЯ:
СООТНОШЕНИЕ ПОНЯТИЙ
В СВЕТЕ СОВРЕМЕННОЙ ДИСКУРСИВНОЙ ПРАКТИКИ**

Аннотация. В современном мире происходит не только «экологизация» человеческого сознания, но и различных областей научного знания, в том числе, теории перевода и лингвистики. Переводческие исследования с приставкой «эко» требуют систематизации и установления взаимосвязи между терминами. В данной статье автором предпринята попытка рассмотреть процесс становления экологического подхода к переводу в российском и китайском переводоведении и выявить соотношение ключевых понятий, которые характеризуют современные направления исследований перевода и представлены в различных переводческих научных школах. Цель статьи состоит в установлении взаимосвязи между экотранслатологией, зародившейся в Китае, и экологией перевода, возникшей в России. Экотранслатология, как самостоятельная область переводоведения, имеет глубокую связь с традиционной китайской культурой и является одним из актуальных направлений исследования в КНР. Экология перевода активно разрабатывается российскими лингвистами, подчеркивающими, что качественный, гармоничный перевод включает в себя, наряду с фактором культуросообразности, фактор природосообразности, что послужит основанием разработки экосистемы перевода как компонента глобальной экосистемы. Методологическим основанием исследования являются, во-первых, работы зарубежных лингвистов в области экологии языка и эколингвистики; во-вторых, исследования в области когнитивного моделирования пространства перевода в экосистеме, объединяющей переводящую личность и социально-природную среду ее обитания; в-третьих, труды китайских ученых, опирающихся на классическую теорию адаптации и выбора в переводе. В результате исследования показана значимость эконоук для понимания когнитивных механизмов процесса перевода.

Ключевые слова: эколингвистика; экология языка; экология перевода; экотранслатология; переводческое пространство; гармоничный перевод.

Сведения об авторе: Фоменко Екатерина Александровна, аспирант кафедры «Иностранные языки, лингвистика и перевод» Пермского национального исследовательского политехнического университета, преподаватель Китайского нефтяного университета (Восточный Китай), Циндао, КНР

Контактная информация: 266580, КНР, г. Циндао, район Сихайань, ул. Чанцзянлу, 66, тел. +86(0532)86983242; e-mail: pismo_4me@mail.ru

E.A. Fomenko

**ECOLINGUISTICS, ECOTRANSLATOLOGY, ECOLOGY OF TRANSLATION:
CORRELATION OF CONCEPTS IN THE LIGHT OF MODERN DISCOURSE PRACTICE**

Abstract. In today's world, there is a notable shift not only towards the "ecologization" of human consciousness but also within various domains of scientific knowledge, including translation theory and linguistics. Translation studies that incorporate the prefix "eco" necessitate a systematic classification and the establishment of semantic connections among terms. This article seeks to delve into the emergence of an ecological approach to translation within the contexts of both Russian and Chinese translation studies, aiming to elucidate the interrelationships between key concepts that characterize modern trends in translation research across diverse academic traditions. The primary objective of this article is to establish a symbiotic relationship between ecotranslatology, which originated in China, and the ecology of translation, a discipline that has emerged in Russia. Ecotranslatology, as an independent subfield within translation studies, is deeply rooted in traditional Chinese culture and currently stands as a thriving area of inquiry in the People's Republic of China. In contrast, the ecology of translation is actively advancing under the purview of Russian linguists, who emphasize that high-quality, harmonious translation encompasses not only cultural congruence but also ecological alignment. This ecological perspective is posited to underpin the development of a translation ecosystem within the broader global ecosystem. Methodologically, this study draws from several dimensions: firstly, it brings together the ideas of international linguists specializing in linguistic ecology and ecolinguistics; secondly, it explores research on cognitive modeling of the translation process in an ecosystem that unites the translator with the socio-natural environment of his habitat. Finally, the study includes the perspective of Chinese scholars based on the classical theory of adaptation and choice in translation. Ultimately, this study highlights the importance of environmental science in understanding the cognitive mechanisms inherent in the translation process.

Keywords: ecolinguistics; ecology of language; ecotranslatology; translation space; ecology of translation; harmonious translation.

About the author: Fomenko Ekaterina Alexandrovna, graduate student of the Department of Foreign Languages, Linguistics and Translation, Perm National Research Polytechnic University, teacher at China Petroleum University (East China), Qingdao, China

Contact information: 266580, China, Qingdao, Xihaian district, st. Changjianglu, 66, Tel. +86(0532)86983242; e-mail: pismo_4me@mail.ru

Фоменко Е.А. Эколингвистика, экология перевода, экотранслатология: соотношение понятий в свете современной дискурсивной практики // Нижневартровский

филологический вестник. 2023. №2. С. 141-148. <https://doi.org/10.36906/2500-1795/23-2/12>

Fomenko, E.A. (2023). Ecolinguistics, Ecotranslatology, Ecology of Translation: Correlation of Concepts in the Light of Modern Discourse Practice. *Nizhnevartovsk Philological Bulletin*, (2), 141-148. (in Russian). <https://doi.org/10.36906/2500-1795/23-2/12>

На рубеже XX–XXI вв. в гуманитарные дисциплины проникают идеи экологии, что позволяет говорить об экологизации сознания современной языковой личности, об экологическом мышлении, экологическом мировоззрении. В процессе интеграции межкультурного и межязыкового пространства познание внутреннего мира человека осуществляется благодаря переводу, трактуемому нами как взаимодействие языков и культур. Среди современных научных парадигм когнитивного исследования перевода особое значение приобретает экологический подход.

Исследование различных экологически ориентированных подходов к языку и культуре показало, что в семидесятые годы прошлого века были опубликованы работы зарубежных ученых в сфере экологии языка и эколингвистики (Е. Науген, М.А.К. Халлидей, А. Филл, Л.Д. Кальвет); в начале двухтысячных годов российские исследователи приступили к использованию экологического подхода при изучении языка (К.А. Андреева, Н.Н. Белозерова, Н.В. Дрожащих, Н.В. Лабунец, Н.Н. Лыкова, В.Д. Табанакова и др.); в этот же период было введено понятие экологии перевода (Л.В. Кушнина, Е.М. Пылаева, П.Р. Юзманов). Вместе с тем, в китайском переводоведении, начиная с 2001 г. разрабатываются принципы экотранслатологии (Чэн Цзиньлянь 陈金莲, Ху Гэншэнь 胡庚申, Гу Цзюньлин, Сун Цзяньфэн, Ван Нин 王宁, Фан Мэнчжи 方梦之 и др.), с которыми пока недостаточно знакомы европейские и российские ученые.

Как видим, исследования различных направлений перевода с приставкой «эко» достаточно многочисленны, что требует их систематизации, а также установления отношений между ключевыми терминами, принятыми, в частности, в российской и китайской лингвистике в свете современной дискурсивной практики.

Как показал наш анализ, все эконауки гуманитарного цикла восходят к исследованиям европейских ученых конца XIX – начала XX веков и связаны с именами Э. Геккеля, Ч. Элтона и других представителей дисциплин естественно-научного цикла. Между тем, лишь в 1970-е годы американскими и европейскими учеными были сформулированы основные экологические постулаты, согласно которым человек, природа, общество находятся в тесной связи, что определяет их взаимное развитие и саморазвитие.

В начале нынешнего века российские ученые впервые обратились к проблемам экологии языка и эколингвистики, что было представлено в цикле научных семинаров и

конференций, проводимых Тюменским государственным университетом в период с 2011 по 2013 гг., в фокусе исследований которых оказалась триада: человек-социум-природа.

Содержание термина «эколингвистика» раскрывает Н.В.Дрожащих: «...направление, сформированное на стыке разных дисциплин, которое изучает сферу обитания человека и общества, опосредованную языком, и концентрируется на выявлении закономерностей, общих для экологии и языковой системы» (Дрожащих 2011: 29). Автор приходит к выводу о том, что существование языка зависит от социума и наоборот, что сближает эколингвистику с лингвосинергетикой.

Опираясь на данные эколингвистики и экологии языка, российские исследователи выдвинули тезис о том, что при изучении перевода, трактуемого как взаимодействие языков и культур, также возможна экологическая точка зрения. Так было сформулировано понятие экологии перевода и обоснован экологический подход к переводу.

Впервые данная позиция нашла отражение в статье Л.В. Кушнина и П.Р. Юзманова «Экология перевода: культура vs природа», авторы которой обратили внимание на необходимость расширения выдвинутых ранее понятий переводческого пространства и гармоничности как критерия качественного перевода (Кушнина, Юзманов, 2011). В данной работе автор концепции переводческого пространства предложила вычленить отдельное поле, которое обозначено как природно-биологическое, анализ которого позволит обеспечить не только культуросообразность текста перевода, что утверждалось ранее, но также и его природосообразность, о чем было заявлено впервые: «Введение природно-биологического поля в существующую смысловую модель перевода позволяет учитывать природно обеспечивающую жизнедеятельность человека и адекватность его взаимодействия с природой, что находит отражение в тексте, и что придает данной модели системный характер, акцентируя тем самым внимание на системности переводческого анализа в целом» (Кушнина, Юзманов 2011: 45).

Следующая работа в этом направлении была представлена в монографии «Экология перевода: предпосылки зарождения и пути развития» (Кушнина, Плюснина 2016). Главная идея исследования – проанализировать процесс транспонирования экосмыслов, отражающих ключевые экоконтцепты художественного текста. В рамках данного исследования была проанализирована межъязыковая и межкультурная динамика экоконтцептов на материале романа А. Иванова «Географ глобус пропил» в оригинале и переводе на французский язык. В работе было проанализировано три ключевых экоконтцепта: *географ*, *вода*, *путь*.

В качестве иллюстрации авторы приводят следующий пример функционирования экоконтцептов в текстах оригинала и перевода.

«Я лично проплыл по этим рекам, как сквозь свою любовь – от мелкой зависти в темной палатке до вечного покоя на пороге некарни.....» «J'ai personnellement descendu ces rivières comme le fil de mon amour – depuis la jalousie mesquine que j'ai éprouvé sous la tente obscure jusqu'à l'intemporelle sérénité qui m'envahit sur le seuil de ce fournil».

Основываясь на изложенных выше теоретических положениях, касающихся экологии перевода, мы предлагаем свою интерпретацию данного фрагмента. Как явствует из текста оригинала, в одной фразе в эксплицитной и в имплицитной форме присутствуют все три экоконцепта: 1) повествование ведется от лица географа, автор описывает его чувства и ощущения во время похода, т. е. концепт *географ* представлен; 2) семантическое наполнение слов *проплыл по рекам* отсылает читателя и к концепту *вода*, и к концепту *путь*, так как показывает передвижение по рекам, путешествие главного героя – географа.

При переводе эти концепты сохранены автором, вместе с тем, в природно-биологическом поле переводческого пространства наблюдается приращение экосмысла, соотносимого с экоконцептом *географ*, что усиливает экспрессивность текста за счет использования выражения *le fil de mon amour* (букв. *нить моей любви*), и что обуславливает его природосообразность, т.е. гармоничность.

Обратимся к результатам исследований в китайском переводе. Подчеркнем, что на данном этапе исследования мы ограничились изложением некоторых теоретических позиций в области экологического перевода и экотранслатологии, чтобы в дальнейшем перейти к экотранслатологическому анализу художественного текста.

Начнем с того, что идеи экотранслатологии восходят к древней китайской философии, которая признает значимость гармонии человека и экосреды.

Следует подчеркнуть, что экотранслатология в ее современном виде сформировалась в Китае на основе теории адаптации и выбора в переводе, т. е. внимание ученых было сосредоточено на том, «... как переводчик адаптируется к экологической среде перевода и делает выбор при переводе текста. Это заложило основу для обоснования теории адаптации и выбора в переводе, что послужило импульсом развития экологического перевода» (陈金莲/ Чэнь Цзиньлянь 2015:87).

Как показал анализ литературы, китайские ученые оперируют терминами «экологический перевод» и «экотранслатология», начиная с 2001 г. Важной датой для китайской экотранслатологии стало 6 декабря 2001 года, когда профессор Ху Гэншэнь впервые представил статью «Теория адаптации и выбора в переводе» «翻译适应选择论初探» на третьем Азиатском форуме переводчиков, организованном Международной ассоциацией переводчиков (胡庚申/ Ху Гэншэнь 2001). Это была первая статья китайских ученых по экотранслатологии, представленная на международном уровне. С момента своего возникновения экотранслатология в Китае привлекала внимание китайских исследователей, которые своими публикациями в ведущих научных журналах страны подтвердили значимость данного направления исследований (陈金莲/ Чэнь Цзиньлянь 2015).

В 2019 году в статье «Экопарадигма современного перевода» Ху Гэншэнь представил анализ проблем, которые вызвали кризис в области переводоведения в конце XX в. (胡庚申/ Ху Гэншэнь 2019). Среди этих проблем китайский исследователь называет отсутствие экологических аспектов и ограничения, связанные с «культурным поворотом». Этот кризис

привел к смене направления исследований в сфере перевода и становлению экологической парадигмы. Новая экопарадигма привела к развитию экотранслатологии как особой системы исследования перевода, ориентированной на интеграцию и углубленное взаимодействие китайских и западных теорий перевода. В следующем, 2020 г. Ху Гэншэнь публикует монографию «Экотранслатология: к новой парадигме исследований перевода», которая открывает новый этап развития экотранслатологии. Новая парадигма в области переводоведения получила признание китайских исследователей, так как она содержит философские, методологические, прикладные аспекты теории и практики перевода, а также интерпретативные модели перевода (Гу Цзюньлин, Сун Цзяньфэн 2022:10).

В настоящее время, несмотря на интенсивное развитие экотранслатологии в Китае, ученые констатируют недостаточную обоснованность специальных исследовательских методов (苗福光,王莉娜/ Мяо Фугуан, Ван Лина 2014:78). Вероятно, совместные российско-китайские исследования смогут внести свой вклад в решение этой проблемы. Одной из своих ближайших исследовательских задач мы считаем интеграцию идей экологии перевода и экотранслатологии. Вместе с тем, четкое разграничение данных понятий необходимо не только для их всестороннего понимания, но и для экспликации глубинных процессов, происходящих в современном переводоведческом дискурсе.

Таким образом, введение понятий «экологический перевод», «экология перевода», «экотранслатология» расширяют не только наши представления о самом переводе, но и об экологическом подходе к языку. Можно сказать, что между понятиями *эколингвистика*, *экология языка*, *экология перевода*, *экотранслатология* существуют родо-видовые отношения аналогично тому, как соотносятся общая лингвистика и общая теория перевода. Иными словами, в рамках экологии перевода и экотранслатологии находят конкретное воплощение положения экологии языка и эколингвистики. Что касается соотношения понятий экология перевода, экологический перевод, экотранслатология, мы рассматриваем их как относительные терминологические синонимы, объединяющим фактором для которых является термин адаптация. В китайском переводоведении акцент сделан на идее адаптации и выбора. В работах российских ученых речь идет об адаптации текста перевода к принимающей культуре. С позиций концепции переводческого пространства в качестве когнитивного механизма адаптации рассматривается синергия смыслов всех его полей, что обусловлено приращением новых смыслов, детерминированных культурой реципиента и его природным окружением, включающим социум, который приравнивается к природе. Именно синергетическое приращение смыслов приводит к адаптации текста перевода к принимающей культуре, что мы рассматриваем как проявление смысловой гармонии, и что означает естественное вхождение текста перевода в новую культурную среду.

ЛИТЕРАТУРА

Белозерова Н.Н. Концептуальная модель для проведения исследовательских работ в области экологии языка и смежных наук // Экология языка на перекрестке наук: материалы международной научной конференции в 2 ч. Ч. 1. Тюмень: Изд-во ТюмГУ, 2011. С. 12-29.

Белозерова Н.Н., Лабунец Н.В. Эколингвистика: в поисках методов исследования. Тюмень: Изд-во ТюмГУ, 2012. 256 с.

Гу Цзюньлин, Сун Цзяньфэн. Экопереводоведение: новая парадигма переводческих исследований в Китае // Вестник Московского университета. Серия 22. Теория перевода, 2022. No 2. С. 7-25.

Дрожащих Н.В. Экология языка и культуры: рекуррентность смысла // Экология языка на перекрестке наук: материалы международной научной конференции в 2 ч. Ч. 1. Тюмень: Изд-во ТюмГУ, 2011. С. 29-35.

Кушнина Л.В., Юзманов П.Р. Экология перевода: культура vs природа // Экология языка на перекрестке наук: материалы международной научной конференции в 2 ч. Ч. 1. Тюмень: Изд-во ТюмГУ, 2011. С. 41-45.

Кушнина Л.В. Экосистема перевода как проявление синергии смыслов взаимодействующих культур // Экология языка на перекрестке наук: материалы международной научной конференции в 2 ч. Ч. 1. Тюмень: Изд-во ТюмГУ, 2012. С. 16-21.

Кушнина Л.В. Плюснина Е.М. Экология перевода: предпосылки зарождения и пути развития, Пермь, 2016. Изд-во Перм. гос. ун-т – 156 с.

Пылаева Е.М. Эколингвистика как новое направление в языкознании XXI века // Вестник ПГТУ. Проблемы языкознания и педагогики. №5. Пермь, ПНИПУ, 2011. С. 106-114.

Calvet L.-J. Pour une ecologie des langues du monde, Paris, Plon, 1999. 304 p.

Halliday M.A. New Ways of Meaning: The Challenge to Applied Linguistics // The Ecolinguistics Haugen E. The Ecology of language. Standfort, 1972. 396 p.

Hu Gengshen. (2020) Eco-Translatology: Towards an Eco-Paradigm of Translation Studies. Springer Nature Singapore Pte Ltd.

Reader: Language, Ecology and Environnemnt. London, New York, 2001. P. 175-202.

胡庚申. 翻译适应选择论初探[C]. 国际译联第三届 亚州翻译家论坛宣读, 香港, 2001.

陈金莲. 2001 年以来国内生态翻译学研究综述[J]. 昆明理工大学学报: 社会科学版, 2015(4):86-93.

苗福光, 王莉娜. 建构、质疑与未来: 生态翻译学之生态[J]. 上海翻译, 2014(4):77-82.

胡庚申. 翻译研究 " 生态范式 " 的理论建构 [J]. 中国翻译, 2019, 40 (04). p. 24-33+188.

REFERENCES

Belozerova, N.N. (2011). Konceptual`naya model` dlya provedeniya issledovatel`skix rabot v oblasti e`kologii yazy`ka i smezhny`x nauk. E`kologiya yazy`ka na perekrestke nauk: materialy` mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii v 2 ch. Ch. 1. Tyumen`: Izd-vo TyumGU, 12-29.

Belozerova, N.N., & Labunecz, N.V. (2012). E`kologivistika: v poiskax metodov issledovaniya. Tyumen`: Izd-vo TyumGU, 256 s.

Gu, Czzyun`lin, & Sun, Czzyan`fe`n. (2022). E`koperevodovedenie: novaya paradigma perevodcheskix issledovaniï v Kitae. *Vestnik Moskovskogo universiteta*. Seriya 22. Teoriya perevoda, No 2. S. 7-25.

Drozhashhix, N.V. (2011). E`kologiya yazy`ka i kul`tury`: rekurrentnost` smy`sla. E`kologiya yazy`ka na perekrestke nauk: materialy` mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii v 2 ch. Ch.1. Tyumen`: Izd-vo TyumGU, S. 29-35.

Kushnina, L.V., & Yuzmanov, P.R. (2011). E`kologiya perevoda: kul`tura vs priroda. E`kologiya yazy`ka na perekrestke nauk: materialy` mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii v 2 ch. Ch.1. Tyumen`: Izd-vo TyumGU, S. 41-45.

Kushnina, L.V. (2012). E`kosistema perevoda kak proyavlenie sinergii smy`sliv vzaimodejstvuyushhix kul`tur. E`kologiya yazy`ka na perekrestke nauk: materialy` mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii v 2 ch. Ch.1. Tyumen`: Izd-vo TyumGU, 16-21.

Kushnina, L.V., & Plyusnina, E.M. (2016). E`kologiya perevoda: predposy`lki zarozhdeniya i puti razvitiya, Perm`, Izd-vo Perm. gos. un-t – 156 s.

Py`laeva, E.M. (2011). E`kologivistika kak novoe napravlenie v yazy`koznanii XXI veka. *Vestnik PGTU. Problemy` yazy`koznaniya i pedagogiki*. №5. Perm`, PNIPU, S. 106-114.

Calvet, L.-J. (1999). Pour une ecologie des langues du monde, Paris, Plon, 304 p.

Halliday, M.A. (1972). New Ways of Meaning: The Challenge to Applied Linguistics // The Ecology of language. Standfort, 396 p.

Hu, Gengshen. (2020). Eco-Translatology: Towards an Eco-Paradigm of Translation Studies. Springer Nature Singapore Pte Ltd.

Reader: Language, Ecology and Environnemnt. London, New York, 2001. P. 175-202.

胡庚申.翻译适应选择论初探[C].国际译联第三届 亚州翻译家论坛宣读, 香港, 2001.

陈金莲.2001 年以来国内生态翻译学研究综述[J].昆明理工大学学报:社会科学版, 2015(4):86-93.

苗福光,王莉娜.建构、质疑与未来:生态翻译学之生态[J].上海翻译,2014(4):77-82.

胡庚申. 翻译研究 " 生态范式 " 的理论建构 [J]. 中国翻译, 2019, 40 (04). p. 24-33+188.

© Фоменко Е.А., 2023

УДК 82–3

<https://doi.org/10.36906/2500-1795/23-2/13>*Чащина Е.И., Киричук Е.В.*

СИМВОЛИКА В ТВОРЧЕСТВЕ СЕСТЕР БРОНТЕ (НА МАТЕРИАЛЕ РОМАНОВ «ДЖЕЙН ЭЙР» И «ГРОЗОВОЙ ПЕРЕВАЛ»)

Аннотация. Статья посвящена анализу символики, отраженной в двух ярких произведениях эпохи Викторианства: «Грозовой перевал» Эмили Бронте и «Джейн Эйр» Шарлотты Бронте. В работе дается сравнение символов, используемых указанными авторами (этимология имен и фамилий, образ природы, сюжеты и образы, фигурирующие в сказочных и мифологических сюжетах), поиск общих для них образов. Актуальность исследования обусловлена повышенным интересом филологов к творчеству сестер Бронте, стремлением исследователей выделить черты, объединяющие произведения как Шарлотты, так и Эмили Бронте. Для достижения поставленной цели используется сравнительно-исторический метод исследования. Результатом проведенного исследования становится вывод об общих сказочных и мифологических источниках в символике художественной прозы сестер Бронте, которые не только характеризуют индивидуальность каждого автора, специфику каждого из двух анализируемых произведений, но и позволяют определить их общие истоки. Обе сестры Бронте при создании своих романов так или иначе обращались к различным сказочным сюжетам, мифологическим образам, фигурирующим в кельтских сказаниях и легендах. Оригинальность полученных данных заключается в исследовании мотивной организации и компаративном анализе текстов романов сестер Бронте. Практическая значимость работы состоит в возможности использования результатов исследования при формировании программ по «Истории зарубежной литературы XIX века», а также в специальных курсах по творчеству сестер Бронте. Кроме того, результаты исследования послужат ориентиром для научных исследований. Дальнейшее направление исследований предполагает продолжение изучения творчества сестер Бронте, отражение в нем сказочного и мифологического контекста с точки зрения компаративного анализа.

Ключевые слова: Викторианская эпоха; Шарлотта Бронте; Эмили Бронте; «Джейн Эйр»; «Грозовой перевал»; сравнительный анализ; символика

Сведения об авторах: Чащина Екатерина Игоревна, студентка 3 курса направления подготовки 45.03.01 Филология (направленность «Русская филология») кафедры русского языка, литературы и документных коммуникаций Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского; Киричук Елена Владиленовна, д-р филол. наук, доцент, профессор кафедры русского языка, литературы и документных коммуникаций Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского, ID ORCID: 0000-0003-2907-5439

Контактная информация: 644077, г. Омск, пр. Мира д. 55, ауд. 224, тел.: 8 3812 67-13-37, ekaterina271001@mail.ru, kirichuk@bk.ru

*E.I. Tchaschina, E.V. Kirichuk***THE ROLE OF THE SYMBOL IN THE WORK OF THE BRONTE SISTERS (BASED ON THE NOVELS «JANE EYRE» AND «WUTHERING HEIGHTS»)**

Abstract. The article focuses on the analysis of symbolism reflected in two striking works of the Victorian era: Emily Bronte's «Wuthering Heights» and Charlotte Bronte's «Jane Eyre». The work compares the symbols used by the specified authors (etymology of names and surnames, the image of nature, plots and images appearing in fairy-tale and mythological plots), search for images common to them. The relevance of the study is due to the increased interest of philologists in the work of the Bronte sisters, the desire of researchers to highlight the features that unite the works of both Charlotte and Emily Bronte. To achieve this goal, a comparative historical research method is used. The result of the study is a conclusion about the general fabulous and mythological sources in the symbolism of the fiction of the Brontë sisters, which characterize the individuality of each author, the specifics of each of the two analyzed works, but also allow determining their common origins. Both Bronte sisters, when creating their novels, somehow turned to various fairy-tale plots, mythological images appearing in Celtic legends and legends. The originality of the data obtained lies in the motivic organization and comparative analysis of the texts of the two sisters. The practical significance of the work consists in the possibility of using the research results in the formation of programs on the “History of foreign literature of the XIX century”, as well as in special courses on the work of the Bronte sisters. In addition, the results of the study will serve as a guideline for scientific research. The further direction of research involves the continuation of the study of the Bronte sisters' creativity, the reflection of the fairy-tale and mythological context in it from the point of view of comparative analysis.

Keywords. The Victorian Era; Charlotte Bronte; Emily Bronte; Jane Eyre; Wuthering Heights; comparative analysis; symbolism.

About the authors: Tchaschina Ekaterina Igorevna, 3rd year student of the direction of training 45.03.01 Philology (orientation “Russian Philology”) Departments of Russian Language, Literature and Documentary Communications of Dostoevsky Omsk State University; Kirichuk Elena Vladilenovna, Professor, Doctor of Philology, Dostoevsky Omsk State University.

Contact information: Omsk, 55 Mira Ave., room 224, tel.: 8381267-13-37, ekaterina271001@mail.ru , kirichuk@bk.ru

Чашина Е.И., Киричук Е.В. Символика в творчестве сестер Бронте (на материале романов «Джейн Эйр» и «Грозовой перевал») // Нижневартровский филологический вестник. 2023. №2. С. 149-159. <https://doi.org/10.36906/2500-1795/23-2/13>

Tchaschina, E.I., & Kirichuk, E.V. (2023). The Role of the Symbol in the Work of the Bronte Sisters (Based On the Novels «Jane Eyre» and «Wuthering Heights»). *Nizhnevartovsk Philological Bulletin*, (2), 149-159. (in Russian). <https://doi.org/10.36906/2500-1795/23-2/13>

В последнее время появляется множество работ, авторы которых не противопоставляют творчество сестер Бронте, а, наоборот, находят в произведениях Э. и Ш. Бронте общие, объединяющие черты. В частности, роман Шарлотты Бронте «Джейн Эйр» сравнивался с различными сказочными сюжетами, мотивы которых впоследствии нашли отражение и в ярком произведении Викторианской эпохи. Целью настоящей публикации является сопоставление двух романов, написанных Шарлоттой и Эмили Бронте – «Джейн Эйр» и «Грозовой перевал».

Сравнительный анализ проводится путем сопоставления символических образов и атрибутивной символики. «Символ представляет собой некий художественный образ, который используется писателями в созданных ими художественных произведениях для выражения какого-либо определенного смысла. Символ не указывает на какую-то действительность, но есть сама эта действительность. Он не обозначает какие-то вещи, но сам есть эта явленная и обозначенная вещь». (Лосев 1993: 876). «В художественной литературе <...> символ означает художественный образ, задача которого передать какую-либо мысль или эмоции» (Миничкин 2017: 159). Значения, выражаемые символом, сводятся к образу; обозначаемому им предмету; смыслу образа (Миничкин 2017: 160).

То есть, суть, идея художественного произведения, выражается именно с помощью символа. По мнению А. А. Потебни, символом, обозначающим что-либо, является слово: «Слово только потому есть орган мысли и непереносимое условие всего позднейшего понимания мира и себя, что первоначально есть символ, идеал и имеет все свойства художественного произведения» (Миничкин 2017: 161). Функции Слова в тексте заключаются в смыслообразовании, творении высших форм и отображении действительности. Роль символа является основной задачей Слова в литературе. Роль Слова как символа в системе мировоззрения, мироощущения и духовно-творческого бытия писателей неоспорима и принципиально важна, в результате чего появляется множество сюжетов, новых смыслов, требующих отдельного рассмотрения (Миничкин 2017: 162).

Символ, использованный автором в тексте созданного им произведения, представляет собой «глубинное кодирующее устройство» (Власевская 2009: 67) текста и помогает нам увидеть художественный мир писателя.

Одним из интересующих исследователей символических обобщений является очевидная и «говорящая» этимология имен в романах «Джейн Эйр» и «Грозовой перевал».

Анализируя роман Эмили Бронте, мы, в первую очередь, говорим о приеме выражения смысла посредством символизации имени героя. К примеру, обращаясь к образу Хитклифа, одного из главных героев произведения, можно заметить, что его имя состоит из сочетания

таких слов, как *heath* – вереск и *cliff* – холм, которые олицетворяют собой одиночество и стойкость Хитклифа (Иванова, Черкасс: 49).

Образ вереска тесно связан и с именем Кэтрин Эрншо. Среди всех упомянутых в романе героев именно Кэтрин стала самым близким для Хитклифа человеком, с которым он проводил все свое свободное время. В силу их взаимной привязанности друг к другу самым суровым наказанием для обоих был запрет играть вместе. Со временем их отношения развились до взаимной любви, масштаб которой показан в восприятии героями друг друга как смысла собственной жизни. Так, примером этого служит знаменитый монолог Кэтрин «Я и есть Хитклиф», произнесенный в сцене разговора девушки с Нелли, и эпизод, описывающий внутреннее состояние Хитклифа после смерти Кэтрин, когда он просит уже умершую возлюбленную не оставлять его: «Я не могу жить без моей жизни! Я не могу жить без моей души!» (Бронте 2020: 206). Именно этот момент способствовал тому, что Хитклиф окончательно утратил смысл своей жизни, именно этот момент привел к полному одиночеству в жизни героя.

Внешность Хитклифа описывается мрачными красками, характер его также являет человека бессердечного, расчетливого, тогда как Эдгар Лinton явился полной его противоположностью. Большие голубые глаза, гладкий лоб, светлые вьющиеся волосы – вот отличительные черты внешности всех членов семьи Лinton. Кэти Лinton, дочь Эдгара и Кэтрин Эрншо, унаследовала внешность родственников со стороны отца: «лицом настоящая красавица, с прелестными темными глазами, унаследованными от Эрншо, но белокожая, с тонкими чертами и светлыми вьющимися волосами, как у всех Лintonов» (Бронте 2020: 232). Фамилия Лinton (Linton) связана с ирландским словом «*líon*», которое можно перевести на русский язык как «лен».

Помимо внешности герои отличаются и поведением. Если Хитклиф с детства был вспыльчивым человеком, который может сбежать из дома в пустоши, позволить себе бросить в противника миску горячего яблочного соуса (эпизод в 7 главе, в котором Эдгар Лinton оскорбил Хитклифа, сказав, что его волосы похожи на жеребьячью гриву) или мстить, то Лinton, как и все члены его семьи, отличался утонченными чертами аристократа. Именно после пятинедельного пребывания в доме Лintonов Кэтрин Эрншо превратилась из дикарки, постоянно бедокурившей непослушной девчонки в леди, с которой не сможет сравниться даже Изабелла Лinton, для которой та среда, которой Лintonы окружили Кэтрин, чтобы выработать в ней чувство самоуважения, была привычной с самого раннего возраста.

В романе Шарлотты Бронте «Джейн Эйр» присутствует фамилия, которая по своему содержанию близка к этимологии имени «Хитклиф». Это фамилия Рочестер (англ. Rochester). Она является топонимической, то есть данной человеку на основе его проживания рядом с каким-либо объектом. Впервые эта фамилия была зафиксирована в городе Рочестере, расположенном в графстве Кент в Англии. Город известен расположенным там замком, который представлял из себя крепость. Фамилия хозяина поместья «Торнфильд-холл» берет свое начало от топонима «Rochester», в состав которого входят элементы

древнеанглийского слова «hrofi» и кельтского слова «dorobrevi», что можно перевести на русский язык как «мосты крепости». В сочетании со словом «ceaster» (с древнеанглийского слово переводится как «город») (Камардина 2016) указанные части топонима и дают фамилию героя романа Ш. Бронте.

Так, символика имени и фамилии героев произведений сестер Бронте (холм и крепость) представлена героями, которые обладают силой и стойкостью характера, но являются одиночками в среде того общества, в котором они находятся.

Тема холмов, фигурирующая в романе Эмили Бронте, тесно связана с кельтскими сказаниями, согласно которым холм является границей между реальным и сказочным мирами. В мире, созданном Э. Бронте, эта граница очень легко пересекается; в доме Эрншо сразу чувствуется переход между реальным и мистическим мирами, чего нельзя отметить при наблюдении за обстановкой в доме Линтонов. В романе Эмили, в отличие от произведения Шарлотты, действие растягивается на два дома, что связано с противопоставлением холмов («Грозовой перевал») и долин («Дрозды»).

Сказка в мире Эрншо встраивается в реальность и отражается в символике имени. В частности, это работает с образом Хитклифа, воплотившего в себе образ героя-злодея. Такой герой всегда появляется из ниоткуда (Нелли Дин, экономка и вторая рассказчица в романе, рассказала мистеру Локвуду о том, что никто из семьи Эрншо не знал, откуда появился Хитклиф, которого Эрншо-старший однажды привез из своей поездки в Ливерпуль; введение приема рассказа в рассказе дает автору возможность описать события, происходившие 30 лет назад). Здесь имеет место легенда о подменыше, которая бытовала в Викторианской Англии. Согласно этой легенде, новорожденный ребенок мог подвергаться влиянию нечистой силы, в частности, стать объектом сглаза ведьм или же «добычей волшебных существ» (Коути, Харса 2015) – фейри, представители которых являются персонажами кельтского фольклора. Украд человеческого ребенка, который отличался миловидностью, золотыми волосами и голубыми глазами и мог улучшить породу фейри, являвшимся некрасивыми, или же стать их слугой, они оставляли людям своего подменыша. Детеныш фейри чувствовал себя счастливым только в том случае, если в семье, в которой он находился, случались различные неприятности. Так, вернувшись после долгого отсутствия, длившегося с момента свадьбы Кэтрин и Эдгара Линтона, Хитклиф задумал жестокую месть Эдгару за то, что он женился на Кэти и отнял у Хитклифа смысл жизни.

Но образ Хитклифа неоднозначен: оказывается, что герой способен и любить, и прощать. Прием героя-двойника реализует его способность изменить все вокруг себя.

Если в сказочном мире «Грозового перевала» Хитклиф является героем, то в реальном мире, в котором живут Линтоны, – он злодей.

Образы мира природы, отраженные в романах сестер Бронте, представляют собой яркие символы и раскрывают идею произведения.

Они организуют последовательность и смысловую преемственность, которую выстраивает Э. Бронте на протяжении всего произведения, начиная с названия романа –

«Грозовой перевал», которое на английском языке звучит как «Wuthering Heights». Исходя из составных частей оригинального названия романа, мы можем перевести их на русский язык как «атака» (wuthering) и «холмы» (heights). На основании этого можно согласиться с примечанием, расположенном в переводе романа на русский язык, согласно которому более правильным названием как для фермы, на которой проживали герои, так и для всего романа, стало бы название «Грозовые холмы» (местность, на которой расположено поместье, вовсе не отличается наличием гор или перевалов). Такой перевод был бы более точным и в передаче смысла символики.

Символика природных явлений находит свое отражение и в отношениях Кэтрин Эрншо с Эдгаром Линтоном и Хитклифом. Так, сравнивая свою любовь к обоим героям, Кэтрин говорит о том, что в случае с Эдгаром она изменится под влиянием времени так же, как меняются зимой листья на деревьях. Любовь к Хитклифу сравнивается у Кэтрин с расположенными в недрах земли каменными пластами, которые являются вечными. Подобная образность мышления определяет семантику двойственности образа Кэтрин: «В ней есть что-то от первозданности стихий, нечто языческое» (Ионкис 2009). Символ «Грозового перевала» или «Грозовых холмов» как также выражает значение стихийности, непредсказуемости как судьбы героев, так и окружающей их природы.

Анализируя текст произведения, можно отметить, что образы природы являются характеристикой героя наравне с психологическими чертами. Так, к примеру, поведение собак и кухарки в сцене первого посещения рассказчиком (Локвудом) поместья ассоциируется с бурей, штормом: «благодаря ее грозному оружию и крику буря волшебным образом улеглась»; «кухарка стояла одна посреди комнаты, и ее грудь все еще вздымалась, словно морские волны после шторма...» (Бронте 2020: 9). Обстановка, царящая в доме Хитклифа, коренным образом отличается от обстановки в доме Линтонов, который отличался красотой: на роскошное обрамление комнаты, которую увидели Кэтрин и Хитклиф во время совместного побега в пустоши, указывают такие детали интерьера, как малиновые ковер, обивка на стульях, скатерти на столах; белый потолок с золотой каемкой; свисающие с потолка на цепях стеклышки в сочетании со свечами. С этим также контрастируют такие картины поместья, в котором живет Хитклиф, как затвердевшая от мороза земля в саду, вой ветра или метели за окном.

Образы Кэтрин Эрншо и Хитклифа, когда они были счастливыми детьми, связаны с описанием теплого лета, характеризующегося ясной и благоприятной погодой, но после смерти мистера Эрншо и Кэтрин зарисовки природы уже другие. К примеру, в сцене, иллюстрирующей смерть мистера Эрншо («он умер октябрьским вечером, тихо сидя в кресле у камина» (Бронте 2020: 52)), «сильный ветер выл за окном и гудел в трубе. Казалось, он буйствует, предвещая бурю...» (Бронте 2020: 52). Во время похорон Кэтрин, смерть которой вскоре после рождения ребенка обозначена в 16 главе романа, «ветер переменялся с южного на северо-восточный, принесся сначала дождь, а потом мокрый снег и метель <...> под снежными сугробами скрылись примулы и крокусы, молодые листочки на деревьях пожухли

и почернели, смолкли жаворонки» (Бронте 2020: 208). Образы природы в этом эпизоде создают настроение, которое, так же как и та «угрюмая, промозглая, гнетущая атмосфера» (Бронте 2020: 208), передает скорбь героев по умершей Кэтрин. Однако утро после рождения Кэти Линтон, дочери Кэтрин-старшей, выдалось солнечным и веселым. Картина природы подчеркивает будущие качества девочки, которые вернут мир в дом на Грозовом перевале. Здесь уместно предположение, что связь природы с характером героини представляет собой пример положительного параллелизма. Указанный термин представляет собой разновидность параллелизма, который является основным приемом устного лирического творчества. В таком случае в романе «Грозовой перевал» можно рассмотреть и отрицательный параллелизм, и его сравнительный инвариант, как показано в вышеназванных примерах. Все же, символизация явлений природы, таких как «воющий ветер», «буря», «метель», «дождь», соединяет поэтику Э. Бронте с романтическими приемами построения лирического текста, что применялось, в частности, поэтами «Озерной школы».

В финале романа, в эпизоде, когда рассказчик наблюдает за тремя могилами, расположенными на склоне, который вел к пустоши, природа описывается как явление умиротворяющее. Один из надгробных камней, серый, принадлежавший Кэтрин-старшей, «наполовину утопал в вереске»; «другой, Эдгара Линтона, был окружен дерном и покрыт поднимавшемся от подножия лишайником; камень Хитклифа все еще оставался чистым» (Бронте 2020: 415). Небо над могилами героев было ласковым, в вереске и среди колокольчиков летали ночные мотыльки. Рассказчик «слушал нежное дыхание ветра, блуждавшего в траве, и удивлялся, откуда у людей взялась мысль, что кому-то из лежавших в такой покойной земле могут присниться беспокойные сны» (Бронте 2020: 414).

Примечательно, что у Шарлотты Бронте характер героев также определен путем символизации образов природы. Явления природы, конечно, передают также внутренние переживания главной героини. Так, первый этап жизненного пути (жизнь в доме миссис Рид) запомнился Джейн наличием тяжелой, давящей обстановки, отрицательного отношения со стороны тети и кузенов. Внутренние переживания Джейн отражены именно в описании картины природы, что подчеркивается такими деталями, как холодный ветер, угрюмые тучи, пронизывающий дождь и стоящий в Красной комнате, куда миссис Рид велела запереть Джейн после ее ссоры с Джоном, холод.

Период обучения Джейн в Ловуде (его прототипом стала Коуэн-Бриджская школа для дочерей духовенства, в которой обучались сестры Бронте) также характеризуется тяжелыми обстоятельствами, переживаниями в душе героини. Это время явилось для девочки более тяжелым, чем жизнь с тетей. На это также указывает погода: «в течение января, февраля и части марта – сначала из-за глубоких снегов, а затем, после их таяния, из-за весенней распутицы – наши прогулки ограничивались садом...», «резкий ветер дул с севера, с заснеженных холмов, и буквально обжигал нам лицо» (Бронте 2018: 102, 103).

Следующий этап жизни Джейн – жизнь в Торнфилд-холле – также связан с пейзажными зарисовками, имеющими символическое значение. В частности, тут следует

начать с того, что название самого поместья в его оригинальном звучании («*Thorntree*») можно перевести на русский язык как «боярышник». Название поместья звучит подобным образом потому, что вдоль ограды, отделяющей парк от поляны, росли деревья, похожие на дубы и представляющие собой разновидность боярышника. Дуб является священным деревом кельтов, которые считали, что это дерево является символом знания и силы; согласно кельтской мифологии, все произрастающее на дубе является посланием неба (Широкова 2005).

Дорога, ведущая из Торнфильда в Хей, деревню, куда в 12 главе отправилась Джейн с целью отправить письмо, привлекала внимание летними зарослями боярышника и шиповника, осенними орехами и ежевикой и зимней пустынностью и тишиной. Именно на этой дороге Джейн познакомилась с хозяином Торнфильда мистером Рочестером, лошадь которого сначала приняла за Гитрашу – духа, фигурировавшего в сказках, бытующих в Северной Англии, и настигающего «запоздалых путников» (Бронте 2018: 171).

Орешник является одним из священных деревьев, почитаемых кельтами. Согласно их представлениям, это дерево символизировало знание, мудрость. Кроме того, с древесиной орешника было связано проведение обряда (бросания жребия) с целью получения пророчества. (Широкова 2005).

Боярышник, также почитаемый кельтами, является символом надежды, семьи и счастливого брака. Вспоминая греко-римскую культуру, мы можем говорить о том, что люди делали свадебные венки из цветков боярышника. Финал романа Шарлотты Бронте заканчивается именно счастьем и совместной жизнью героев. Именно счастья ищет главная героиня на протяжении всей своей жизни. Героиня искренне верит в любовь. Джейн Эйр показана в романе независимым человеком, готовым отстаивать свои интересы и нравственные принципы. Героиня упорно стремится к достижению поставленной цели: обретению счастья, независимости, свободы, и, главное, любви. И, надо сказать, она обретает все это. В конце романа, после страшного пожара, уничтожившего Торнфильд, забравшего жизнь Берты Мейсон и искалечившего мистера Рочестера (в результате пожара он лишился зрения, на одной руке не было «ни пальцев, ни ногтей», а была «одна култышка»), Джейн наконец соединилась с возлюбленным. Оба героя рады встрече друг с другом: «Джейн Эйр!.. Джейн Эйр!!! – повторял он», «Да, мой дорогой хозяин, я Джейн Эйр. Я разыскала вас, я вернулась к вам» (Бронте 2018: 584). Так же и сам Рочестер хочет обрести истинное счастье, создав семью с той девушкой, которую он любит.

В европейской же культуре боярышник является местом, где в его зарослях обитают феи и духи. В Ирландии бытовало поверье, что растение находится под защитой фей. В сцене разговора, состоявшегося между Джейн Эйр и мистером Рочестером после знакомства на дороге в Хей упоминаются именно они:

- ...вы ждали своих сородичей, сидя у изгороди?
- Кого ждала, сэр?

– Маленьких человечков в зеленом! Был как раз подходящий лунный вечер. Я, вероятно, помешал вашим танцам, поэтому вы и сковали льдом проклятую тропинку?

<...>

– Маленькие человечки в зеленом покинули Англию лет сто назад... (Бронте 2018: 184).

Путь к счастью героев романа оказался непростым. В этом смысле примечателен образ каштанового дерева, расположенного в саду Торнфильд-холла. Когда в разговоре с Джейн Рочестер признается ей в любви, гроза раскалывает каштан. Потом, уже накануне свадьбы с Рочестером, Джейн нашла каштан обуглившимся. «Расколовшийся ствол зиял расщепом. Дерево не развалилось, основание ствола и крепкие корни удерживали его, хотя общая жизнь была нарушена и движение соков прекратилось. Сучья по обеим сторонам уже омертвели, и буря следующей зимы повалит, наверное, одну, а то и обе половины на землю» (Бронте 2018: 381). Расколотое дерево явилось, таким образом, символом невозможности отношений Джейн Эйр и хозяина Торнфильда, пока длится обман, поскольку Рочестер скрывает свой несчастный брак с сумасшедшей Бертой Мейсон.

В эпизоде, когда Джейн накануне свадьбы рассказывает мистеру Рочестеру о своем сне, согласно которому «Торнфильд превратился в угрюмые развалины, в обитель сов и летучих мышей» (Бронте 2018: 388), сова представляет собой символ плохого предзнаменования. Следя за следующим ходом сюжета, мы читаем о пожаре, который устроила Берта Мейсон.

Эмили Бронте в «Грозовом перевале» как символ дикой, непокоренной человеком природы использует образ вереска. Слово «вереск» в оригинальном звучании на английском языке входит в состав имени Хитклифа; в детстве герой вместе с Кэтрин любят гулять по вересковому полю; могилы в конце романа расположены на холме, ведущем к нему; могила Кэтрин Эрншо покрыта вереском.

В романе «Джейн Эйр» Ш. Бронте, описывая побег Джейн из Торнфильд-холла после раскрытия тайны мистера Рочестера и последующие скитания героини по незнакомой местности, показывает картину вересковой пустоши: «Я коснулась вереска: он был сух и еще хранил тепло знойного летнего дня» (Бронте 2018: 442). Кроме того, вереск упоминается в сцене знакомства Джейн и мистера Рочестера: «Он коснулся лошади шпорами, она взвилась на дыбы, затем поскакала галопом. Собака бросилась следом, и все трое быстро исчезли из виду, –

Как вереск, что в степи сухой,
Уносит воя, ветер» (Бронте 2018: 175)

Вереск упоминается в «Битве деревьев» – поэме, написанной на валлийском языке (бретонская ветвь кельтских языков) и входящей в состав «Книги Талиесина»: «Но храбр, хоть и ростом мал, оказался медовый вереск» (Битва деревьев). Так, в произведениях обеих

сестер Бронте главные героини заимствуют это качество и отличаются стойкостью, силой духа и храбростью.

Таким образом, проанализировав отражение различных символов в произведениях сестер Бронте, мы можем сделать вывод о том, что они соединяют реалистический характер повествования со сказочным в их произведениях. Именно с помощью введенных автором образов-символов читатель сможет проследить особенности характера героев, понять «идею художественного образа» (Власевская 2009). Использование символизации помогает автору художественного текста привлечь внимание читателя к глубине, полисемии того или иного введенного в повествование образа. Стоит вспомнить, к примеру, используемый в романе Ш. Бронте «Джейн Эйр» образ боярышника, значения которого в разных культурах связываются с разными интерпретациями (счастливый брак в европейской и место обитания фей в ирландской культурах). Символика также показывает контраст между спокойным, умиротворенным, счастливым финалом и трагическими поворотами сюжета.

Обе сестры при создании своих романов так или иначе обращались к сказочным и мифологическим сюжетам, с тем лишь отличием, что Шарлотта работала с сюжетами, которые бытовали в сказках разных культур и разных народов, а Эмили обращалась к местным, ирландским сюжетам. Проведенный компаративный анализ символики в романистике сестер Бронте позволяет рассмотреть не только различия в художественном мире двух писательниц, но и смысловое сближение.

ЛИТЕРАТУРА

Битва деревьев. URL: <https://clck.ru/36V7Zq> (дата обращения: 06.12.2022).

Бронте Ш. Джейн Эйр / Пер. с англ. В. Станевич, М.: Издательство «Э», 2018. 608 с.

Бронте Э. Грозовой перевал / Пер. с англ. Н. Жутовский, М.: АСТ, 2020. 416 с.

Власевская И.А. Роль символа в анализе интерпретации художественного текста // Вестник ЯГУ. 2009. №2. Т. 6. URL: <https://clck.ru/36V7aU> (дата обращения: 17.03.2023).

Иванова А.В. Образ природы как один из способов выражения национальной идентичности в художественной литературе Британии середины XIX и конца XX вв.: лингвостилистический анализ // Перевод и сопоставительная лингвистика. Вып. № 12 URL: <https://clck.ru/36V7by> (дата обращения: 13.11.2022).

Ионкис Г. Магическое искусство Эмили Бронте. 2009. URL: <https://clck.ru/36V7dg> (дата обращения: 13.05.2023).

Камардина Ю.С. Роль пейзажа в романе Э. Бронте «Грозовой перевал» // Международный научный журнал «Символ науки». 2016. №2. URL: <https://clck.ru/36V7eT> (дата обращения: 13.11.2022).

Коути Е., Харса Н.В. Суеверия Викторианской Англии. Москва: Издательство Центрполиграф, 2015. URL: <https://clck.ru/36V7fD> (дата обращения: 23.03.2023).

Курицкая Е.В., Дегтяренко К.А. Роль топонимов в образовании фамилий в английском языке // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2018. № 4(82). Ч. 2. С. 367-370. URL: <https://clck.ru/36V7hL> (дата обращения: 13.11.2022).

Лосев А.Ф. Бытие – имя – космос. М.: Мысль, 1993. 958 с.

Миничкин П.Д. Слово как символ в художественной литературе // Bulletin of the Ras. 2017. Vol. 32. Is. 4. URL: <https://clck.ru/36V7ib> (дата обращения: 21.03.2023).

Широкова Н.С. Мифы кельтских народов. Растительные мотивы в мифологии кельтов // Мифы кельтских народов. Москва: АСТ, Астрель, Транзиткнига, 2005. URL: <https://clck.ru/36V7ja> (дата обращения: 04.12.2022).

REFERENCES

Bitva derev`ev. URL: <https://clck.ru/36V7Zq> (data obrashheniya: 06.12.2022).

Bronte, Sh. (2018). Dzhejn E`jr / Per. s angl. V. Stanevich, M.: Izdatel`stvo «E`», 608 s.

Bronte, E`. (2020). Grozovoj pereval / Per. s angl. N. Zhutovskij, M.: AST, 416 s.

Vlasevskaya, I.A. (2009). Rol` simvola v analize interpretacii xudozhestvennogo teksta. Vestnik YaGU. №2. T. 6. URL: <https://clck.ru/36V7aU> (data obrashheniya: 17.03.2023).

Ivanova, A.V. Obraz prirody` kak odin iz sposobov vy`razheniya nacional`noj identichnosti v xudozhestvennoj literature Britanii serediny` XIX i koncza XX vv.: lingvisticheskiy analiz. Perevod i sopostavitel`naya lingvistika. Vy`p. № 12 URL: <https://clck.ru/36V7by> (data obrashheniya: 13.11.2022).

Ionkis, G. (2009). Magicheskoe iskusstvo E`mili Bronte. URL: <https://clck.ru/36V7dg> (data obrashheniya: 13.05.2023).

Kamardina, Yu.S. (2016). Rol` pejzazha v romane E`. Bronte «Grozovoj pereval». Mezhdunarodny`j nauchny`j zhurnal «Simvol nauki». №2. URL: <https://clck.ru/36V7eT> (data obrashheniya: 13.11.2022).

Kouti, E., & Xarsa, N.V. (2015). Sueveriya Viktorianskoj Anglii. Moskva: Izdatel`stvo Centrpoligraf, URL: <https://clck.ru/36V7fD> (data obrashheniya: 23. 03.2023).

Kuriczskaya, E.V., & Degtyarenko, K.A. (2018). Rol` toponimov v obrazovanii familij v anglijskom yazy`ke. Filologicheskie nauki. Voprosy` teorii i praktiki. № 4(82). Ch. 2. С. 367-370. URL: <https://clck.ru/36V7hL> (data obrashheniya: 13.11.2022).

Losev, A.F. (1993). By`tie – imya – kosmos. M.: My`sl`, 958 s.

Minichkin, P.D. (2017). Slovo kak simvol v xudozhestvennoj literature. Bulletin of the Ras. Vol. 32. Is. 4. URL: <https://clck.ru/36V7ib> (data obrashheniya: 21.03.2023).

Shirokova, N.S. (2005). Mify` kel`tskix narodov. Rastitel`ny`e motivy` v mifologii kel`tov. Mify` kel`tskix narodov. Moskva: AST, Astrel`, Tranzitkniga, URL: <https://clck.ru/36V7ja> (data obrashheniya: 04.12.2022).

© Чащина Е.И., Киричук Е.В.. 2023

УДК 81'282.8

<https://doi.org/10.36906/2500-1795/23-2/14>

S.V. Yartseva

THE ANALYSIS OF THE PHONETIC INTERFERENCE ON THE SAMPLE OF “SPANGLISH”

Abstract: In the following article language interference as one of the forms of language contact is being investigated. The purpose of the study is to analyze the forms, in which language interference, precisely, its phonetical part can be expressed, and to draw conclusions on the basis of the analysis. The contact of nations inevitably leads to the contact of languages in different forms of interaction. These might include processes from simple mistakes while learning a new language to the emergence of a new language phenomena. The highest form of the language interference may lead to the creation of a so called mixed language that is based on the compilation of the constituting languages. The interference may be expressed on different levels of language hierarchy. In the present article these various types are listed with the phonetic interference being thoroughly explained and exemplified. The analysis of the phonetic level of one of the mixed languages called “Spanglish” is being provided to give examples for various manifestations of the phonetic interference. The given mixed language is the mixture of the English and the Spanish languages, which are interfering in all hierarchical levels. The characteristics of the phonetic interference in “Spanglish” has been described; the phonetic peculiarities have been analyzed and systematized. In the present study the method of linguistic description, comparative analysis, classification method, component analysis have been used.

Keywords: language interference; phonetic interference; language contact; contact linguistics; mixed language; Spanglish.

About the author: Yartseva Svetlana Vladimirovna, free applicant, lecturer in the Uzbek State World Languages University, “Linguistics and English Literature” department, ORCID 0000-0003-4054-0557.

Contact information: Uzbekistan, Tashkent, Chilonzor district, Tokhir str., 38; mobile: +998909020682; libertine13@list.ru

Ярцева С.В.

АНАЛИЗ ФОНЕТИЧЕСКОЙ ИНТЕРФЕРЕНЦИИ НА ПРИМЕРЕ «СПАНГЛИША»

Аннотация: В данной статье исследуется языковая интерференция как одна из форм языкового контакта. Цель исследования – проанализировать формы, в которых может выражаться языковая интерференция, а именно её фонетическая часть, и прийти к выводам на основе проведённого анализа. Контакт народов неизбежно приводит к контакту языков в

различных формах взаимодействия. Оно может представлять собой различные процессы: от простых ошибок при изучении нового языка до возникновения новых языковых явлений. Высшая форма языковой интерференции может привести к созданию так называемого смешанного языка, основанного на компиляции составляющих языков. Интерференция может выражаться на разных уровнях языковой иерархии. В настоящей статье перечислены различные типы, даны подробные объяснения и примеры выражения фонетической интерференции. Проведен анализ фонетического уровня одного из смешанных языков под названием «спанглиш» с целью приведения примеров различных проявлений фонетической интерференции. Данный смешанный язык представляет собой смесь английского и испанского языков, интерферирующих на всех уровнях иерархии языка. Описаны особенности фонетической интерференции в «спанглише»; фонетические особенности проанализированы и систематизированы. В исследовании использованы методы лингвистического описания, сравнительного анализа, метода классификации, компонентного анализа.

Ключевые слова: языковая интерференция; фонетическая интерференция; языковой контакт; контактная лингвистика; смешанный язык; «спанглиш».

Сведения об авторе: Ярцева Светлана Владимировна, свободный соискатель, преподаватель кафедры «Лингвистика и английская литература» Узбекского государственного университета мировых языков, ORCID 0000-0003-4054-0557.

Контактная информация: Узбекистан, г. Ташкент, Чилонзарский р-он, ул. Тохир, 38; тел.: +998909020682; libertine13@list.ru

Yartseva S.V. The Analysis of the Phonetic Interference on the Sample of “Spanglish” // Нижневартковский филологический вестник. 2023. №2. С. 160-169. <https://doi.org/10.36906/2500-1795/23-2/14>

Yartseva, S.V. (2023). The Analysis of the Phonetic Interference on the Sample of “Spanglish”. *Nizhnevartovsk Philological Bulletin*, (2), 160-169. <https://doi.org/10.36906/2500-1795/23-2/14>

Introduction

Development of the modern linguistics has led to the emergence of various linguistic branches concerned with the connection of language and human factor. One of the recently developed trends within the anthropocentric or human-based linguistic paradigm is contact linguistics.

Contact linguistics studies languages interaction while being in contact, under the influence of the language users and the results of the contact having emerged. Among the crucial factors affecting these results might be the length of the contact, the social and the economic needs that

have appealed for the contact, the language abilities of the interlocutors, the need for self-expression and many other extralinguistic factors.

One of the main notions in the theory of language contacts is language interference. According to American linguist Weinreich, U., interference should be understood as deviations from the norms of the language in the process of bilingualism being a result of the knowledge of several languages by individuals, namely as a result of language contact [Weinreich 1979: 22]. Russian linguist Scherba, L. suggests that in purely linguistic terms interference should be identified as the adaptation of the language of one interlocutor to the language of another and, as a result, a change in the norms of the contacting languages (Щерба 1958: 42-46).

Thus, in the process of languages contact interference influences both contacting languages to this or that extent, which leads to various changes in the norms of the contacting languages on different levels of language hierarchy. Accordingly, linguistic interference might be subdivided into several types: phonetic, semantic, lexical, grammatical, orthographic, stylistic, sociocultural, etc. Different language scientists propose their own classification according to the spheres of language being concerned.

In this article, the phonetic type of language interference will be thoroughly investigated on the basis of one of the mixed languages that is “Spanglish”. To our point of view, mixed languages being based on the intensive and prolonged language interaction and having participants with highly developed bilingualism, and spreading far beyond the territory of the initial contact, are ones of the best representatives for the interference analysis.

Methods of Investigation

“Spanglish” that is a compilation of two constituent languages might be analyzed using descriptive, comparative, and contrastive methods of analysis. As well, some elements of a comparative typological analysis can be applied for the interfered levels of its language hierarchy. Precisely, the phonetic interference of “Spanglish” is being analyzed comparing and contrasting the features of English and Spanish with the changed phonetics of this mixed language.

Discussion and Results

Phonetic interference is a violation of the sound system of the target language under the influence of the native or, conversely, the influence of the second language on the sounds and pronunciation of the first. The speaker transfers the pronunciation skills acquired by him/her in the process of mastering the native language to the target language, violating the phonetic norm of the latter, which is the reason for the appearance of phonetic deviations. At the psychological level, this is expressed in the clash of the phonetic systems of the native and the non-native languages, their mixing, mutual adaptation and transformation into a kind of a third system.

Weinreich, U. identifies several aspects and types of phonetic interference. Among the influencing factors he proposes *paradigmatic* and *syntagmatic* ones. The syntagmatic factors refer to sounds connected in a certain sequence that is in a speech chain. Into the paradigmatic factors he includes the relationship between the sounds in the model, i.e. sounds that can appear at a given point in the speech chain (Weinreich 1979: 53-55).

Besides that, the linguist proposes classification of the influencing factors on purely *linguistic* and *extralinguistic* ones. To linguistic he refers *phonetic factors* including differences between the contacting languages in the contingent of phonemes, in the analysis of their components, and in the distributive models of the phonemes of these languages. Also here might be given *extraphonetic intralingual factors* meaning cases of interference, in which the speaker seeks to avoid homophony, leading to ambiguity. The linguistic factors can at times include the *residual effects of erroneous cases of interference* that have occurred previously and may emerge on the basis of language habit that has formed in the brain of the user. The *extralinguistic factors* are mainly linked to culture, concerning the desire of the speaker to be similar in speech to the native users of the given language in the general socio-cultural environment (Weinreich 1979: 56-59).

Concerning the types of the phonetic interference, formally it might be subdivided into the following:

- *Underdifferentiation* occurs, when the speaker does not distinguish between the individual phonemes of the second language, mixing them up. This type might be encountered, when the specified phonemes are similar or equally reproducible in the first language.
- *Overdifferentiation* occurs, when there are variations of phonemes in the first language that are absent in the second. This difference is imposed during the reproduction of the indicated phonemes in the second language, when, according to the language rules, this should not occur.
- *Reinterpretation of differences* might be noticed, when the speaker transfers significant features of the first language to the second language, where they are insignificant or redundant. More often this concerns doubled or unpronounceable consonants, as well as the length of vowels.
- *Substitution of sounds*: this type of phonetic interference occurs, when the phonemes of two languages are graphically displayed in the same way, but, in fact, there are differences in pronunciation (Weinreich 1979: 45-46).

Let us now analyze phonetic interference on the sample of “Spanglish”, identifying deviations from the norms of the English or the Spanish languages and trying to differentiate the types of phonetic interference occurring.

As it has been previously mentioned, the phonetic level of “Spanglish” is based on the mixture of Spanish and English phonetics. Interference can be identified to varying degrees depending on the territorial factor, social and psychological characteristics, as well as the degree of bilingualism of the speakers. Due to the widespread use of “Spanglish” among migrants, the transfer of the Spanish pronunciation to the English words is more common at the phonetic level, which concerns both words being changed at the morphological and lexical level, and those used without any changes. One of the reasons of the stronger Spanish influence on this level might be the smaller number of sounds in Spanish, almost complete absence of diphthongs and the clear articulation of consonants. However, in rare cases, there is also a transfer of American (due to territorial location) pronunciation to adapted and non-adapted Spanish words.

For Spanish speakers, as well as for those, who are fluent in Mexican Spanish, underdifferentiation of individual phonemes is characteristic. In particular, it is typical not to

distinguish between the phonemes /v/ and /b/. At the beginning of words, both phonemes will, for the most part, be pronounced as /b/, and in the middle or at the end of words – as a labial /v/. If one of these phonemes is located between vowels, then a slotted sound is produced, partially similar to English /w/ (Киселёва 2012: 166-172). For instance, the word “vote” (voting) retains in “Spanglish” the English spelling, but acquires a Spanish sounding /bote/, in this case here might be observed the replacement of the sound /v/ by /b/, the absence of diphthongization when /əu/ is pronounced as /o/, the clear pronunciation of the sound /t/ and the voicing of the silent in English final vowel /e/. Moreover, the Spanish word “bote” (boat) in “Spanglish” will be pronounced in the same way, which makes hearing distinction between these two almost impossible.

There is no distinction between the consonant sounds /s/ and /z/, which have one sound /s/ for the Spanish speakers, as well as for the “Spanglish” speakers. For instance, the word “zebra” is pronounced similarly to the Spanish equivalent “cebra” (despite the fact that both spellings in “Spanglish” are acceptable). That is, in this case, the sound /z/ is pronounced as /s/. In addition, the sound /r/ is clearly and sonorously articulated, and the final letter sounds like /a/ rather than like /ə/ in English.

Also, due to the absence of the /j/ phoneme in Spanish, “Spanglish” often lacks a phonetic distinction between /j/ and /tʃ/. For example, for a “Spanglish” speaker, there may be no sound difference between English words like “chin” and “shin” with both being pronounced with /tʃ/. In some cases, the phoneme /j/ can also be pronounced as /s/, but this variation is much less common [Klee, Carol y Andrew Lynch 2009].

A characteristic phonetic phenomenon for “Spanglish” is the indistinguishability of the long vowels, due to the absence of them in the Spanish language. Thus, /ɪ:/ and /i/; /e:/, /æ/ and /ei/; /u:/ and /u/; /ʌ/ and /a:/; /o:/ and /o/ sound the same. For example, the word “door” can be pronounced either /dor/ or /door/, with the /r/ sound also being solid, not rhotic as in English. Another example is the word “parquear”, common in “Spanglish” derived from the English “to park”, which after the morphological change lost the long sound /ɑ:/, inherent in the vowel “a” in the original word, and acquired the sound /ʌ/.

Moreover, based on the previous example it is possible to note the omission of the vowel “u” in pronunciation if it comes after “q”, since in this case it is silent in Spanish. For example, the word “question” would be pronounced similarly to the Spanish “cuestión”, i.e. there is both the omission of “u” when /kwe/ is pronounced as /ke/, and the aforementioned indistinguishment of the sound /tʃ/ pronounced as /st/, as well as replacing the phoneme /ə/ with /io/.

Separate diphthongs in “Spanglish” are omitted, or are displayed in writing with two phonemes. To exemplify the first variant the word “bike” can be given, which is transformed into “baka” (in the presence of an abbreviated Spanish form “bici”), where the diphthong /ai/ becomes /a/. As well, in “Spanglish” there is a word “emiliar” formed from the English “to mail”, where the diphthong /ei/ is transformed into /i/. As an example of the second variation, we can cite “Spanglish” word “rayar” (in Spanish, the word has a different meaning) formed from the English “to write”, when the diphthong /ai/ is displayed by two letters “ay”. In addition, it is also worth

noting here the omission of the letter “w”, as it is uncharacteristic for Hispanics. Another example might be the word “taipista” (from the English “typist”), where the diphthong /ai/ is also displayed in the “Spanglish” variation with two letters “ai”.

Besides that, many vowels are pronounced as they appear in writing, or as it is typical for the Spanish language. For instance, “a” is almost always pronounced as /a/, “o” – as /o/, “u” – as /u/ (if it is not positioned after q or g), “i” – as /i/, etc. To exemplify, in the word “mapear”, derived from the English “to map”, both “a” sound like /a/, “e” sounds like /e/, while “p” softens. In the word “flirtear” (from Eng. “to flirt”) “a” and “e” sound similar to the previous example, and “i” has the /i/ sound. In the word “lectura”, derived from the English “lecture”, the pronunciation of “a” as /a/, and “u” as /u/ is also observed.

In some words derived from English and having the letter “u” in the original spelling, pronounced like /a/, it is possible also to observe some changes not only in the pronunciation, but also in writing. Perhaps this happens due to the fact that in Spanish the vowel “u” always has only the /u/ sound, and the discrepancy between spelling and pronunciation could cause certain difficulties for the Spanish speakers. As an example of such vowel substitution, the following words can be given: “lonche” (from Eng. “lunch”), “lonchera” (Eng. “lunch box”), “troque” (Eng. “truck”), “troquero” (“truck driver”), “fonazo” (“having fun”) (Nginios 2011: 118-122). In all the given examples the replacement of the vowel “u” with “o” and, accordingly, the sound /a/ with /o/ can be observed. Furthermore, in such example as “soportar” (from the English “to support”), the replacement of the sound /ə/ by /o/ is also noticeable, apparently due to the same letter “u” present in the original word.

Concerning the consonants, first of all, the absence of the letter “h” in Spanish should be noted, which might be seen only in the early borrowed words. In “Spanglish”, due to its English constituent, this letter is present both in English words that have not undergone spanization, and in the modified words and expressions. However, here “h” is not a glottal aspirated consonant, but is more distinct and firm. For example, derived from the English “to hang out”, the word “hanguear”, characteristic of “Spanglish”, has a clearly articulated sound /h/.

Also in speech while pronouncing the phonemes /ð/ and /θ/, which are difficult for the Mexican Spanish speakers, these phonemes can be replaced by /d/ and /s/, respectively. Thus, “the” would be pronounced as /de/, “that” as /det/, “think” as /sink/. However, the /θ/ phoneme is not so difficult for Spanglish speakers in Spain, since this sound is characteristic of European Spanish.

In “Spanglish” there is no English nasal sound /ŋ/. Words that have this sound can be pronounced either with /n/ or a distinct hard /ng/. In this regard, words with the English ending “ing” are not very typical for the “Spanglish” speakers.

Separately should be noted a clear and firm pronunciation of such consonants as “r”, “t”, “d”. For example, the /r/ sound in “Spanglish” being similar to Spanish is voiced and clear, unlike the fricative English “r”. The consonant “l” can be interdental, dental, alveolar or palatal, depending on the subsequent sound and the position in a word (Киселёва 2012: 166-172). At the end or before the vowels /e/, /i/ it softens, and in combination with consonants or vowels /a/, /o/, /u/ it becomes

clear dental or interdental. In Spanish words used in “Spanglish” without changes, the double “l” in the case when the speaker is a native speaker of Spanish retains the sound /y/, or softened /l/ (depending on the territorial affiliation). However, “Spanglish” speakers, who have English as their first language, often pronounce “ll” like a normal /l/. For example, the words “lave” (lava) and “llave” (key) can be pronounced by these speakers identically (Klee Carol y Andrew Lynch 2009: 240-248).

Besides, similar to Spanish, in the words borrowed or modified from English, the letter “g”, followed by the phonemes /e/ and /i/, is pronounced as a softened, but distinct /h/. For example, this can be observed in the modified word “registrar” (Eng. “to register”).

In some cases, there might be observed the sound substitution that is the replacement of the labial sound /w/, which is difficult for Spanish speakers to pronounce and does not exist in Spanish, to /u/ if it is in the middle of a word or after a consonant, or to /gu/ if it is at the beginning of a word. As an example, we can mention such words and expressions used in “Spanglish”, derived from English, as “suéter” (from English “sweater”), or “güisqui” (English “whiskey”), “guáchate” (Eng. “watch out”) (Ramírez 1992: 186-188).

Also, as it has been noted earlier, the phoneme /j/ makes a certain difficulty in pronunciation for the Spanish speakers. To overcome the difficulty of voicing it and to avoid mistakes, in some “Spanglish” words in writing the English ending “tion” /ʃ(ə)n/ was replaced by the Spanish “ción” /si'on/, for example, in the word “aplicación” (from the English “application” with the similar meaning; in Spanish the word “aplicación” has a different meaning of “diligence”). The accent here also changes to the Spanish manner.

Based on the above specification, another characteristic change can be noted – the elimination of double consonants, since in Spanish there is only a double “l” if the words are not borrowed. As the example of this simplification such words as “fútbol” (English “football”), “bil” (“bill”), “atender” (“to attend” meaning “to assist”) can serve (Nginios 2011: 118-122).

The overdifferentiation of phonemes is also characteristic of this “mixed language” and is observed in two opposite phenomena: the voicing of initially silent phonemes, or the muting of originally pronounced ones. Indeed, in “Spanglish” some phonemes that are unpronounceable in English original words are pronounced. This, for example, concerns the final letters (for example, “e”), which are necessary for root phonetic variations of vowels in English. For example, the abovementioned word “vote” is read as /bote/, that is, not only does the final unpronounceable “e” becomes sonorous, but its influence on the root “o” disappears. Apparently, this is due to the simpler pronunciation of vowels, which is characteristic of the Spanish language, when all of them are voiced and have only one constant phoneme. Also, in some cases in unmodified English words, the doubled vowel “e” can be read as a double sound /e/, which is common in Spanish. Rarely the pronunciation of the double “o”, as two /o/ sounds might be observed, since this vowel is not doubled in Spanish and is typical only for the English words (Nginios 2011: 118-122).

An example of muting of phonemes can be the consonants “q” and “g”, when having in speech the sounds /e/ or /i/ after them. To preserve their original sound, they require the following

“u” in writing, which is not pronounced after them, being only a function letter, while in English there is no such rule. This phenomenon is clearly seen in such modified words as “parquear” (Eng. “to park”), “baquear” (“to back up”), “quechar” (“to catch”), “hanguear” (“to hang out”) (Fernández-Ulloa 2004: 86-90).

Thus, the above given analysis might lead to the following results of investigation: mixed languages, precisely “Spanglish”, are a good ground for the interference analysis, as it can be visible on all levels of the language hierarchy; phonetic interference in “Spanglish” may be subdivided into the following types:

- indistinguishability of individual sounds of the English language;
- substitution of some vowels by other ones;
- replacement of some consonant sounds with others;
- voicing the phonemes that do not require to be sounded;
- adding unpronounceable letters.

Conclusion

Contemporary linguistic situation leads to the emergence of the new linguistic branches, investigating interconnection of the linguistic and extralinguistic factors in the development of language. Contact linguistics as one of the modern trends studies various forms of language interaction and the results of language contacts. The mutual influence of languages cannot occur without such process as language interference that might be of different types according to the language levels, where it can be observed. In the standard view, interference is seen as a distracting factor in language learning as it prevents from correct usage of language forms causing mistakes. However, some social, cultural, economic and other external factors influencing the contact of languages and its users might result in the emergence of some new phenomenon. One of these results may be the appearance of a mixed language as the most developed form of interference on all levels of language hierarchy simultaneously. Here it is not already the distracting factor, but the means of progress.

“Spanglish” being taken as an example of a mixed language for the analysis of the phonetic interference is a good basis to show it in various forms. Phonetic interference here manifests itself in the influence of the Spanish phonetics on the English words and phrases, both modified and retaining their original spelling, and much less often – in the influence of the English phonetic norms on the Spanish pronunciation. Among the reasons presupposing this almost one-way influence might be given the simplicity of the Spanish phonetic rules compared to the English ones. Thus, among the types of phonetic interference in “Spanglish”, the most characteristic are: the indistinguishability of individual sounds of the English language; substitution of some vowels by others; replacement of some consonants with others; voicing phonemes that do not require pronunciation, as well as adding unpronounceable letters to some modified English words. These all lead to the development of the phonetic system not peculiar for either of the constituent languages.

REFERENCES

- Fernández-Ulloa, T. (2004). *Espanglish y cambio de código en el Valle de San Joaquín, California*. California State University, BilingLatAm.
- Juarros-Daussa, Eva. El Spanglish. 2012. URL: <http://www.ub.edu/diccionarilinguistica/content/el-spanglish> (06.10.2023)
- Klee Carol y Andrew Lynch. *El español en contacto con otras lenguas*. Washington DC: Georgetown University Press, 2009.
- Nginios Rosa-Triantafilian. *Sobre el spanglish en los Estados Unidos*. Section d'études hispaniques. Montréal: Université de Montréal, 2011.
- Ramírez, A.G. (1992). *El español de los Estados Unidos: el lenguaje de los hispanos*. Madrid: Mapfre.
- Stavans, Ilan (2018). *Don Quixote of La Mancha*. Miguel de Cervantes adaptación. The Pennsylvania State University Press, University Park, Pennsylvania.
- Weinreich Uriel. *Languages in Contact: Findings and Problems*. Mouton Publishers, 1979.
- Kiseleva, D.S. (2012). O nekotoryx foneticheskix osobennostyax spanglish kak rezul'tatax dejstviya mezh'yazykovoj interferencii. Nauchnoe soobshhestvo studentov XXI stoletiya. Gumanitarny'e nauki: sb. st. po mat. IV mezhdunar. stud. nauch.-prakt. konf. Novosibirsk, S. 166-172.
- Shherba, L.B. (1958). O ponyatii smeshenij yazykov. *Shherba L.V. Izbranny'e raboty po yazykoznaniiyu i fonetike*. T. I. L.,

ЛИТЕРАТУРА

- Fernández-Ulloa, T. *Espanglish y cambio de código en el Valle de San Joaquín, California*. California State University, BilingLatAm, 2004.
- Juarros-Daussa, Eva. El Spanglish. 2012. URL: <http://www.ub.edu/diccionarilinguistica/content/el-spanglish> (06.10.2023)
- Klee Carol y Andrew Lynch. *El español en contacto con otras lenguas*. Washington DC: Georgetown University Press, 2009.
- Nginios Rosa-Triantafilian. *Sobre el spanglish en los Estados Unidos*. Section d'études hispaniques. Montréal: Université de Montréal, 2011.
- Ramírez A. G. *El español de los Estados Unidos: el lenguaje de los hispanos*. Madrid: Mapfre, 1992.
- Stavans Ilan. *Don Quixote of La Mancha*. Miguel de Cervantes adaptación. The Pennsylvania State University Press, University Park, Pennsylvania, 2018.
- Weinreich Uriel. *Languages in Contact: Findings and Problems*. Mouton Publishers, 1979.
- Киселева Д.С. О некоторых фонетических особенностях spanglish как результатах действия межъязыковой интерференции // Научное сообщество студентов XXI столетия. Гуманитарные науки: сб. ст. по мат. IV междунар. студ. науч.-практ. конф. Новосибирск, 2012. С. 166-172.

Щерба Л.В. О понятии смешений языков // Щерба Л.В. Избранные работы по языкознанию и фонетике. Т. I. Л., 1958.

© Ярцева С.В., 2023

НИЖНЕВАРТОВСКИЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ